САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

САДОВСКАЯ Елена Сергеевна

ЛИНГВОКОММУНИКАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖАНРА «ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ КОЛОНКА» В НЕМЕЦКИХ СМИ

10.02.04 – Германские языки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:

кандидат филологических наук,

доцент **К. Р. Новожилова**

Санкт-Петербург

2016

Оглавление

Введение..... 4
Глава I. Теоретические основы изучения литературно-критических жанров в газетно-публицистическом дискурсе..... 12
1.1.Понятие литературной критики, ее предмет и функции. Взаимосвязь литературной критики с другими научными дисциплинами..... 12
1.2.Функционирование литературной критики в современном медиапространстве Германии..... 19
1.3.Понятие жанра в публицистике. Жанрообразующие факторы..... 24
1.4.Типология публицистических жанров. Место литературно-критических текстов в жанровой парадигме современных газетно-журнальных жанров..... 29
1.5.К вопросу генезиса жанра «литературно-критическая колонка»: жанры «рецензия» и «авторская колонка»..... 37
1.5.1. Основные особенности, структура и разновидности жанра «рецензия» 37
1.5.2. Основные признаки жанра «колонка» 40
Выводы по I главе 43
Глава II. Литературно-критическая колонка как тип текста в лингвистическом аспекте..... 44
2.1. Место ЛКК в лингвистических типологиях текстов..... 44
2.2. Текстовые функции ЛКК..... 48
2.3. Структурные особенности ЛКК..... 52
2.2.1. ЛКК „Fragen Sie Reich-Ranicki“ в газете „Frankfurter Allgemeine Zeitung“..... 54
2.2.2. ЛКК „Brands Bücher“ в журнале „FOCUS“..... 66

2.2.3. ЛКК „Weiterlesen!“ в журнале „Stern“……... 77
Выводы по II Главе..... 83
Глава III. Общие и индивидуально-авторские способы реализации стратегии воздействия на читателя в ЛКК..... 85
3.1. Языковые способы выражения персуазивной стратегии оценки в ЛКК..... 85
3.1.1. Текст ЛКК как продукт персуазивной коммуникации. Оценка как универсальная составляющая персуазивной стратегии……... 85
3.1.2. Языковые способы выражения стратегии прямой оценки……..... 89
3.1.3. Языковые способы выражения стратегии косвенной оценки…..... 100
3.2. Индивидуально-авторские особенности ЛКК „Fragen Sie Reich-Ranicki“, „Brands Bücher“, „Weiterlesen!“..... 118
3.2.1. Особенности идиостиля М. Райх-Раницкого в ЛКК „Fragen Sie Reich-Ranicki“..... 118
3.2.2. Особенности идиостиля Й.-У. Брандта в ЛКК „Brands Bücher“... 126
3.2.3. Особенности идиостиля Э. Хайденрайх в ЛКК „Weiterlesen!“... 133
Выводы по Главе III..... 139
Заключение..... 142
Список принятых сокращений и источников иллюстративного материала... 148
Список литературы..... 158
Приложение..... 179

Введение

В современном социокультурном и медийном пространстве можно наблюдать два процесса, развивающихся параллельно, но оказывающих непосредственное влияние друг на друга. Первый процесс связан с вопросом о статусе современного читателя, о модусе его существования в постоянно меняющемся мире. Это связано с ускорением темпа развития мультимедийных технологий, обеспечивающих появление новых способов передачи и распространения информации, а также новых видов развлечений. Само понятие «читатель» как обозначение человека, который занят чтением литературных произведений, газет и журналов начинает замещаться понятиями «потребитель информации», «пользователь» и т.д. Современный читатель активно теряет интерес к литературе – свидетельством тому является довольно распространенная в последнее время практика проведения инициатив по привлечению внимания к книгам и поддержке чтения (например, кампания «Vorsicht! Buch» в Германии или фестиваль «Книги России» в России). Если читатель не заинтересован в литературе, теряется потребность и в литературной критике как в общественном институте.

Второй процесс относится непосредственно к системе средств массовой информации, направляющей вектор своего развития в сторону персонификации, что проявляется в индивидуальной подаче информации, изменении статуса и позиции автора, вовлечении аудитории в активный диалог с публицистом. Печатные СМИ, предоставляя площадку для открытого выражения субъективного мнения, создают благоприятную среду для функционирования литературной критики в новом формате. Предполагается, что в силу сложившихся особенностей общества, наблюдается спад деятельности специализированных литературно-критических изданий; в таком случае ориентирующе-просветительскую роль

должны взять на себя массовые издания, рассчитанные на широкую аудиторию. Так создаются условия для появления новых литературно-критических жанров, адаптирующихся к особенностям современного читателя и ориентирующихся на его потребности. Рассмотрению одного из таких жанров в лингвистическом ракурсе, а именно жанра литературно-критической колонки (ЛКК) и будет посвящена настоящая работа.

Актуальность работы определяется, прежде всего, тем, что она предпринята в русле коммуникативного направления лингвистических исследований, включающего текст в систему человеческой коммуникации. Кроме того, тип текста, исследуемый в настоящей диссертации, представляет собой недавно появившийся публицистический жанр, который стал актуальным при формировании контента издания.

Научная новизна заключается в том, что в ней впервые предпринята попытка определения лингвокоммуникативного статуса ЛКК как гетерогенного типа публицистического текста. Этот тип текста относится к литературно-критическому дискурсу «как совокупности тематически-соотнесенных текстов» [Чернявская, стр. 6]. Таким образом, работа нацелена на то, чтобы восполнить пробел в текстотипологических исследованиях жанра публицистики.

Предмет исследования составляют языковые особенности, формирующие лингвотипологическую специфику типа текста ЛКК.

Цель настоящей работы заключается в выявлении и системном описании основных текстотипологических характеристик ЛКК, как экстра- так и интралингвистических.

Поставленная цель исследования предполагает решение конкретных **задач**:

1. Выявить функционально-стилистическую принадлежность ЛКК к публицистическому стилю и его отнесенность к литературно-критическому дискурсу;

2. Определить текстовые функции ЛКК как гетерогенного типа текста;
3. Дать обоснования коммуникативным критериям, определяющим формирование данного типа текста (экстралингвистические факторы);
4. Описать продуктивную модель типа текста ЛКК, учитывая его обязательные или вариативные признаки в функциональном, структурном, тематическом и стилистическом аспектах;
5. Определить ведущую коммуникативную стратегию в качестве типологической (жанровой) характеристики ЛКК и описать языковые способы ее выражения.
6. Описать индивидуально-стилистические особенности текстов ЛКК в публикациях трех авторов: Марселя Райх-Раницкого, Йобста-Ульриха Брандта и Эльке Хайденрайх.

Материалом исследования послужили тексты ЛКК в неспециализированных общественно-политических газетных и журнальных изданиях современной немецкой прессы: колонка Марселя Райх-Раницкого в газете «Frankfurter Allgemeine Zeitung», колонка Йобста-Ульриха Брандта в журнале «FOCUS» и колонка Эльке Хайденрайх в журнале «Stern» за период с 2008 по 2012 гг. Отбор текстов для анализа осуществлялся методом сплошной выборки. Всего было отобрано и тщательно проанализировано 72 публикации общим объемом 200 печатных страниц.

В соответствии с поставленной целью и задачами в работе в качестве основных **методов исследования** используются методы коммуникативно-функционального анализа, системно-структурного и сопоставительного описания текста.

Степень разработанности проблемы. Анализ существующих теоретических работ, посвященных лингвистическому рассмотрению литературно-критических жанров, свидетельствует о том, что основное внимание

исследователей было направлено на изучение ведущего жанра литературной критики – рецензии. На материале русского языка газетная рецензия на литературное произведение была рассмотрена в работах Ю. А. Крикунова [Крикунов, 1976], В. М. Горохова [Горохов, 1970], А. Г. Бочарова [Бочаров, 1982], Е. Н. Остович [Остович, 1989]. О. В. Краснояровой [Краснoярова, 2004], Н. В. Пасынкова [Пасынков, 2006], О. В. Винокуровой [Винокурова, 2012] и др. Недавние исследования также показали интерес к изучению оценочности в жанре рецензии [Набиева, 2010]. На материале английского языка газетная рецензия была изучена с точки зрения ее вертикальной и горизонтальной структуры [Синдеева, 1984], были рассмотрены семантико-прагматические особенности электронной рецензии [Прибыткова, 2004]. На материале немецкого языка было проведено исследование, в рамках которого автору удалось раскрыть текстообразующую роль производных номинативных единиц на примере публицистической рецензии [Федоровская, 2003]. Наиболее комплексным исследованием на данный момент можно считать работу Н. В. Довгань, направленную на выявление особенностей семантической, синтаксической и прагматической организации типа текста «рецензия» в немецких печатных и Интернет-изданиях на микро- и макротекстовом уровнях [Довгань, 2013].

Теоретическая значимость. Работа вносит вклад в исследование литературно-критического дискурса в публицистике, а также расширяет разработку стратегии персуазивности, которая образует специфику исследуемых текстов.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных результатов в преподавании лекционных курсов по функциональной стилистике немецкого языка, семинаров по типологии немецких публицистических текстов.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. С точки зрения теории публицистики литературно-критическая колонка представляет собой устойчивый тип газетно-журнальных публикаций литературно-критической тематики, формирующийся на основании общих для данного жанра признаков: предмет отображения, наличие конкретной целеустановки и определенный тип адресанта с характерными для него индивидуально-стилевыми особенностями. Жанр ЛКК является актуальным жанром литературно-критического медийного дискурса, сформировавшимся в последние десятилетия XXI в. и требующий подробного изучения как с позиций теории публицистики, так и теории лингвистики.

2. Лингвистический подход к рассмотрению данного публицистического жанра как типа текста «ЛКК» позволяет выделить его инвариантную функционально-структурную модель. Основными функциями типа текста «ЛКК» являются: оценочная, информирующая, функция самопрезентации автора.

3. Функциональная направленность типа текста «ЛКК» определяет его структурную организацию: типологическая структурная модель ЛКК включает в себя заголовочный комплекс (надзаголовок, лид, заголовок), зачин, основной текст.

4. Персуазивная стратегия оценки рассматривается как типологическая (жанровая) характеристика ЛКК. Стратегия оценки в ЛКК реализуется в тактиках прямой и косвенной оценок. Объектами оценки в тексте ЛКК являются литературное произведение, писатель и литературные персонажи. Оценка в тексте ЛКК выполняет ориентирующую и стимулирующие функции, оказывает воздействие как на рациональную, так и на эмоциональную сферы читателя и побуждает его к определенным посткоммуникативным действиям.

5. Высокая степень индивидуально-авторской вариативности данного типа текста подразумевает свободу выбора композиции и языковой манифестации. Основными стратегическими задачами автора ЛКК, в независимости от типа издания, являются ориентированность на читателя и доступность подачи информации. В зависимости от конкретного автора и его установок, ЛКК могут проявлять разную степень диалогичности и демонстрировать различные языковые способы риторико-аргументативной организации критических суждений.

Апробация результатов работы проводилась на XLIII и XLIV Международных филологических конференциях (СПбГУ, Санкт-Петербург, 2014, 2015 гг.), Научном конгрессе общества „GeSuS“ 23. Linguistik- und Literaturtage „Die Sprachen Mitteleuropas und darüber hinaus“ (СПбГУ, Санкт-Петербург, 2015 г.)

Публикации. По теме диссертации опубликовано 5 научных статей из них 3* в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Тип текста «колонка» (на материале публикаций М. Райх-Раницкого). / Е. С. Садовская. // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете : сб. науч. ст. / под ред. д-ра филол. наук, проф. С. Т. Нефёдова. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2014. – Вып. 4 : Текст и текстовые единицы. – С. 120-130.

2. Прагмалингвистическая характеристика диалогичности в публицистическом жанре «колонка» (на материале текстов авторской колонки М. Райх-Раницкого). / Е. С. Садовская. // Материалы XLIII международной филологической конференции. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2014. – Выпуск 18. Секция грамматики (романо-германский цикл). – С. 68-76.

3. *Садовская Е. С. Реализация субъективной оценки в критическом публицистическом жанре «авторская колонка» (на материале публикации М. Райх-Раницкого “Ein Weltmeister im Selbstlob”). / Е. С.

Садовская // Вестник Орловского государственного университета. – Орел, 2015. – Серия: Новые гуманитарные исследования. Вып. № 2 (43). – С. 389-392.

4. *Садовская Е. С. Типология публицистических жанров и литературно-критические тексты. / Е. С. Садовская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2015. – №8, часть 2. – С. 156-159.

5. *Садовская Е. С. Интертекстуальность как способ оценки в литературно-критических текстах (на материале немецких печатных СМИ). / Е. С. Садовская. // Научное мнение. – Санкт-Петербург: Некоммерческое партнерство ученых, преподавателей и учреждений высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский университетский консорциум», 2015. – № 8. – С. 130-136.

Структура и объем работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и их сокращений, библиографического списка и приложения. Во введении обосновывается тема исследования, ее научная новизна и актуальность. Формулируются цели и задачи исследования, перечисляются методы исследования, а также излагаются его теоретическая и практическая значимость. В первой главе рассматриваются теоретические аспекты исследуемой проблемы. Автор дает определение понятию литературной критики, выделяет особенности функционирования литературной критики в немецком культурном пространстве, в частности, в системе немецких СМИ. Уточняется понятие публицистического жанра, и выделяются основные жанрообразующие факторы. Определяется место литературно-критических текстов в типологиях публицистических жанров. Отдельное внимание уделяется рассмотрению жанров «рецензия» и «авторская колонка» как первичных жанров, создающих основу для формирования жанра ЛКК. Вторая глава посвящена лингвистическому рассмотрению ЛКК как самостоятельного типа текста и рассмотрению его коммуникативно и функционально детерминированных структурных

особенностей. На основе анализа практического материала создается инвариантная модель типа текста ЛКК. Отдельные структурные элементы подробно рассматриваются с точки зрения тематического, языкового и функционального аспектов на примере 3 колонок в неспециализированных общественно-политических газетных и журнальных изданиях. В третьей главе определяются языковые способы выражения персуазивной стратегии оценки как проявления персуазивной интенции в текстах ЛКК и рассматриваются индивидуально-авторские особенности стиля колонок „Fragen Sie Reich-Ranicki“, „Brands Bücher“, „Weiterlesen!“. Общий объем исследования составляет 186 страниц. Список использованной литературы включает 173 наименования. В приложении приводятся тексты некоторых анализируемых публикаций.

Глава I. Теоретические основы изучения литературно-критических жанров в газетно-публицистическом дискурсе

1.1.Понятие литературной критики, ее предмет и функции. Взаимосвязь литературной критики с другими научными дисциплинами.

Понятие «литературная критика» содержит в себе два значимых для его понимания компонента: основополагающее понятие «*критика*» и определяющий компонент «*литературная*», характеризующий его предмет. Слово «критика» *(нем. die Kritik < фр. critique < лат. critica < греч. κριτική)* означает «сужу, суждение». Суждение подразумевает два вида деятельности: с одной стороны, судить – т.е. рассуждать о чем-нибудь, рассматривать и анализировать объект, пытаться раскрыть его смысл, найти связь с другими явлениями. С другой – делать окончательный вывод об объекте, квалифицировать его по принципу «+»/ «-», т.е. либо отвергнуть, осудить, либо оправдать, признать положительным. Так подтверждается тезис о том, что «всякая критика действительно включает в себя, если она хочет быть основательной, своего рода *следствие*, т. е. подробное рассмотрение предмета, а также и *приговор* о нем» [Литературная энциклопедия, 1931, с. 589, курсив наш – *Е.С.*]. Этот тезис, несмотря на давность времени, тем не менее, содержит в себе те ключевые принципы, на которых литературная критика на протяжении своего периода развития базируется до сих пор и которые непосредственно влияют на формирование текстовой организации литературно-критических жанров (при сопоставлении *следствия* с процессом информирования, анализа и изложения наиболее существенных с точки зрения критика особенностей объекта, а *приговора* – с непосредственным оцениванием объекта критики).

Применительно к современному процессу в обществе критика справедливо трактуется как «познавательно-ориентирующая деятельность, которая формирует

оценочное отношение людей к различным культурным явлениям либо к их отдельным аспектам» [Санкова, 2010, с. 237].

Литературная критика входит в общее понятие художественной критики, рассматривающей культурные явления, культурные артефакты (кино, музыка, архитектура, театр и т.д.), их включенность в художественный процесс.

Для сравнения взглядов на данное понятие в русской и немецкой научных парадигмах рассмотрим определения литературной критики, взятые из справочной литературы. Литературная критика, по определению Литературной энциклопедии терминов и понятий, это «пристрастное интуитивно-интеллектуальное прочтение словесно-художественных текстов, пронизанное при этом интересами, волнениями, соблазнами, сомнениями, связующими словесное искусство с многоцветной реальностью жизни» [Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2001, с. 413]. Из этого определения следует, что, во-первых, **предметом** литературной критики является литературно-художественный текст, а во-вторых, критик рассматривает произведение в контексте актуальных общественных проблем современности.

В статье „*Literaturkritik*“ Герберта Яуманна в справочнике „*Reallexikon der deutschen Literaturwissenschaft*“[Jaumann, 2000, S. 463-468] исследователь отмечает комментирующий, оценивающий, обличительный, рекламный, ориентирующий характер литературной критики, т.е. речь идет о функциях литературной критики.

Существенным для рассмотрения нам кажется определение литературной критики, предложенное ведущим специалистом в области немецкой литературной критики Томасом Анцем в справочнике „*Literaturlexikon*“ [Anz, 1993, S. 38-41]. Т. Анц выделяет ряд ключевых признаков литературной критики, характерной для немецкой традиции. Во-первых, отмечается разграничение понятий «литературная критика» и «литературоведение», принятое в Германии, остающееся дискуссионным в России или не существующее вовсе в традициях

англистики и романистики (где приняты общие наименования *criticism* или *critique littéraire*). Во-вторых, литературная критика понимается как *в основном* (*meist)* информирующее, интерпретирующее и оценивающее обсуждение литературы, т.е. автор указывает на некоторые иные возможные сферы функционирования литературной критики. В-третьих, Т. Анц пишет о том, что в фокусе критики находятся недавно вышедшие литературные произведения и современные писатели. И, наконец, исследователь обозначает сферу действия критики в Германии – это медиасфера, сфера средств массовой информации.

Отметив ряд функций, кратко изложенных в определении литературной критики в справочнике *„Reallexikon der deutschen Literaturwissenschaft“*, рассмотрим подробнее **функции** критики вообще и **литературной критики** в частности.

Для понимания роли критики в художественном процессе, необходимо, прежде всего, представить механизм творческой деятельности, характер взаимодействия писателя (художника) и читателя, то, как действительность отражается и преобразовывается в сознании художника и воспринимается читателем. Художественный процесс охватывает ряд элементов: *действительность – художник – произведение – читатель – действительность*. Художник осмысливает, осваивает действительность; результат этого освоения закрепляется в произведении; произведение воспринимает читатель, и оно оказывает на него определенное «идейно-эстетическое воздействие»; читатель под воздействием произведения «социально-активно влияет на действительность» [Борев, 1979, с. 6], с которой начинается и которой заканчивается цепь взаимодействия элементов художественного процесса. Критика влияет на все элементы рассматриваемого процесса и на отношения между ними.

Критика является *формой осмысления действительности*, служит познанию окружающего мира [Красноярова, 2004, с. 10]. С позиции отношения к творческому процессу художника критика представляет собой *метод осмысления*

явлений художественной культуры, способ самосознания искусства. Появляются новые произведения, они осмысливаются, сравниваются с тем, что было раньше, вводятся в контекст художественного процесса. Критик способен определить место произведения в общей парадигме художественной культуры, если произведение не получает широкого обсуждения, оно на какое-то время может выпасть из духовной жизни общества. Другое название этой функции – *организаторская* [Бочаров, 1979, с. 181].

Критика выполняет *функцию эстетического воспитания*, которая заключается в просвещении, пропаганде прекрасного, воспитании вкуса читателя и развитии его эстетических потребностей. Однако художественные произведения оцениваются критикой не только с эстетических позиций, но и с позиции морали, как социальный документ. Эта функция определяется также как *агитационная* [там же].

Перечисленные функции можно условно обозначить как глобальные функции литературной критики, влияющие на весь художественный процесс. Однако необходимо также отметить собственно прагматические функции литературной критики. Так, профессор университета г. Кобленц Штефан Нойхаус предлагает следующие функции современной литературной критики: *ориентирующая* (*Orientirungsfunktion*) – критик осуществляет выборку, селекцию заслуживающих внимания произведений из всей массы литературных явлений; *информирующую* (*Informationsfunktion*) – критик сообщает читателю, о чем идет речь и как раскрывается тема в книге, *оценивающую* (*Kritikfunktion*), *развлекательную* (*Unterhaltungsfunktion*) – функцию, которой обладает любой журналистский текст [Neuhaus, 2004, S. 142-143].

Несмотря на некоторые попытки отождествления критики и литературы, отрицания научного-логического начала у критики, большинство исследователей признают двойственную природу критики. Одними своими особенностями,

свойствами, формами выражения мысли она родственна литературе, другими свойствами, способами мышления – науке [Борев, 1979, с. 16].

Связь литературной критики с другими научными дисциплинами. В первую очередь, здесь требует краткого освещения вопрос о принадлежности литературной критики к литературоведению. Ю. Б. Борев в своем исследовании предлагает наглядное сопоставление этих двух сфер постижения художественного мышления по целому ряду параметров, позволяющих выявить их сходство и различия [там же, с. 21]. По *форме мышления* литературоведение представляет собой сферу научного мышления, в то время как критика сочетает в себе научное и художественное виды мышления. В качестве следующего параметра выступает *предмет анализа*, позволяющий также обозначить существенное различие между этими двумя областями: если литературоведение занимается устоявшимися художественными явлениями, имеющими позитивную ценность, то критика, в свою очередь, рассматривает весь художественный процесс, т.е. не только шедевры искусства, но и произведения, не имеющие большой художественной значимости. Для литературоведения важно историко-литературное развитие художественного процесса, в то время как критика исследует преимущественно явления современного художественного процесса. Сравнивая эти два вида деятельности *по соотношению в них анализа и оценки*, для нас становится очевидным, что литературоведение анализирует художественные явления, уже оцененные общественностью, уделяя основное внимание их интерпретации. Критика сама устанавливает ценностный ранг анализируемым объектам, делает акцент на аксиологическом подходе к произведению. Еще одним параметром, на основании которого определяется специфика каждой из областей исследования искусства, является *фактор аудитории*: литературоведение обращается к специалистам, ставя научные проблемы; критика ориентирована на широкую аудиторию, ее специфика в массовости, доступности, популяризаторстве. Литературоведение претендует на долговечное хранение своих достижений, главные результаты литературоведческого исследования

сохраняют свое значение как в познавательной, так и в аксиологической сферах. В отличие от критики, которая не рассчитывает на долговечность хранения результатов критического анализа. Таким образом, наблюдаются различия *по способу хранения результатов анализа*. Весомым параметром, позволяющим разграничивать литературоведение и критику, является *контекст анализа.* Как правило, литературоведение рассматривает произведение в контексте всей культуры и истории общества. Критика же стремится постичь произведение в контексте литературы и современной жизни, выявить связь затрагиваемых в произведении вопросов с актуальными проблемами, характерными для современного общества. Последний параметр, на который обращает внимание исследователь – это *метасистема*. Так, по отношению к литературоведению метасистемой служит эстетика, в которой существуют в сжатом виде важнейшие результаты литературоведческого исследования, а литературоведение, в свою очередь, становится метасистемой по отношению к критике.

Следует признать, что невозможно провести четкого разграничения этих двух сфер исследования явлений художественного мира; граница между критикой и литературоведением подвижна и проницаема. Попробуем кратко сформулировать **основное отличие**, разделяющее эти два понятия, объединенные одним объектом исследования: первостепенным является то, что литературоведение не дает оценки текста. Для исследования, проводимого в русле литературоведения, не имеют значение статус писателя, наличие у него таланта, его популярность и рейтинг. Литературовед, оперируя методологическими приемами, может осуществить интересное с точки зрения науки исследование, взяв в качестве материала исследования не самое выдающееся произведение в творчестве писателя. Также стоит отметить, что литературоведение по большей части занимается изучением литературы прошлого, а не настоящего, поэтому здесь нет строгой нацеленности на актуальное обновление материала исследования.

Также необходимо отметить значимую связь критики с другими областями духовной деятельности – **герменевтикой** (теорией интерпретации) и **аксиологией** (теорией ценностей). Основы теоретического и методологического опыта герменевтики содействуют критике в реализации таких существенных вопросов, как определение проблематики произведения (что необходимо видеть за текстом – личность автора, реальные вопросы современной эпохи или реальность исторической эпохи, породившей данное произведение). Герменевтика предоставляет критике методические приемы интерпретации; ориентирует критика на неэмпирический, целостный, концептуально-философский подход к произведению [Борев, 1979, с. 31]. Оценочная деятельность критики определяет место произведения в современном ему художественном процессе, в национальной или мировой культуре. Также она указывает на необходимость внимания к этому произведению со стороны истории литературы или же исключает из поля ее зрения данное явление. Немаловажным является то, что она дает читателю предварительную установку для чтения произведения и определяет так называемый уровень «рецепционного ожидания», влияющий на все художественное восприятие [там же, с. 33].

1.2. Функционирование литературной критики в современном медиапространстве Германии

Исследователи еще ранее подчеркивали важную особенность природы критики, представляя ее как сложное, специфически-оригинальное двуединство научности и публицистичности [Бочаров, 1979, с. 25]. Современные исследователи бытия в том, что она, с одной стороны, относится к миру художественной культуры, а с другой – принадлежит сфере массмедиа [Красноярова, 2004, с. 5].

Выделение критики в особую профессию связано с появлением и развитием нового общественного явления – прессы. Через прессу критика обращается, прежде всего, к публике, а также к самим деятелям искусства. Однако авторитетом своего публичного анализа критика оказывает воздействие и на различные общественные организации, чья деятельность, так или иначе, соприкасается с искусством, на все уровни и участки общественного сознания.

Отмечается, что в развитии современной критики обозначилась явная тенденция к освоению новых информационных территорий и к значительному расширению горизонта своего влияния [Шильникова, 2009, с. 154]. Современная литературная критика существует теперь в медиапространстве, т.е. можно говорить о том, что литературно-критические тексты являются составной частью медиадискурса. Т. Г. Добросклонская определяет медиадискурс как «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия». Профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации МГУ считает, что основой для выделения дискурсов, в том числе и медиадискурса, являются различные сферы человеческой коммуникации, речевой практики и функционирование языка в соответствующих видах деятельности (таких как наука, образование, политика, медицина, средства массовой информации и т.п.) [там же].

Профессор СПбГПУ В. Е. Чернявская справедливо отмечает, что границы дискурса могут устанавливаться по-разному, гибко, подвижно, относительно некоторого периода времени, сферы человеческой практики, области знания, типологии текстов и других объективно существующих параметров, в зависимости от коммуникативно-прагматических и когнитивных целей. Под дискурсом, по мнению исследователя, следует понимать «совокупность тематически общих текстов, каждый из которых воспринимается и идентифицируется как языковой коррелят определенной социально-культурной практики» [Чернявская, 2011, с. 93].

Понятие литературно-критического дискурса может трактоваться в узком смысле как «совокупность текстов, содержательно-тематическое, концептуальное и функциональное единство которых определяется принадлежностью функциональному стилю публицистики и синкретизмом языковой личности автора» [Силецкая, 2011, с. 5].

В более широком рассмотрении, литературно-критический медийный дискурс может представлять собой совокупность текстов литературно-критической тематики, реализующихся в сфере массовой коммуникации.

Современное медиапространство Германии предоставляет широкие возможности для функционирования литературной критики. Это, прежде всего, печатные издания, телевидение, радио, а также платформы развивающейся сети Интернет. Данное исследование будет сфокусировано на изучении литературно-критических текстов в прессе, однако для предоставления наиболее полной картины развития критики в системе немецких СМИ, кратко осветим, в каких формах литературная критика выступает в том или ином медийном органе. Литературно-критические рассуждения на темы, затрагивающие наиболее актуальные произведения мировой литературы, существуют на телевидении и радио в определенных форматах. Развитие литературной критики в данных медиасферах началось с формата «ТВ-рецензии», в рамках которого между

ведущим и приглашенным экспертом происходило обсуждение литературного произведения. Зачастую разговор ведущего с экспертом сопровождался иллюстративными вставками, представляющими собой актерские инсценировки отдельных фрагментов книги. Впоследствии многообразие передач разговорного формата, ток-шоу, литературных журналов на телевидении и радио приобретает общее наименование „Literatursendung“ (передача о литературе). Наиболее успешными примерами подобных передач на радио являются передачи „Das literarische Kaffeehaus“ (1964-1967, канал NDR), „Fragen an den Autor“, специализирующаяся исключительно на обсуждении научно-популярных книг (1969-по н.в., каналы SR 1 Europawelle, SR 2 Kulturradio), передача, целевая аудитория которой представляет собой детей в возрасте 4-8 лет, „Ohrenbär“ (1987-по н.в., каналы SFB, WDR, NDR). Самым известным примером является передача „Das literarische Quartett“ на канале ZDF.

Критика существует в системе немецких печатных СМИ в двух направлениях: в специализированных, искусствоведческих („Literatur und Kritik“, „Die literarische Welt“, „Glanz und Elend“, „Sinn und Form“ и др.) и в СМИ «общего интереса» (общерегиональные издания типа „FAZ“; „Süddeutsche Zeitung“, иллюстрированные журналы „Spiegel“, „Stern“, „Focus“, досуговая журналистика „Bild“, „Readers Digest“ и др.). Как известно, в последнем случае имеют место неоднозначные взаимоотношения между критикой и массовой культурой. С одной стороны, критика стремится к борьбе с усредненностью массовой культуры, пропагандируя талантливые художественные произведения и обличая бездарные, низкокачественные работы. Но в тоже время наблюдаются тенденции к давлению со стороны массовой культуры, ведущие к невзыскательности критики, появлению определенной стереотипности форм критических выступлений, понижению уровня эстетических требований. Исследователи неоднократно отмечают, что сегодня на сферу действия критики влияют законы информационного рынка и рекламы, предопределяющие тиражированность

вещей, которые по большому счету нельзя отнести к искусству [Красноярова, 2004, с. 12].

Эти изменения, затрагивающие формат и функции литературной критики, происходят в течение достаточно длительного времени, начиная с 90х гг. XXв. В качестве иллюстрации этого явления известная писательница-критик Зигрид Леффлер в статье „Die versalzene Suppe und deren Köche. Über das Verhältnis von Literatur, Kritik und Öffentlichkeit" [Literaturkritik…, 1999, S. 27-41] приводит анекдотичный случай из своей творческой практики, датируемый 1993 г.: редакция одного популярного глянцевого журнала попросила ее оценить вышедший в свет роман американской писательницы Сьюзан Зонтаг („The Volcano Lover), поставив определенное условие: отзыв должен составлять от одной до трех строк, предполагается соответствующий гонорар. Остроумие австрийской писательницы позволило ей сформулировать достойный ответ на подобный запрос: „Sehr geehrte Redaktion. Ihr Angebot, für Sie Susan Sontags "Der Liebhaber des Vulkans" zu besprechen, ehrt mich. Ich nehme es gerne an. Jetzt sind die drei Zeilen leider voll". Kontonummer." («Уважаемая редакция. Ваше предложение, обсудить роман Сьюзан Зонтаг «Поклонник вулканов» делает мне честь. Я охотно его принимаю. Вот уже и 3 строки, к сожалению. Номер счета»).

Этот эпизод иллюстрирует наметившийся тренд в сфере средств массовой информации: меняется само понятие функции критики в медиасфере, ее формат. Наблюдается переход от подробного, профессионально обоснованного анализа и интерпретации литературного произведения к краткому, упрощенному формату с ярко выраженным рекламным характером. Этот тренд адаптируется под интересы аудитории, которая, в свою очередь, также претерпевает изменения: появляется новый тип потребителя, не желающий воспринимать большие объемы информации и подсознательно ожидающий «встряски» интереса, которую он получит, прочитав следующую новость.

Меняется и отношение к критику как к компетентному лицу - все чаще, преследуя маркетинговые цели, для обсуждения книжных новинок приглашаются известные лица, не имеющие никакого отношения к литературному миру - звезды тенниса, супермодели, ведущие телепередач.

1.3.Понятие жанра в публицистике. Жанрообразующие факторы

Вопрос определения понятия «жанр» до сих пор остается дискуссионным среди исследователей. Следует отметить единство мнений о том, что жанр – явление сложное, необычайно пластичное, легко изменяющееся в своем развитии и адаптирующееся к потребностям окружающей семиосферы. Сложность этого феномена объясняет отсутствие общепринятой исчерпывающей формулировки жанра, поэтому для того, чтобы раскрыть его сущность и выявить его характерные черты, необходимо обратиться к нескольким трактовкам. Рассмотрим наиболее ключевые из них.

Так, например, профессор факультета журналистики Московского государственного университета А. А. Тертычный под публицистическим жанром предлагает понимать *«устойчивые типы публикаций, объединенные сходными формально-содержательными признаками»* [Тертычный, 2014, с. 12]. Профессор факультета журналистики Воронежского государственного университета Л. Е. Кройчик определяет жанр как *«относительно устойчивую структурно-содержательную организацию текста, обусловленную своеобразным отражением действительности и характером отношения к ней творца»* [Основы творческой деятельности…, 2000, с. 138]. В исследованиях, посвященных проблемам публицистики, встречается также понятие жанра как *«обобщенной типизированной формы журналистских выступлений»* [Мельник, 2004, с. 105]. Нетрудно отметить схожесть признаков, которыми наделяют это явление ученые: устойчивость, системность, типологичность, наличие общей структурно-содержательной парадигмы.

Среди встречающихся в справочной и научной литературе определений выделяется трактовка жанра, предложенная проф. Г. В. Лазутиной и проф. С. С. Распоповой. Ученые рассматривают жанр не как группу текстов, не как тип текста, а как «исторически складывающийся вид того или иного рода духовного творчества, обусловленный предметно-объектным многообразием

действительности, многообразием потребностей общества и несущий в себе память о средствах, подходящих для отображения соответствующего предмета и удовлетворения соответствующей потребности» [Лазутина, 2011, с. 16]. Жанрообразование – процесс живой, однако в своем развитии жанр накапливает память о прошлых формах, или, как отмечал М. М. Бахтин, «жанр всегда стар и нов одновременно. Жанр возрождается и обновляется на каждом этапе развития литературы и в каждом индивидуальном произведении данного жанра…Жанр живет настоящим, но всегда помнит прошлое, свое начало. Жанр – представитель творческой памяти в процессе литературного развития» [Бахтин, 1972, с. 178-179]. Очевидно, что идеи о хранилище памяти и исторического опыта нашли свое отражение в исследовании Г. В. Лазутиной и С. С. Распоповой.

Суммируя вышесказанное, попытаемся перечислить основные характеристики жанра. Во-первых, жанр – категория *типологическая*, обладающая рядом устойчивых, повторяющихся признаков. В каждом жанре существует свой способ отражения действительности, который предопределяется задачами, решаемыми публицистом. Рассматривая жанр как специфический способ отражения действительности и специфический способ ее анализа, исследователи приходят к выводу, что метод в таком случае предстает как соединитель содержания и формы: характер отобранных для анализа фактов (содержательный аспект) неотделим от выбранного автором метода ознакомления с этими фактами (формальный аспект) [Основы творческой деятельности …, 2000, с. 136].

Во-вторых, жанр – это *историческая* или *исторически конкретная* (по определению Кройчика Л. Е.) категория. Это означает, что жанр развивается во времени и претерпевает изменения в ходе своего развития. Обновление традиционных и появление новых жанров обусловлено во многом такими факторами, как изменение социально-экономических и социально-политических условий страны, развитие технического прогресса, рост потребностей аудитории, и др.

В-третьих, жанр – это категория *гносеологическая*. Под этим Л. Е. Кройчик подразумевает то, что появление того или иного жанра всегда определяется теми задачами, которые решает публицист: что познается, на каком уровне, с какой целью и какими средствами [там же]. Одно и то же событие (факт) может стать материалом для публикации, выполненной в разных жанрах: в зависимости от интенции журналиста могут «высвечиваться» разные аспекты содержания факта, например, критический или комический.

В-четвертых, жанр представляет собой *морфологическую* категорию. Особенности структуры повествования, место факта в повествовании, образный строй повествования и специфика разработки проблемы (конфликта) составляют морфологию жанра.

В-пятых, отмечают *аксиологический* характер жанра. Жанр содержит определенную оценку действительности публицистом, либо положительную, либо отрицательную. Система ценностей автора зависит от его мировоззрения, мироощущения, мировосприятия, т.е. от «субъективных компонентов познающей личности» (по Киму М. Н.), которые в своей совокупности образуют некую смысловую систему, помогающую человеку не только ориентироваться в многообразном мире, но и познавать его. Благодаря этим компонентам журналист соотносит реалии мира со своей субъективной реальностью [Ким, 2011, с. 81-85]. На этом этапе возникает вопрос о соотношении объективного и субъективного в творческой деятельности публициста. С одной стороны, журналист преследует цель максимально объективного изложения, т.к. это обусловлено самой природой его профессии, предполагающей работу с достоверными фактами. С другой стороны, нельзя отрицать личностное отношение к окружающему миру, свой собственный взгляд на рассматриваемую проблему. Достижение такого баланса является показателем уровня мастерства и компетентности журналиста, субъективизм оценок, пренебрежение объективными условиями протекания общественных процессов и игнорирование фактов говорит, в свою очередь, о недостаточном владении навыками журналистского творчества.

И, наконец, жанр – это категория *творчески-созидательная*. Под этим понимается возможность создания текста как определенной модели мира. Публицистический текст создает новое представление о действительности в виде ее понятийно-образной модели; полнота и убедительность этой модели являются решающими факторами при ее восприятии аудиторией.

Как правило, говоря о сходстве формально-содержательных признаков, на основе которых становится возможным выделение жанра или группы жанров, под этими признаками понимаются *жанрообразующие признаки* (факторы). Важнейшими жанрообразующими признаками по А. А. Тертычному являются: *предмет отображения, целевая установка (функция) отображения, метод отображения* [Тертычный, 2014, с. 12]. Условно их суть можно сформулировать в виде следующих вопросов: *что отображается? с какой целью? как?*

Предметом отображения в журналистике являются любые реалии действительности, заинтересовавшие автора и представляющие потенциальный интерес для читателя, например: отдельные события, процесс, содержащий в себе ряд событий, ситуация, личность. Предмет отображения как жанрообразующий фактор не всегда однозначно выполняет определяющую роль: разные жанры могут иметь один предмет отображения, в то время как один жанр может иметь разные предметы отображения.

Целевая установка, напротив, обладает сильным потенциалом при жанрообразовании. Целевая установка проявляет себя в том или ином уровне детализации, глубины постижения связей отображаемого предмета, приводящих к созданию своеобразных текстов, создающих определенный жанр. Именно от цели журналиста будет зависеть в каком жанре выйдет материал публикации в конечном счете – поставит ли он целью кратко осветить событие, в нескольких словах обозначить его причину и вынести свою оценку (в таком случае материал будет представлен в форме информационной заметки) или же он решит предоставить читателю подробный анализ события с его тщательным описанием,

аргументированным изложением его причин и следствий (тогда речь пойдет о появлении аналитической статьи или журналистском расследовании). Наиболее распространенными творческими целевыми установками являются описание предмета (создание его наглядной модели), выявление причинно-следственных связей, оценка предмета отображения, прогноз развития предмета отображения, формулирование программы действий. Очевидно, что цели, которые журналисты ставят перед собой при создании конкретных публикаций, разнообразны – отсюда и разнообразие качеств этих публикаций, что, в свою очередь, является основанием для отнесения их к разным жанровым группам.

Для реализации предполагаемых целевых установок в процессе творчества журналисту требуется особый арсенал *способов отражения действительности* или *методов познания действительности*. Методы исследования предмета условно подразделяются на: эмпирические (например, метод наблюдения проработки документов, интервью, эксперимента), теоретические (формально-логические и содержательно-логические) и художественные. Значение метода как фактора при жанрообразовании велико, т.к. методы, использованные при подготовке публикации, в определенной мере влияют на формирование качеств текстов, что также является основанием для их жанрового распределения.

1.4. Типология публицистических жанров. Место литературно-критических текстов в жанровой парадигме современных газетно-журнальных жанров

Система журналистских жанров представляет собой динамично развивающуюся структуру, обладающую внутренними и внешними связями. Внутренняя связь между жанрами определяется единым типом творчества, а именно публицистическим. Внешняя связь между жанрами, в свою очередь, обусловлена тем, что каждый жанр журналистики всегда порождается потребностями отражения современной жизни с целью воздействия на общественное мнение (в отличие, например, от литературных жанров). Эти особенности исследователи определяют в качестве системообразующих характеристик журналистских жанров [см. напр., Ким, 2011, с. 238].

По справедливому замечанию А. А. Тертычного, объединение жанров в различные группы может быть произведено на самых разных основаниях, в зависимости от того, что для исследователя является наиболее важным объединяющим началом [Тертычный, 2014, с. 4]. Как следствие, возникают разные представления о жанровой палитре журналистики. Рассмотрим подробнее основные подходы к типологизации журналистских жанров.

В разработке проблем понятия жанра, жанровой типологии и дифференцирующих признаков существует несколько подходов. В отечественной школе журналистики основное направление базируется на ряде положений, принятых еще в 70-е годы XX века. Советские исследователи рассматривали жанры как «устойчивые формы действительности, обладающие повторяющимися сущностными и структурными признаками» [Жанры советской газеты, 1972, с. 7]. В рамках данного подхода жанры различались: *по характеру объекта* (в качестве объекта для большинства публикаций выступали факты как непосредственные события действительности и объекты отраженной действительности в жанрах литературной, театральной, кинорецензии); *по их конкретному назначению*, т.е.

ориентируясь на определенную творческую задачу, которую необходимо решить журналисту в своем выступлении; *по масштабу охвата действительности*, т.е. по широте освещения действительности и соответствующему масштабу выводов и обобщений; и *по характеру литературно-стилистических средств,* по способам отражения действительности. В 80-90-е годы XX в. эта концепция оставалась без изменений (см. работы Пельта В. Д. [Пельт, 1984], Стрельцова Б. В. [Стрельцов, 1990]).

Оригинальный подход к классификации публицистических жанров был предложен профессором МГУ Е. И. Прониным. Исследователь создал развернутую типологическую модель журналистских жанров, сопоставив их по двум параметрам: *по предметному подходу к отображению реального процесса социальной практики* (реалии, позиции, абсурды, шедевры, мнения, контакты, решения, эффекты) и *по уровню осмысления предмета отображения* (оповещение, ориентирование, коррекция, символизация) [Социальная практика…, 1990, с. 49-51]. Несмотря на то, что при таком подходе удалось установить соответствия между жанрами разного объема и с разной целевой установкой, данная концепция не получила широкого распространения.

В дальнейшем были выведены и унифицированы признаки, на которых базируется публицистический жанр – это *предмет отображения, целевая установка и методы исследования предмета*. В соответствии с этими признаками теоретики журналистики М. Н. Ким и А. А. Тертычный осуществляют функциональное деление жанров периодической печати на три группы: *информационные, аналитические* и *художественно-публицистические* [см. Тертычный, 2014; Ким, 2011]. Под *информационными* жанрами понимаются тексты-носители оперативной информации, позволяющие аудитории осуществлять постоянный мониторинг наиболее значимых событий в той или иной сфере деятельности. Информационные жанры отличает точность, ясность, краткость подачи. К ним относятся: заметка, репортаж, вопрос-ответ, интервью, анонс, блиц-опрос и др. *Аналитические* жанры подразумевают анализ,

исследование и истолкование происходящих событий, процессов или ситуаций. Среди аналитических жанров выделяют аналитическую корреспонденцию, аналитическое интервью, аналитический опрос, беседа, комментарий, мониторинг, рейтинг, рецензию, обозрение, аналитическую статью и др. *Художественно-публицистические* жанры, представляющие собой образное отражение и глубокое авторское обобщение действительности, характеризует повышенная требовательность к языку и эмоциональная насыщенность текстов. Очерк, фельетон, памфлет, пародия, сатирический комментарий, эпитафия, шутка – наиболее распространенные представители данной группы жанров.

Профессор Воронежского государственного университета Л. Е. Кройчик отмечает, что вне зависимости от классификации, публицистический текст непременно должен включать в себя три компонента: *сообщение о новости или возникшей проблеме, фрагментарное или обстоятельное осмысление ситуации, приемы эмоционального воздействия на аудиторию* [Основы творческой деятельности…, 2000, с. 138]. Он предлагает разбить публицистические тексты на пять групп: *оперативно-новостные*, ядро которых – в сообщении новой, неизвестной ранее читателю информации (заметка и ее разновидности); *оперативно-исследовательские* – функция которых не только передать новую информацию читателю, но и предоставить ее истолкование (интервью, репортажи, отчеты); *исследовательско-новостные* – в которых акцент переносится с новизны на актуальность, с изложения факта на его интерпретацию, комментарий (корреспонденция, комментарий/колонка, рецензия); *исследовательские* – где акцент делается не на описании фактов, а на их логически-рациональном анализе, в центре повествования оказывается система рассуждений журналиста (статья, письмо, обозрение); *исследовательско-образные* или *художественно-публицистические* – для которых характерен метод образного познания действительности, отчетливый психологизм при изображении внутреннего мира личности (очерк, эссе, фельетон, памфлет).

Отдельного рассмотрения заслуживает концепция Г. В. Лазутиной и С. С. Распоповой по отношению к классификации жанров публицистики. Взяв за основу выделения жанров два критерия: *предмет отображения* и *потребности общества,* ученые предлагают различать: *новостную* журналистику (дает оперативное знание об изменениях действительности: краткая и расширенная новостные заметки, репортаж, критическая заметка «острый сигнал»), *проблемно-аналитическую* журналистику (выявляет и исследует проблемную ситуацию, привлекает к ней общественное внимание: обозрение, комментарий, корреспонденция, статья) *очерковую* журналистику (группа жанров, ориентированная на удовлетворение общественной потребности в оперативном знании о реальных отношениях людей, о ценностных ориентациях, о доминирующих поведенческих тенденциях: житейская история, зарисовка), *смеховую* журналистику (при помощи смеха делать очевидными возникающие в действительности нелепости, побуждая общество освобождаться от них: юмористика – розыгрыш, байка, шутка, сатирическая заметка, фельетон), *культурно-просветительскую* журналистику (вид деятельности, который взял на себя обязанность «перевода» важнейших компонентов культурного слоя общественной жизни на язык массовой аудитории и выявления их смысла: рецензия, научно-популярная статья), *интерактивную* журналистику (результатом данного вида деятельности является продукт сотворчества журналиста и аудитории, отражающий мысли соавторов о действительности и ее конкретные реалии через возникший контакт: обзор писем, вопрос-ответ, интервью, беседа, круглый стол, ток-шоу) [см. Лазутина, 2011].

Профессор Цюрихского университета Харальд Бургер в качестве критериев классификации жанров прессы предлагает использовать структурный и функциональный критерии [Burger, 2005, S. 207]. Согласно первому критерию следует выделять *монологические* и *диалогические* тексты. Если раньше в прессе в основном преобладали монологические типы текстов, а диалогические тексты были скорее исключением, то сейчас, даже в таких консервативных по формату

изданиях, как Frankfurter Allgemeine Zeitung или Neue Zürcher Zeitung интервью и типы текстов, строящиеся на базе интервью, занимают постоянное место в репертуаре жанров издания.

Говоря о функциональном критерии, швейцарский лингвист обращает внимание на типологию публицистических текстов Х.-Х. Люгера, выделившего в качестве основного классификационного принципа принцип интенциональности. «Интенциональность» (Intentionalität) – понятие, взятое из теории речевых актов, применительно к медиатекстам Х. Бургер советует использовать понятие лингвистики текста «функция текста» (Textfunktion) [Burger, 2005, S. 208]. Данная классификация может быть соотнесена с классификацией текстовых функций К. Бринкера, выделявшего информативную (Informationsfunktion), апеллятивную (Appellfunktion), функцию возложения (принятия на себя) обязанностей (Obligationsfunktion), контактную (Kontaktfunktion) и декларативную (Deklarationsfunktion) функции [Brinker, 2010, S. 96], за исключением облигативной и декларативной функций, не релевантных для текстов прессы.

Таким образом, Х.-Х. Люгер выделяет: *информативные* (informationsbetonte Texte: Meldung «сообщение», harte Nachricht «жесткая новость», weiche Nachricht «мягкая новость» (по способу подачи новости и степени оперативности), Bericht «сообщение», Reportage «репортаж»), *тексты, выражающие мнение* (meinungsbetonte Texte: Kommentar «комментарий», Glosse «глосса, краткий комментарий актуального события», Kritik «критика, рецензия», Meinungsinterview «опрос мнений»), *императивные* (auffordernde Texte: Aufruf «призыв»), *инструктирующие* (instruierend-anweisende Texte: Handlungsanleitungen «руководство к действиям», Ratgebungen «советы») и *контакто-устанавливающие* (kontaktorientierte Texte: Boulevard-Texte «бульварные тексты») классы текстов (Textklassen) [Lüger, 1995, S. 65].

Профессор школы потребительской журналистики г. Кальв К. Фазель в роли критерия предложенной им дифференциации жанров определяет

традиционно существующее в журналистике разделение понятий факта (Tatsachen) и мнения (Meinung) [Fasel, 2013, S. 25]. Исследователь подчеркивает важность этих двух элементов для всей системы публицистических жанров и необходимость их «прозрачности», т.е. четкой распознаваемости в структуре того или иного жанра. В процессе создания публицистического текста необходимо контролировать соотношение сообщаемых фактов и мнения, чтобы не помешать восприятию данного жанра читателем. Группы жанров, выделяемые К. Фазелем, получили соответствующие обозначения: *информативные* (tatsachenbetonte Darstellungsformen: Nachricht, Bericht, Feature «очерк», Magazinstory «форма расширенного сообщения в журнале») и *жанры, выражающие мнение* (meinungsbetonte Darstellungsformen: Kommentar, Glosse, Feuilleton, Kritik, Betrachtung «размышление»). Кроме того, исследователь выделяет тип *повествовательных* жанров публицистики (erzählende Darstellungsformen: Interview «интервью», Porträt «портрет», Reportage). Принцип повествования он объясняет следующим образом: «посредством описания фактов и результатов событий журналистом предпринимается попытка осмыслить ход этих событий, поступков и высказанных идей» [Fasel, 2013, S. 59].

Рассмотрев вышеописанные классификации отечественных и зарубежных исследователей публицистики, можно сформировать следующее мнение: границы между жанрами весьма зыбки. Однако очевидна справедливость вывода Х. Бургера: «Какую бы классификацию и терминологию Вы ни выбрали, в этом отношении Вы всегда будете ограничиваться распределением [текстов] согласно *содержательным*, *функциональным*, *структурным* особенностям, которые (также) сами по себе обусловлены развитием СМИ, прежде всего, размытием границ между традиционными типами текста» [Burger, 2005, S. 212].

Проведенный анализ классификаций публицистических жанров показал наличие в каждой из них литературно-критического жанра, что свидетельствует о статусе литературной критики как особого вида журналистской деятельности. В качестве основного представителя этой группы жанров исследователи выделяют

рецензию как первичный жанр литературной критики. Важным для описания объекта настоящей работы представляется то, что в рамках общепринятых классификаций литературно-критические жанры в разных классификации занимают место в ряду аналитических жанров (или жанров, выражающих мнение, „meinungsbetonte Darstellungsformen“).

Аналитические жанры предоставляют возможность для реализации основных функций критики как культурного явления: *аналитической* – осуществлении анализа, исследовании объекта для проникновения в его сущность; и *аксиологической* (*ценностной*), заключающейся в формулировке квалифицированного заключения о состоянии объекта на основании проведенного анализа [Матвеева, 2010, с. 21].

Следует отметить, что многие жанровые формы в настоящее время не идентифицированы, поскольку они функционируют исключительно (или преимущественно) в пределах СМИ. Это ставит перед исследователями новые задачи, а именно определение полного спектра жанровой палитры литературной критики в публицистическом дискурсе. Подобную попытку предпринял известный немецкий журналист и критик, редактор литературного раздела журнала „Der Spiegel“ Фолькер Хаге в своей работе „Kritik für Leser” [см. Hage, 2009]. Помимо жанра рецензии („Rezension“) он выделяет также жанр «краткой рецензии» („Kurzkritik“, „Kritik in Kürze“, „Kurz und bündig“), концентрирующийся в виду сжатого объема, прежде всего на критическом анализе содержания книги, а не на стиле, форме и композиции произведения. «Сводная рецензия» („Sammelkritik“) подразумевает обсуждение нескольких книг в одной статье; основная сложность здесь заключается в том, чтобы выявить в них что-то общее, не опуская индивидуальных особенностей каждой работы. Разновидностью сводной рецензии может быть «двойная рецензия» („Doppelkritik“), т.е. сравнительный анализ двух произведений. В «портретной рецензии» („Porträtkritik“) сочетаются две темы – появление книжной новинки и биография ее автора. Исследователь выделяет также «полемическую рецензию»

(„Pro und contra“), рождающуюся в ситуации, когда одна книга становится центром дебатов двух критиков, каждый из которых в своей публикации стремится привести ряд аргументов, отстаивая свою позицию и точку зрения; а также некий рефлексивный тип – «повторная рецензия» („Revision“), когда по прошествии определенного промежутка времени возникает потребность пересмотреть, подтвердить или скорректировать вынесенное ранее суждение относительно литературного произведения.

Отдельно Хаге рассматривает такие жанры, как беседа („Gespräch“), интервью» („Interview“), «портрет» („Porträt“, „aktuelles Porträt“). Особое место отводится другим журналистским формам, как, например, «некролог» („Nachruf“), «дискуссия» („Polemik“, „Debatte“), «центральная тема» („Themenschwerpunkt“), «эссе» („Essay“), «анализ книжного рынка» („Buchmarktanalyse“) «колонка» („Kolumne“), «интерпретация» („Interpretation“) и др.

1.5.К вопросу генезиса жанра «литературно-критическая колонка»: жанры «рецензия» и «авторская колонка»

Рассмотрим основные признаки родственных ему жанров в существующих теоретических работах – аналитического жанра «рецензии» и жанра «авторской колонки» с отчетливо выраженным персонифицированным началом – которые предопределили появление и развитие рассматриваемого самостоятельного жанра.

1.5.1. Основные особенности, структура и разновидности жанра «рецензия»

В первую очередь обратимся к определению рецензии. Так, в справочной литературе под рецензией понимается (от лат. recensio) *«1) осмотр, оценка; 2) критический разбор – письменный разбор, содержащий критическую оценку научного, художественного […] произведения, спектакля, концерта, кинофильма* [Тамерьян, 2009, с. 89]. Также встречается следующее определение рецензии: *«1) газетно-журнальный жанр; критический анализ и оценка нового художественного или научного произведения. 2) Отзыв на научную работу или литературно-художественное произведение перед их публикацией, защитой и т.п.»* [БЭС, 2000, с. 1015]

Исследователь этого жанра Ю.А. Крикунов понимает под рецензией *«жанр публицистики, основу которого составляет критический отзыв о произведении общественно-политической и художественной литературы, искусства, науки и т.п., исследование его социальной или социолого-эстетической сущности»* [Крикунов, 1976, с. 3]. В Литературной энциклопедии существует определение рецензии как *«критического разбора произведения — литературно-художественного, научного, публицистического характера и т. п., — дающего информацию об этом произведении и оценку его в таких пределах, что краткий отзыв не перерастает в критический этюд»* [Литературная энциклопедия, 1935, Стлб. 642—643]. Ключевые слова здесь – информация и оценка, что позволяет

выделить две цели, преследуемые рецензентом: информировать читателя о литературном произведении, наиболее или наименее заслуживающем его внимания, дать оценку и выразить его отношение к исследуемому произведению. В задачи рецензента также входят ориентация аудитории в проблемах, о которых говорят создатели книги, спектакля или живописного полотна, формирование у читателя эстетических представлений о действительности, объяснение сути творческого процесса, содействие аудитории в выработке самостоятельных оценок подобных произведений [Основы творческой деятельности…, 2000, с. 153].

Предметом отображения рецензии являются информационные явления, непосредственно литературные произведения. Как правило, рецензия рассматривает одно-два произведения, однако в современной прессе представлены также и рецензии, анализ в которых затрагивает только какую-то одну сторону произведения – тему, мастерство автора и т.д. Особенность предмета отображения литературной рецензии заключается в его двусоставности: рецензент оценивает как само произведение, так и непосредственно явление действительности, отражением которого данное произведение является [Алексеева, 1983, с. 16]. Иными словами, предметом отображения рецензии является вторичная, отраженная действительность. Таким образом, в процессе исследования предмета отображения рецензент приступает к созданию двух моделей. Первую модель рецензент создает, пытаясь воссоздать авторскую концепцию. Эта модель представляет собой отражение внешнего мира, который предстал перед художником. Вторая модель – это отражение самого произведения искусства, т.е. это «первая, но преображенная в деятельности рецензента» [там же, с. 18].

Среди основных методов, которые использует рецензент в процессе творческой деятельности, выделяют метод анализа, синтеза, абстракции и обобщения. Ведущим по праву считается метод анализа, он подчиняет себе другие методы. Помимо перечисленных методов научного творчества, автору

необходимо обращаться и к методам художественного творчества. Художественный метод представляет собой совокупность некоторых принципов отбора, оценки и восприятия явлений реальной действительности с социально-эстетической точки зрения. Так, во взаимодействии методов научного и художественного творчества возникает метод публициста.

Созданию целостного представления о произведении и, соответственно, реализации целостности публицистического текста способствует соблюдение четырех этапов, выделяемых в процессе творческой деятельности критика. На первом этапе происходит восприятие произведения, т.е. акт коммуникативного общения с произведением. Затем необходимо уделить время процессу размышления над прочитанным произведением. Следующий этап представляет собой «разъятие гармонии» (по Белинскому В. Г.), т.е. практическое осуществление анализа: определение темы и идеи произведения, системы образов, выражающих замысел художника, структурно-композиционных особенностей произведения, характера конфликта его движущей силы, своеобразия языка и стиля. И наконец, собственно написание текста [Основы творческой деятельности…, 2000, с. 154].

Ю. А. Крикунов выделяет две структурные группы фактического и абстрактного материала в рецензии: 1) информационно-конструктивную (тезисы, теоретические положения и комментарии, подчеркивающие авторскую позицию); 2) информационно-иллюстративную (отрывки из произведений, описание отдельных эпизодов, историко-хронологический материал, т.е. все то, что раскрывает содержание авторских тезисов) [Крикунов, 1976, с. 21]. Мастерство критика заключается в соблюдении правильной пропорции конструктивного и иллюстративного материала. По своей значимости информационно-конструктивный материал должен «перевешивать» иллюстративные сведения, хотя в фактическом плане в количественном отношении пояснительный материал всегда представлен в большем количестве, два-три примера обычно поясняют

один тезис. Наличие тезисов и доказательств свидетельствует о рецензии как о доказательном рассуждении, аргументировании главной идеи автора.

Существует мнение, что несмотря на то, что при рассмотрении того или иного произведения литературы или искусства автор во многом полагается на собственные художественные вкусы или установки, в рамках данного жанра выработаны устойчивые приемы и методы, благодаря которым рецензия «не идентифицируется с тем жанром, где главенствует авторское своеволие» [Ким, 2011, с. 355]. Возможно, именно это стало одним из факторов, стимулирующих появление жанра «ЛКК».

1.5.2. Основные признаки жанра «колонка»

Колонка является одним из наиболее распространенных в западной, и одним из самых молодых жанров в отечественной журналистике. Наверное это объясняет тот факт, что данный жанр малоизучен как с точки зрения теории журналистики, так и в русле лингвистических исследований.

Существует мнение, что колонка переживает сегодня всплеск популярности, являясь едва ли не самым востребованным материалом в газете или журнале. И. С. Тимченко, одна из немногочисленных исследователей жанра «колонка» в русле теории журналистики, понимает под жанром «колонка» «все авторские материалы, которые публикуются с определенной периодичностью, в определенном месте определенного издания, в виде вытянутой колонки и содержат оригинальный взгляд на какую-либо проблему» [Тимченко, 2011, с. 36].

По своему происхождению колонка имеет схожие черты с фельетоном: оба жанра сформировались в процессе метонимического преобразования (feuilleton – дополнительный листок в газете, на котором печатались новости культурной жизни общества, колонка – место на полосе, определенный способ оформления газетного материала). Очевидно, что подобная трансформация из рубрики в жанр до сих пор является основанием для полемики исследователей по поводу статуса колонки.

Попытку проследить эволюцию жанра колонки предприняла представитель Воронежской школы журналистики С. С. Ярцева в своем диссертационном исследовании. С. С. Ярцева определяет эссе как наиболее влиятельного «предка» колонки [Ярцева, 2011, с. 226]. Открытое изложение частного мнения, концентрация на личности журналиста – эти черты колонка переняла от эссе. Характерную регулярность и пошаговость, использование личного опыта в качестве иллюстрации своих суждений, а также некоторую откровенность, свободу в выражении своего мнения, подчас не совпадающего с позицией всего издания, колонка заимствовала от жанра «дневник писателя». Особую задачу обращать внимание аудитории на самые важные (с точки зрения того или иного СМИ) актуальные явления современной жизни и выражать отношение, позицию изданий к этим явлениям колонка (точнее, ее подвид «колонка редактора») переняла от жанра редакционной статьи.

Вопрос о подвидах или жанровых разновидностях колонки в журналистике также остается открытым. Так, исследователь авторской колонки и журналист И. С. Тимченко предлагает условное разделение типов колонки на десять групп: колонка социальная, злободневная, исповедальная, провокационная, колонка к дате, колонка-анонс, колонка-критика, гендерная, ироническая, игровая колонки [Тимченко, 2011, с. 37]. При рассмотрении предложенной классификации становится очевидным, что автор группирует типы колонок *по характеру проблематики* (социальная, злободневная, ироническая колонки) – при этом выделяя по тематике только гендерную колонку, рассматривающую непростые взаимоотношения противоположных полов; *по характеру изложения и подачи материала* (исповедальная, провокационная, игровая); *по наличию внешнего повода, отправного импульса к публикации* (колонка к дате); *по выполнению* определенной *функции* в печатном издании (колонка-анонс, колонка-критика).

Жанровые характеристики колонки теоретики журналистики определяют следующим образом. Колонку отличает высокая степень субъективизма, которая проявляется в усиленном акценте на субъективной точке зрения и эмоциональных

переживаниях автора – что сближает ее с жанром эссе. К тому же, исследователи отмечают полемичный характер колонки, отграничивая в таком случае колонку от жанра комментария. В колонке автор всегда может предлагать альтернативную точку зрения в отношении рассматриваемого объекта – какого-либо факта или ситуации в обществе.

Предполагается, что предметом отображения колонки опосредованно становится сам субъект высказывания, т.к. целеустановкой колонки является не просто информирование читателя о каком-либо событии, явлении, личности, а рефлексивное восприятие и интерпретация автором этого события.

Целевой установкой колонки, по мнению С.С. Ярцевой, является «демонстрация точки зрения субъекта с целью обратить внимание аудитории не только на саму ситуацию, но и на характер ее оценки» [Ярцева, 2011, с. 227]. Исследователь подчеркивает, что именно личность колумниста становится основным смысловым ядром всего жанра. Автором колонки может быть либо известная личность, специалист в определенной области, чье мнение интересно само по себе, либо автор, обладающий занимательным способом демонстрации своей точки зрения по любому поводу. Метод, который использует автор в процессе своей творческой деятельности – это образный анализ, то есть сочетание анализа (выявление взаимосвязей предмета, причин, следствий, их оценка, прогноз их развития) и обобщения.

Колонка представляет собой высказывание в свободной форме, вбирающее в себя элементы самых различных жанров, от заметки до эссе. Однако все эти элементы включены в повествование для того, чтобы усилить авторскую аргументацию, авторскую манеру письма, сохраняющуюся от колонки к колонке, максимально интимизировать повествование и, ведя читателя за ходом своих мыслей, сделать его соучастником повествования, собеседником.

ВЫВОДЫ ПО I ГЛАВЕ:

1. Современная литературная критика расширяет свою деятельность в условиях современного медийного дискурса, ориентируясь на потребности массовой аудитории и реализуя в ее отношении ориентирующую, информирующую, оценивающую и развлекательные функции.

2. Появление широкого разнообразия жанров и форм литературной критики, расширение ее предметной области, сфер влияния и аудитории в современном медийном дискурсе свидетельствует о процессе ее активного развития. Изучение литературной критики в СМИ на новом витке развития, в частности, в аспекте структуры, содержания и генезиса жанров имеет практическую перспективу. Однако изучения жанров литературной критики в СМИ с позиции теории журналистики недостаточно: невозможно в полной мере раскрыть суть жанра без его языковой и стилистической характеристики.

3. На основе анализа жанровых черт рецензии и авторской колонки, можно сделать вывод о генетических связях нового литературно-критического жанра. ЛКК – жанр, образованный от первичного жанра рецензии, которая постепенно теряет актуальность вследствие происходящих в обществе и культуре процессов, и нашедший свое отражение в формате авторской колонки – взяв такие ее черты, как персонификацию и субъективное выражение мнения по рассматриваемой проблеме, а также внешние характеристики – небольшой объем и регулярность выхода.

4. Формат колонки эффективнее отвечает запросам современного читателя: малый объем, емкость и повышенная образность изложения предоставляют ему возможность быстрого ознакомления с материалом и эффективного его освоения; а авторитетная оценка эксперта позволяет сформировать свое мнение относительно культурных явлений в постоянно обновляющемся информационном поле.

Глава II. Литературно-критическая колонка как тип текста в лингвистическом аспекте

Изучая публикации литературно-критической тематики в печатных изданиях современной Германии, представляющих собой тип «качественной» прессы в виду их ориентированности на достоверное информирование, квалифицированную подготовку, компетентность и аналитичность материалов, наше внимание привлекли тексты, которые при известном различии в композиции обнаруживали ряд общих признаков, позволяющих их объединить в одну группу – группу определенного жанра или типа текста. В этом намерении мы руководствовались общепринятым в лингвистике текста утверждением, постулирующим, что каждое конкретное произведение или каждый экземпляр текста существует как представитель соответствующего типа текста [см. Чернявская, 2014, стр. 60]. Следовательно, рассмотрев в первом подразделе настоящей главы данные экземпляры текста с учетом имеющихся критериев, принятых в современной отечественной и зарубежной лингвистике для выделения типов текста, мы сможем определить их жанровую принадлежность.

2.1. Место ЛКК в лингвистических типологиях текстов

Определяя жанр в главе I, мы ориентировались на принятые положения теории публицистики, поскольку рассматриваемая ЛКК принадлежит к данной сфере реализации. Лингвистическое определение понятия охватывает структуры, которые встречаются в разных сферах коммуникации и представляют собой «отражение в речи многократно встречающихся в жизни определенных видов социального взаимодействия людей» [Шерстяных, 2014, с. 18]. Разработки отечественного жанроведения восходят к трудам В. В. Виноградова,

М. М. Бахтина, В. Г. Адмони, Э. Г. Ризель и др. В каждой сфере бытуют и применяются свои жанры, которые отвечают специфическим условиям данной сферы, в частности, функционально-стилистической адекватности. Каждый речевой жанр идентифицируется с типом текста. В традициях немецкой лингвистики текста центральным понятием, характеризующим типологическую единицу текстового анализа, принято считать понятие Textsorte (E. Gülich, W. Raible, W.-D. Krause, B. Sandig, W. Heinemann, D. Viehweger и др.). „Textsorte" или «тип текста» (как наиболее распространенный русскоязычный эквивалент этого термина и стоящего за ним понятия) определяется как модель, образец, схема построения и восприятия аналогичных текстов („Textbildungsmuster", „Textschemata", „Textentfaltungsmuster") или «структурный прототип» („struktureller Prototyp" nach Krause), по образцу которого могут создаваться другие тексты с различным содержательным наполнением [Чернявская, 2014, с. 55]. В качестве определения типа текста, релевантного для нашего исследования, мы будем придерживаться трактовки В. Е. Чернявской, рассматривающей тип текста как «культурно-исторически сложившуюся продуктивную модель, образец текстового построения, определяющий функциональные и структурные особенности конкретных текстов (экземпляров текста) с различным тематическим содержанием» [там же, с. 60]. Исследователь считает, что обозначение «тип текста» целесообразнее использовать в качестве определения типологического статуса нехудожественных текстов, отграничивая, таким образом, исследование от литературоведческих разработок, оперирующих понятием «жанр».

Текст – явление многоаспектное и многофакторное, и вполне очевидно, что эти свойства оказывают непосредственное влияние на формирование у теоретиков единства мнений как в его понимании и определении, так и в его типологическом изучении. В существующих типологиях наличествует расхождение исходных оснований, которые позволяют объединять тексты со схожими признаками в группы. В. И. Провоторов сводит совокупность оснований к трем концепциям:

лингвистической, коммуникативно-речевой и функционально-стилистической. В рамках лингвистической концепции за основу берутся чисто языковые факторы; коммуникативно-речевая концепция ориентирована на целеустановку коммуникации, а в рамках функционально-стилистического подхода были выработаны критерии соотнесения экстралингвистического и интралингвистического аспектов в различных социокоммуникативных разновидностях текста [Провоторов, 2003, с. 4].

В немецкой лингвистике в основе классификации типов текста лежит критерий «текстовая функция» (Textfunktion). Здесь следует, в первую очередь, упомянуть следующие концепции. В. Шмидт понимает под текстовой функцией коммуникативное намерение создателя текста и предлагает разделять следующие классы текстов (Textklassen): информирующие тексты (informierende, функция – информировать о чем-либо), активизирующие тексты (aktivierende , функция – адресант текста побуждает адресата к определенному поведению и действиям), разъясняющие тексты (klärende, основная функция – расследовать положение вещей, заниматься проблемой) [Schmidt, цит. по: Гончарова, 2010, с. 100]. В рамках концепции В. Шмидта ЛКК представляет собой разъясняющий тип текста, ввиду наличия в нем интерпретирующего начала, однако стоит отметить, что благодаря наличию информативного и оценочного блоков в структуре текста, данный тип текста выполняет также информирующую и активизирующую функции.

В. Хайнеманн и Д. Фивегер предлагают выделять в качестве основного типологического критерия 4 ведущие коммуникативные функции или действия (Wirkungen): функция самовыражения (Sich-Ausdrücken, действие: психически «разгрузить» себя); контактная функция (Kontaktieren, действие: установить или поддержать контакт с партнерами); функция информирования (Informieren, действие: получить от партнеров или передать им информацию); функция управления (Steuern, побудить партнеров что-либо сделать). Эти функции соотносятся с функциями, предложенными В. Шмидтом [Heinemann; Viehweger,

1991, S. 149]. Оперируя понятиями данной концепции, отметим функцию самовыражения и управления, как наиболее свойственные типам текста ЛКК. Функция самовыражения успешно реализуется в формате авторской колонки, которой свойственно открытое выражение авторского мнения по рассматриваемому вопросу, т.е. субъективизм, благодаря которому усиливается воздействие на мнение читателя и его дальнейшие действия.

Э. Гроссе отмечает, что в случае, когда текст обладает несколькими функциями, необходимо выделить, прежде всего, его доминирующую функцию. Исследователь предлагает различать 8 классов текстов (Textklassen) и соответствующие им типы текстов (Textsorten): нормативные, контактные, тексты с доминантой «указание на принадлежность к группе», поэтические, тексты с доминантой «самопредставление», тексты с доминантой «обращение или требование», класс переходных текстов, тексты с доминантой «деловое информирование» [цит. по: Heinemann; Viehweger, 1991, S. 138-139]. В рамках этой концепции целесообразно отнести ЛКК к классу переходных текстов, ввиду сложности определения одной доминирующей функции.

2.2. Текстовые функции ЛКК

Для того, чтобы доказать принадлежность исследуемых экземпляров текстов к одному общему типу текста «литературно-критическая колонка» (ЛКК, Literaturkolumne), мы, опираясь на определение типа текста В. Е. Чернявской (см. стр. 42 наст. раб.), рассмотрим их с точки зрения их функциональных и структурных особенностей. Таким образом, мы получаем возможность моделировать инвариант типа текста (или жанровый инвариант) учитывая – как в функциональном, так и в структурном плане – константные и вариативные признаки, зависящие от индивидуально-личностных особенностей автора или характера печатного издания. Рассмотрению основных функций ЛКК и будет посвящен второй подраздел настоящей главы.

Литературная критика в СМИ по своим функциям соотносима с понятием «культурно-просветительской журналистики», т.е. такого вида творческой деятельности журналиста, который взял на себя обязанности «перевода» важнейших компонентов культурного слоя общественной жизни на язык массовой аудитории и выявления их смысла [Лазутина, 2011, с. 200]. Если рецензия традиционно понимается как аналитический текст, посвященный рассмотрению и оценке художественного явления, созданного литературой [там же, с. 223], то ЛКК не имеет в этом случае жесткого ограничения и может быть посвящена анализу литературного произведения, а также творчеству писателя в целом. В отличие от рецензии, ЛКК закреплена в печатном издании за определенным автором, характеризуется регулярностью выхода и содержит в себе авторский отклик на актуальные проблемы в обществе и их отражение в литературе.

ЛКК для автора – это, прежде всего, форма реализации профессиональной деятельности критика. Авторство регулярной ЛКК в печатном издании открывает возможность в образно-эмоциональной форме публично выражать свою позицию и свое мнение. Свободная форма ЛКК, которая дает автору право на

субъективную интерпретацию основной темы, допускает различные способы самопрезентации, вплоть до ассоциативного использования эпизодов собственной биографии. Авторитет, которым обладает автор у читателя, позволяет ему рассчитывать не только на интерес к своему профессиональному мнению, но и к своей личности. Так, в приведенном ниже примере Эльке Хайденрайх в колонке „Weiterlesen!“ информирует о выходе новой книги, посвященной известному модельеру Коко Шанель, привлекая в качестве интродуктивного способа перехода к основной теме эпизод из своей биографии, подразумевая, что это заинтересует читателя не менее чем новое событие в мире литературы:

(1) *Meine Mutter war Näherin […] So nähte sie denn für das ganze Ruhrgebiet in den 50er Jahren die Kino-und Theatervorhänge […] immer in rotem Samt. Und immer fiel was ab, daraus kriegte ich ein Mützchen, ein Krägelchen […]. Ich sah immer aus wie eine Mischung aus Rotkäppchen, Dornröschen und der Prinzessin auf der Erbse, und meine arme Mutter nähte und nähte und wurde leider nie so berühmt wie Coco Chanel. […] Daran denke ich, weil ich gerade das wunderbare Buch von und über Coco Chanel lese, das Paul Morand aufgezeichnet hat und das es im Verlag SchirmerGraf gibt: „Die Kunst, Chanel zu sein“. (S, 11.08.09)*

Выбор литературного произведения в качестве центрального объекта рассмотрения подразумевает то, что автор ЛКК, проведя обширный анализ произведений, выделяет и отмечает его особым образом среди других, рекомендуя его к прочтению или предостерегая аудиторию от некачественной литературы. Это способствует развитию аналитической, селективной и ориентирующей функций ЛКК. Критик предоставляет читателю подборку актуальных книг на определенную тему, тем самым, сокращая его время и затраты на поиск и ориентируя во множестве существующих на книжном рынке литературных произведений. Подобный обзор сопровождается авторскими комментариями, риторическими вопросами, адресованными аудитории, что способствует усилению коммуникативной функции в жанре, сокращению дистанции между автором и аудиторией. В качестве иллюстрации

вышесказанного приведем следующий фрагмент текста колонки „Weiterlesen!“ Эльке Хайденрайх, где она представляет обзор недавно вышедшей научно-популярной литературы, рассматривающей вопросы механизмов и процессов мышления:

(2) *Aber es gibt ja auch schon den Mann, der weiß, was wir denken: ein Autor namens Havener, noch schöner als Precht, der denkt nicht nur, sondern sieht direkt in meinen armen dummen Kopf: „Ich weiß, was du denkst“ bei rororo, und zusammen mit einem Herrn namens Dr. Spitzbart (der heißt wirklich so, ist aber nicht annährend so schön) hat er gleich noch ein Buch hinterher geschoben: „Denken Sie nicht an einen blauen Elefanten!“ Und was soll ich Ihnen sagen? Schon denke ich an einen blauen Elefanten! (S, 05.06.09)*

Наконец, критику необходимо предоставить читателю оценку и интерпретацию литературного произведения или творчества автора, акцентируя внимание на передаче личного мнения, выражении своего субъективного восприятия. Оценка в литературно-критическом тексте – это способ воздействия на процесс освоения читателем конкретного произведения путем объяснения его художественных достоинств или недостатков. Оценочная функция является доминирующей для типа текста ЛКК. Оценка в ЛКК не зависит от общего мнения редакции печатного издания, автор вправе индивидуально выбирать основание и соответствующий способ выражения оценки:

(3) *Das Problem dieses Romans ist, dass er gar kein Roman ist. Sondern ein merkwürdig unentschieden zwischen Softporno, Seelenberichte und Eheratgeber hin und her schwankendes Konglomerat. (F, 10.08.11)*

Для того, чтобы оценка была убедительной, автору ЛКК необходимо ее аргументировать, т.е. доказать ее правомерность, обосновать и проиллюстрировать примерами. Автор может обращаться к тем внутренним эмоциям и переживаниям, которые связаны с объектом критического рассмотрения. Так, например, рассуждая о своеобразии национальной польской

литературы, Марсель Райх-Раницкий в подтверждение одного из тезисов о высокой степени народного признания и любви к литературе в этой стране приводит следующий случай из своей жизни:

(4) *Auf der schönsten Straße Warschaus fiel mir einmal eine Gedenktafel auf, eine ganz gewöhnliche, wie man sie in allen Hauptstädten Europas finden kann. Die Inschrift war es, die mir verblüffte. Sie besagte, dass in diesem Haus einst der Laden von Stanislaw Wokulski gewesen war. Aber einen Bürger dieses Namens hat es nie in Warschau gegeben. Denn der Wokulski ist eine erfundene Figur, sie stammt aus einem der erfolgreichsten polnischen Romane […] (FAZ, 16.03.2011)*

Оценка в ЛКК является способом реализации воздействия на поведение реципиента, которое заключается в том, чтобы открытыми призывами или скрытыми интенциями стимулировать его к определенным действиям, что иллюстрирует проявление стимулирующей или персуазивной функции в жанре ЛКК.

В отношении читателя ЛКК также проявляет непосредственно просветительскую и информирующую функции. Читатель видит в авторе ЛКК не просто журналиста, а авторитетного специалиста, в силу своего призвания и профессиональной компетентности получившего право на регулярную публикацию. Автор ЛКК – это своего рода навигатор в мире литературы, мнению которого можно доверять. Он является проводником в культурной сфере, демонстрируя и передавая свое умение интерпретировать культурные объекты.

В отношении писателя и издательства ЛКК успешно реализует рекламную функцию, объявляя о выходе нового или пробуждая интерес к забытым литературным произведениям, тем самым оказывая воздействие на читателя как на потенциального покупателя.

2.3. Структурные особенности ЛКК

Проведенный анализ выявил очевидное сходство в составе структурных элементов текстов публикаций. Это позволило выделить общие особенности структурной организации жанра ЛКК, которая включает в себя следующие компоненты: заголовочный комплекс (комбинация из надзаголовка, заголовка и лида), зачин, основной корпус текста. Изучение структурных элементов ЛКК подразумевало решение нескольких задач: 1) необходимо было установить, какая информация предоставляется читателю в каждом из элементов (тематический параметр рассмотрения); 2) выявить особенности языкового выражения исследуемых элементов (структурно-языковой параметр рассмотрения); 3) определить роль и назначение рассматриваемого элемента, его функцию (функциональный параметр рассмотрения).

Заголовочный комплекс включает в себя следующие элементы: надзаголовок, заголовок, лид. Основной элемент заголовочного комплекса – газетный заголовок – должен сочетать в себе единство формы и содержания, передавать отношение автора к происходящим событиям, подчеркивать значение сообщаемого факта и, таким образом, активно воздействовать на читателя [Бессонов, 1958, с. 4]. Функции заголовка, как известно, отражают его непосредственную, открытую связь с текстом. Так, в своем исследовании Л. Г. Кайда утверждает, что заголовок: называет текст (*назывная функция*); сообщает о чем-то (*информативная функция*); он является первой фразой, которая устанавливает контакт между автором и читателем (*аппелятивная функция*); в нем отражается отношение автора к сообщению (*эмотивная функция*); он призван привлечь внимание читателя к тексту (*рекламная функция*) [Кайда, 1989, с. 91]. Заголовок ЛКК рассматривается нами как важная составляющая структурной организации текста, среди доминирующих функций которой можно выделить: *рекламную* функцию, удерживающую внимание читателя и побуждающую его к дальнейшему прочтению материала, а также *воздействующую* функцию, выражающую отношение автора к рассматриваемому объекту уже на уровне

заглавия и, тем самым, настраивающую читателя на дальнейшее восприятие текста в определенной тональности.

Лид, т.е. первый абзац, выделенный графически жирным шрифтом [Колесниченко, 2010, с. 99], присутствует в каждом тексте рассматриваемой ЛКК. Лид подхватывает контактоустанавливающую функцию заголовка и служит для того, чтобы удержать внимание читателя на данном материале.

Если в лиде журналист кратко обозначает тематику колонки, то в зачине он, как правило, разворачивает действие. Выбрав тему сообщения, журналисту необходимо правильно подвести читателя к ее раскрытию. Вводная часть представляет собой ту точку отправления, которая необходима автору для вовлечения читателя в ход своего рассуждения, для его подготовки к дальнейшему восприятию критического рассмотрения темы в основном корпусе текста колонки. В случае, когда ЛКК подразумевает прямое взаимодействие аудитории и автора колонки, которое выражается в виде запроса к критику на рассмотрение объекта, указанного в вопросе читателя, зачин может отсутствовать как структурный компонент. ЛКК по форме будет представлять собой непосредственный ответ на вопрос, так что необходимость в предварительном обосновании выбора темы, представления ее читателю будет отсутствовать.

Как показал материал исследования, несмотря на некоторые различия, продиктованные такими факторами, как специфика типа издания или индивидуально-стилевые особенности автора, в основном корпусе текста можно выделить два блока: *информационный* (содержащий в себе фактические сведения об анализируемом объекте: биографические сведения о писателе, пересказ событийного ряда литературного произведения) и *оценочный* (содержащий критический анализ объекта).

Методом сплошной выборки нами были отобраны и проанализированы тексты, представляющие ЛКК в газете „Frankfurter Allgemeine Zeitung“ и в иллюстрированных журналах „FOCUS“ и „Stern“. Локализация жанра в

рассматриваемых печатных изданиях характеризуется следующими аспектами: во-первых, федеральная газета „Frankfurter Allgemeine Zeitung“ и общественно-политические журналы „FOCUS“ и „Stern“ относятся к качественному типу прессы, представляющему собой «прессу мнений для интеллектуальной части общества», в которой «ценятся не столько публицистические рассуждения журналистов, сколько мнения компетентных специалистов» [Грабельников, 2001, с. 6]. Отсюда можно сделать вывод, что качественный тип издания представляет собой естественную среду для функционирования ЛКК, т.к. ее автором является компетентный специалист в области литературы, и его экспертное мнение (оценка произведения или творчества литературного деятеля) находит свое отражение в данном жанре. Следует отметить, что наличие ЛКК, автором которой является известная личность, положительно сказывается на имидже самого печатного издания. Показательным является также то, что выход ЛКК в каждом издании относится к одному временному периоду (2003-2013 гг.), что может свидетельствовать об объективной востребованности ЛКК как современного литературно-критического жанра.

Рассмотрим подробнее тексты анализируемых колонок по следующим параметрам: *название колонки, тип издания, автор; заголовочный комплекс; основной текст.*

2.2.1. ЛКК „Fragen Sie Reich-Ranicki“ в газете „Frankfurter Allgemeine Zeitung“

Название колонки. Тип издания. Автор. ЛКК „Fragen Sie Reich-Ranicki“ еженедельно появлялась на страницах консервативной немецкой газеты „Frankfurter Allgemeine Zeitung“ („FAZ”) на протяжении 10 лет в период с 2003 по 2013 гг. Газета „FAZ“ по праву считается одним из лучших мировых изданий. Такую репутацию она приобрела за детальную оценку событий и качественный информационно-аналитический контент. Четкое разграничение между новостями и комментариями является основным принципом издания. Газета была основана в 1949 году; руководство издания преследовало цель создания политически

независимого ежедневного издания с единым охватом аудитории Германии после Второй Мировой Войны. В 1999 году FAZ заняла 3 место в рейтинге лучших мировых газет, уступив лишь английской „Financial Times“ и американской „New York Times“. На сегодняшний день ежедневный тираж газеты составляет более 300 000 экземпляров. Основными читателями газеты являются экономическая и политическая элита Германии.

Автор ЛКК – известный литературный критик и публицист Марсель Райх-Раницкий. Общенациональную известность и всеобщую любовь со стороны публики Райх-Раницкий приобрел после выхода телевизионной передачи «Литературный квартет» (1988-2001 гг.) на Втором государственном канале немецкого телевидения „ZDF“, в которой он вместе с тремя известными критиками Зигрид Лёфлер, Гельмутом Карасеком и Юргеном Буше обсуждал новые книги. С этого времени М. Райх-Раницкого начали именовать как понтифика «Папой немецкой литературной критики». Журналист Рут Шнеебергер в заголовке некролога на смерть Раницкого определила квинтэссенцию деятельности главного критика страны, ту образовательно-дидактическую роль, которую он сыграл в жизни немецкого народа: „Der Mann, der uns das Lesen lernte“ (русск. «Человек, который научил нас читать»).

В интернет-версии печатного издания эта колонка сопровождается кратким описанием: небольшие критические суждения, рекомендации к прочтению, привлечение внимания читателя к забытым книгам, пересмотр существующих мнений критиков, а также «сплетни и пересуды» о писателях прошлого и современности („Klatsch und Tratsch über verstorbene und zeitgenössische Schriftsteller“). Отметим, что уже на первом этапе знакомства с материалом отчетливо прослеживается тон непринужденности: достаточно обратить внимание на название колонки и ее описание. Вместо полной формы имени и фамилии критика указывается только его фамилия, что придает разговорно-фамильярный оттенок и фактически обозначает безусловную идентификацию читателем автора колонки – известного эксперта по мировой литературе – без указания

дополнительной информации о нем. Используемое в описании колонки фразеологическое единство *„Klatsch und Tratsch“* поддерживает непринужденный тон и занимательный характер всего материала, являясь также своеобразной отсылкой к разговорному формату литературно-критической передачи „Das literarische Quartett“.

В структуру текстов данной колонки входит: *заголовочный комплекс*, состоящий из надзаголовка, заголовка и лида*, иконический компонент, вопрос читателя, основной текст колонки*, *заключение*.

Заголовочный комплекс. Заголовочный комплекс колонки Райх-Раницкого состоит из следующих элементов: надзаголовка, заголовка и лида. Надзаголовок выступает в роли «шапки» или «объединяющего заголовка». Шапка представляет собой название колонки („*Fragen Sie Reich-Ranicki“*) и выполняет назывную функцию, обозначая материал публикации. Шапка обладает минимальной степенью воздействия на читателя (равно как и рубрика), графически выделена петитом и служит для ориентации читателя при отборе и ознакомлении с газетным материалом.

Заголовки ЛКК Райх-Раницкого отражают основную тему публикации, таким образом, отвечая понятию заголовка как «предельно сжатого и меткого выражения главной идеи произведения» [Бессонов, 1958, с. 23]. Как правило, объектом критического рассмотрения в ЛКК является писатель и его творчество, поэтому заголовок обозначает писателя, используя разные способы его номинации.

С точки зрения структуры принято выделять номинативные и предикативные заголовки [Колесниченко, 2010, с. 96]. Номинативные заголовки представляют собой неполную фразу из одного или двух существительных или существительного и прилагательного: (5) *Dichter einer versunkenen Welt (FAZ, 18.10.10);* (6) *Ein Seher und Prophet (FAZ, 06.10.10);* (7) *Ein Gefühlsozialist (FAZ, 07.06.11).* Предикативные заголовки, в свою очередь, представляют собой полное

предложение: (8) *Sie suchte das rechte, das milde Licht (FAZ, 16.10.11);* (9) *Verleger sind keine Volkserzieher (FAZ, 28.03.11);* (10) *So darf man über Literatur nicht schreiben (FAZ, 16.04.08).* Номинативные заголовки более емко и лаконично передают образ объекта повествования, а в силу своего краткого объема, легче и быстрее воспринимаются читателем, поэтому частотность их употребления выше, чем у предикативных заголовков.

Характер передаваемой информации о писателе в заголовках может быть различным. Так, в заголовке может актуализироваться фактуальная информация о писателе, например, его национальность или принадлежность к литературному течению*:* (11) *Ein Deutscher ohne Deutschland (FAZ, 18.01.11),* (12) *Polens ungekrönter König (FAZ, 07.03.11),* (13) *Weit mehr als eine Traditionalistin (FAZ, 24.03.12).* Однако даже из этих примеров становится очевидным, что *оценочная* информация преобладает над фактологической, что объясняется, прежде всего, целеустановкой жанра. В литературно-критической колонке читателя интересует, прежде всего, отношение авторитетного критика к рассматриваемому объекту. Следовательно, оценочная характеристика писателя без указания его имени – успешный прием привлечения внимания читателя (придает заголовку интригующий характер) и вовлечения его в дальнейший процесс ознакомления с материалом. Воздействующий эффект достигается за счет повышенного внимания к образности в характеристике писателя, которую создает автор ЛКК, используя различные экспрессивно-выразительные средства: (14) *Ein verzweifelter Genießer des Lebens (FAZ, 24.04.08)* (15) *Der Dichter der großen Vergeblichkeit (FAZ, 18.02.12)* (16) *Ein Kleinkunsttalent des größten Formats (FAZ, 10.01.11).* Подробнее они будут рассмотрены в следующей главе, посвященной языковым средствам выражения оценки в ЛКК.

Персонификация является не менее эффективным журналистским способом привлечения внимания аудитории, поэтому в ЛКК заголовки, написанные от первого лица (17) *Ich kapitulierte (FAZ, 18.04.11)* (18) *Ich bitte um Nachsicht (FAZ,*

09.06.10) также служат для усиления рекламной функции, привлекая внимание к личности критика и его мнению.

Таким образом, степень реализации информативной функции в заголовках ЛКК проявляется не так сильно по сравнению с функцией рекламной и воздействующей.

Лид. Заголовки ЛКК синсемантичны: практически все они не содержат имен собственных и названий литературных произведений, и читатель не сразу может распознать, о ком (или о чем) будет идти речь в данной ЛКК. Именно поэтому лид в составе заголовочного комплекса имеет особое значение, т.к. он способен не только поддержать интерес к публикации, вызванный интригующим названием заголовка, но и в общих чертах проинформировать читателя о содержании ЛКК. Следующий пример иллюстрирует описанный принцип функционирования заголовочного комплекса в колонке Райх-Раницкого: лид представляет собой небольшой абзац из двух предложений, в которых представлена характеристика немецкого поэта и барда, одного из самых известных диссидентов ГДР Вольфа Бирманна, жизнь и творчество которого становится центром проблематики ЛКК:

(19) ***Er sprengt jeden Rahmen***

Er lässt sich weder einordnen noch auf ein Fach festlegen. Er ist ein militanter Musiker und ein fröhlicher Volksredner, ein Prediger und ein Pamphletist, er ist ein Conférencier und ein Kabarettist, ein Schalk und ein Showmaster: Marcel Reich-Ranicki über Wolf Biermann (FAZ, 09.05.08).

Автор выстраивает цепочку номинаций героя, используя личное местоимение *er* и ряд номинативных обозначений лица по сфере и роду деятельности поэта, создавая портрет главного объекта своей критики в колонке. В этом описании присутствует также оценочный компонент, выделяющий индивидуальные особенности Бирмана как творческой личности (*lässt sich weder einordnen noch auf ein Fach festlegen*), а также его персональные качества (*militant,*

fröhlich). Катафорическое употребление личного местоимения *er* и субстантивный ряд перечисления усиливает напряжение текста. Как показывает анализ практического материала, подобное построение лида в виде сложного предложения, состоящего из двух частей, в одной из которых содержится информация о содержании колонки, а во второй представлен автор и назван объект критического рассмотрения – является наиболее частотным вариантом в ЛКК „Fragen Sie Reich-Ranicki“. Кроме того, неотъемлемой частью структуры лида является дата публикации.

Портретная характеристика является распространенным, но не единственным вариантом представления информации в лиде. Так, например, лид может содержать оценку и интерпретацию творчества писателя, сконцентрированную в сжатом формате изложения:

(20) *Seine Prosa suchte Erlösung in der Mathematik, seine Metaphern konnten ihre Herkunft aus der Lyrik des Expressionismus nicht verbergen: Marcel Reich-Ranicki über sein zwiespältiges Verhältnis zu Arno Schmidt, dem Dichter aus Bargfeld (FAZ, 26.04.11).*

Отражение основных тенденций в творчестве писателя может быть передано также через характеристику героев его литературных произведений:

(21) *Hubert Fichtes literarischen Kosmos besiedelten Gammler, Stricher und Prostituierte. Sie hatten vom Leben nicht viel zu erwarten. Fichte, ein zarter und empfindsamer Chronist, öffnete ihnen den Mund (FAZ, 16.06.12).*

Актуальность обращения к творческому наследству литературного деятеля может подчеркиваться в связи с памятной датой, например, днем рождения писателя:

(22) *Die Schriftstellerin Hilde Spiel suchte ihren Ort zeitlebens zwischen ihrer Wiener Heimat und dem britischen Asyl. Heute wäre sie hundert geworden (FAZ, 16.10.11)*

(23) *Vor bald hundertfünfzig Jahren wurde er geboren, Freud hat in ihm einen Bruder im Geiste gesehen: Marcel Reich-Ranicki über die Aktualität Arthur Schnitzlers (FAZ, 18.02.12).*

Иконический компонент колонки представляет собой фотографию-портрет писателя, жизнь или творчество (литературное произведение) которого рассматривается в ЛКК.

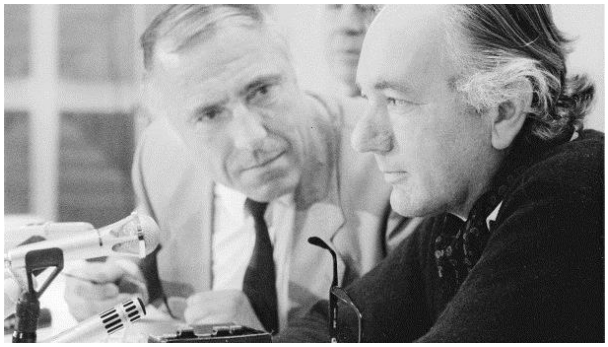


Рис. 1. Иконический компонент ЛКК „Fragen Sie Reich-Ranicki“ „Die Zärtlichkeit eines Zorns“ (FAZ, 04.07.2011). На фотографии изображен австрийский прозаик и драматург Томас Бернхард

Вопрос читателя. В большинстве случаев тему колонки определяет сам автор, ориентируясь на актуальное положение вещей в литературном мире, будь то появление новой книги на рынке, последние результаты присуждения литературной премии, знаменательная дата памяти писателя. В рассматриваемой ЛКК Райх-Раницкого, решающую роль в формировании проблематики колонки играет вопрос, присланный в редакцию газеты. Вопросы, стимулирующие к рассуждению на тему личности и творческого пути писателя, определяют первую (и наибольшую по количеству публикаций) тематическую группу. В основном, они сформулированы достаточно типично: (24) *Was halten Sie von Hans Erich Nossack? (FAZ, 21.06.10);* (26) *Was halten Sie von Leonard Frank? (FAZ, 07.06.11);* (27) *Können Sie uns Marie Luise Kaschnitz empfehlen? (FAZ, 24.03.12);* (28) *Wie beurteilen Sie Kurt Tucholsky? (FAZ, 18.01.11);* (29) *Wodurch zeichnet sich Ihrer*

Meinung nach Georg Büchner aus? (FAZ, 08.02.11). Поводом к обсуждению литературного деятеля может быть памятная дата, например, день рождения: (30) *Im Mai 2012 wäre Arthur Schnitzler 150 Jahre alt geworden (FAZ, 18.02.12)* или дата смерти: (31) *Hemingways Todestag liegt nun fünfzig Jahre zurück, was können Sie uns über ihn erzählen? (FAZ, 20.07.11).*

Вторую тематическую группу формируют вопросы, стимулирующие к обсуждению литературных произведений. Эти вопросы могут носить как обобщенный характер, например: (32) *Halten* Sie seine [Oscar Wilde] Theaterstücke nicht für *lesenswert*? *(FAZ, 21.03.12);* (33) *Gibt es ein Buch von ihm [Heinrich Böll], das Sie besonders schätzen? (FAZ, 09.11.10),* так и представлять запросы на анализ и интерпретацию конкретных произведений: (34) *Was ist von Thomas Bernhards „Holzfällen“ zu halten? (FAZ, 04.07.11).* Стоит отметить, что языковое оформление данных вопросов небезосновательно свидетельствует об абсолютном доверии читателей мнению критика, о его статусе и положении как авторитетного лица в мире литературы: большинство вопросов содержит в себе лексику, связанную с выражением мнения, оценки: *halten von j-m, etw., beurteilen, schätzen, Ihrer Meinung nach, lesenswert.* Некоторые вопросы представляют собой прямое обращение к критику с просьбой о рекомендации, совете, выраженное при помощи модального глагола *können* и глаголов *empfehlen, erzählen.* Вследствие реакции критика на соответствующий запрос читателя создаются условия для создания живого диалога между автором и аудиторией. Это свидетельствует о диалогической природе внешне монологического жанра колонки. В нашем исследовании мы, вслед за Л. Р. Дускаевой, понимаем под диалогичностью фундаментальное свойство газетных текстов, «не просто стилистический прием, но сущностную их черту, являющуюся текстовым обнаружением социальной природы общения» [Дускаева, 2004, с. 17].

Как показало наше дальнейшее исследование материала, наличие вопроса читателя – необязательный элемент в структуре ЛКК, однако принцип построения ЛКК в виде вопросно-ответной формы связи читателя и литературного критика

объективно иллюстрирует сложившуюся ситуацию в современном общественно-культурном пространстве, а именно потребность массового читателя неспециализированных изданий в получении информации и расширении представлений об основных явлениях литературного процесса. Кроме того, подобный формат ЛКК подчеркивает ее жанровую особенность, связанную с сильным авторским началом, ориентацией на экспертное мнение, а также интерактивный характер этого вида письменного текста.

Основной текст колонки. Колумнист не только оценивает творчество писателя или отдельные литературные произведения, не только делится с читателем своими чувствами и личными переживаниями, связанными с объектом критики, ему необходимо также восполнить недостающие пробелы в знаниях читателя, осветить те события в биографии литературного деятеля, которые в полной мере влияют на его личность и творчество. Таким образом, задачи автора ЛКК соотносятся с реализацией информирующей и оценочной функций ЛКК. Подтверждение этому тезису мы находим в структуре основного текста колонки Райх-Раницкого. На основании результатов анализа материала было установлено, что в структурной организации основной части колонки можно выделить два блока: *информационный и оценочный*. *Информационный* блок может быть представлен следующими тематическими разделами:

а) биографические сведения об авторе произведения. Принимая во внимание ограниченный объем колонки, автор использует технику «свертывания» обширного пласта информации о событиях в жизни писателя до нескольких наиболее значимых в его биографии эпизодов. Из известных способов создания структурно напряженного текста, т.е. более плотного представления информации в тексте автор использует сжатие нескольких сообщений в одно предложение. На синтаксическом уровне это реализуется посредством использования простых или бессоюзных сложносочиненных предложений. Данная тема лексически поддерживается указанием на конкретный временной период (дата рождения, смерти), а также употреблением наименований городов, стран:

(35) *Nelly Sachs wurde 1891 in Berlin geboren, sie wuchs in großbürgerlichem Milieu auf, lebte aber während des „Dritten Reichs“ in Stockholm in ärmlichen Verhältnissen. Die Lektüre von Selma Lagerlöfs „Gösta Berling“ hat ihre eigenen literarischen Versuche angeregt. 1960 reiste sie in die Schweiz, nach Frankreich und nach Deutschland; zurück in Schweden erlitt sie einen psychischen Zusammenbruch. Sie starb 1970. (FAZ, 18.04.11).*

б) наиболее значимые личные качества и особенности психологии писателя, оказавшие влияние на его творчество. В следующем примере речь идет о немецком писателе, филологе-эрудите Арно Шмидте, развитые интеллектуальные способности которого во многом определили уникальность его эссеистики:

(36) *Arno Schmidt, der 1914 in Hamburg geboren wurde und ab 1928 in Schlesien lebte, trat in seiner Jugend in Breslauer Lokalen als Gedächtniskünstler auf, der zahlreiche ihm zugerufene Telefonnummern im Kopf behalten, von hinten nach vorn aufsagen und miteinander multiplizieren konnte. Es ist das phänomenale Gedächtnis Schmidts, das die Eigenart seiner Epik und Essayistik ermöglicht hat und das ihr Fundament bildet (FAZ, 26.04.11).*

в) Краткое изложение фабулы. Фабула – это «цепь событий, о которых повествуется в произведении, в их логической причинно-временной последовательности» [Русова, 2004, с. 261]. Мастерство критика при создании литературно-критического текста заключается в том, чтобы описание фабулы не представляло собой подробное и детальное изложение событий, которые происходят в книге, лишающее читателя всякого интереса к самостоятельному ознакомлению с произведением. Главное для критика – найти и выделить ключевые моменты произведения и представить их в виде запоминающегося образа, дополнив его комментарием и интерпретацией. Так, в следующем примере Райх-Раницкий сочетает пересказ событийного ряда рассматриваемого романа Томаса Бернхарда „Holzfällen“ с одновременной его интерпретацией. Для усиления воздействия на ассоциативное восприятие читателя с целью достижения

более глубокого понимания смысла, заложенного в высказывании, критик характеризует рассказчика, используя определенный образ. Основой для создания этого образа становится аллюзивная отсылка к мифологическому герою. Аллюзия в данном случае обеспечивает реализацию коммуникативной тактики аналогии, раскрыв суть которой, читатель приходит к наиболее полному пониманию интенции автора:

(37) *Dort versucht er [Thomas Bernhard], einsam zu leben. Aber es dauert nicht lange und er hat das dringende Bedürfnis, der Isolation zu entkommen. Daher geht er täglich spazieren, und zwar dort, wo diese widerliche Stadt am allerwiderlichsten ist - auf dem Graben und in der Kärntnerstraße. Und wie der Riese Antaios seine Kraft einbüßte, wenn er über der Erde schwebte, und sie wiedererlangte, wenn seine Füße sie berührten, verspürt auch Bernhards Ich-Erzähler inmitten der verhassten und vor lauter Ekel seit vielen Jahren gemiedenen Stadt ein wahres Wunder: Dieses entsetzliche Wien ist plötzlich „der Motor, der meinen Kopf wieder denken, der meinen Körper wie einen lebendigen reagieren läßt“ (FAZ, 04.07.11).*

г) Типажи персонажей литературных произведений. Персонажи, фигурирующие на страницах литературных произведений, отражают индивидуальный стиль писателя, проблематику его творчества. Задача критика – выявить типовые характеры героев, лаконично описать их значимые черты. Наиболее функциональным средством здесь служат различные эпитеты:

(38) *Der suchende Intellektuelle und der weltfremde Künstler, der gütig-weise Kauz, der skurrile Bösewicht und der pedantisch trockene Beamte, die unverstandene Ehefrau, die edle Sünderin, die reine Hure und die geheimnisvolle Verführerin - sie alle, die Wassermanns Szene bevölkern, sind unzweideutige, auf Anhieb erkennbare Gestalten (FAZ, 16.06.10).*

д) Личное переживание, связанное с объектом рассмотрения. Выше уже было отмечено, что в ЛКК особое внимание уделяется авторским ремаркам-воспоминаниям, с помощью которых реализуется имиджевая функция ЛКК, т.е.

функция самопрезентации, а также оценочная функция, когда в качестве доказательства убедительности оценки автор использует аргумент из своего жизненного опыта. ЛКК предоставляет автору возможность обратиться к подобным воспоминаниям и случаям из жизни в качестве иллюстративного материала в информационном блоке публикации, когда, например, необходимо передать состояние и атмосферу литературного общества определенного временного периода:

(39) *Im Jahr 1958 lernte ich in Hamburg den jungen Siegfried Lenz kennen. Er schickte mich - mit gutem Grund - zu Horst Krüger, damals in Baden-Baden. Wir verständigten uns schnell, denn Krüger, der erfolgreiche Reiseschriftsteller, stammte aus Berlin. Er traf rasch den jungen Horst Bienek, und wir kamen ins Gespräch in Frankfurt. Bienek, der aus Oberschlesien stammte, wurde 1930 geboren, er starb 1990, nach kurzer Krankheit, in München. Ich war mit ihm befreundet, er war in einem Rundfunksender als Lektor tätig, ich habe ihn geschätzt. Er war ein guter Kenner der Literatur, er hat viele Gedichte veröffentlicht, nicht wenige beachtliche. Mit seinen Erzählungen und Romanen war ich freilich selten einverstanden (FAZ, 26.05.10)*

Оценочный блок основного корпуса колонки предполагает выражение авторской оценки. Оценочный компонент представляет собой «то пространство текста, которое создается автором на основе его собственных ценностных ориентаций, его собственных интеллектуальных и эмоциональных запасов» [Лазутина, 2011, с. 225]. В зависимости от способа представления в тексте оценки (прямого или косвенного) публицист добивается реализации важнейшей функции создаваемого им текста – воздействующей. Следует также отметить, что понятие авторской оценки подразумевает уникальный индивидуальный способ ее языкового выражения, таким образом, соотносясь с понятием идиостиля как «совокупности языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи публициста» [Стилистический энциклопедический словарь…, 2003, с. 95].

Оценочный блок в ЛКК моделируется посредством реализации коммуникативной стратегии оценки. Коммуникативная стратегии оценки и соответствующие ей тактики будут рассмотрены далее в качестве средств повышения прагматического воздействия в ЛКК.

2.2.2. ЛКК „Brands Bücher“ в журнале „FOCUS“

Название колонки. Тип издания. Автор. ЛКК „Brands Bücher“ выходила на страницах информационно-политического журнала „FOCUS“ раз в неделю в период с 2008 по 2011 гг. Долгий период главенствования „Spiegel“ как самого авторитетного и читаемого новостного журнала (слоган его рекламной кампании одно время звучал как: „*Kein Platz für zweites Nachrichtenmagazin“ («Второму новостному журналу нет места»)* был прерван появлением нового журнала „FOCUS“ 18 января 1993. Фактором, который объясняет успех издания (по последним данным, аудитория печатного издания составляет 4,18 миллионов читателей[1], а количество уникальных посетителей Интернет-версии журнала составляет 12,47 миллионов[2]) является нетрадиционный подход к формату издания, который применили его создатели Хуберт Бурда и Хельмут Маркворт. Концепция журнала базируется на взаимодействии текста, фотографии и инфографики, которые интегрируются в одну систему, адаптирующуюся к потребностям читателя XXI века. Бурда и Маркворт вводят также оригинальное понятие целевой аудитории – «информационная элита» („Info-elite“) [Wolf, 2006, S. 259]. Информационная элита представляет собой тот тип аудитории, представителем которой является современный образованный человек, нуждающийся в быстром получении актуальной информации о происходящих событиях в политике, экономике, общественной и культурной жизни. Подобная «мультимедийная» подача информации является оптимальным способом для

[1] http://www.dwdl.de/zahlenzentrale/51866/ob_sz_faz_oder_bild_zeitungen_tief_im_minus/
[2] http://meedia.de/2015/02/26/agof-news-top-50-sueddeutsche-leidet-unter-abendzeitung-split-auch-focus-verliert-ueber-1-mio/

восприятия читателем, который – ввиду постоянной нехватки времени вследствие меняющихся условий и темпа жизни – нуждается в уже подготовленном, отобранном и качественном материале. В отличие от журнала „Spiegel“, практически навязывающего читателю свое мнение [Санкова, 2010, с. 20], журнал „FOCUS“ определяет себя как «штурмана-навигатора», направляющего читателя в ежедневном потоке информации благодаря своим указаниям, советам и позитивным решениям[3]. Показательно, что ориентация на информирование содержится и в описании ЛКК „Brands Bücher“: *Spannendes Lesewerk, Brancheninfos und Geschichten rund ums Buch – FOCUS Redakteur Jobst-Ulrich Brand hält Sie in Sachen Literatur auf dem Laufenden («Увлекательные книги, события в области литературы и истории вокруг книг – редактор «Фокуса» Йобст-Ульрих Бранд держит Вас в курсе дела»).*

Анализ практического материала позволил выделить в структуре текстов данной ЛКК следующие конструктивные элементы: *заголовочный комплекс, иконический компонент, зачин, основной текст*.

В **заголовочный комплекс** входят такие элементы, как надзаголовок, заголовок, лид. В отличие от колонки „Fragen Sie Reich-Ranicki“, **надзаголовок** колонки „Brands Bücher“ не только выполняет назывную функцию (в том случае, когда он представлен в виде названия колонки), он также представляет читателю книгу-объект оценки в колонке (в таком случае, надзаголовок содержит название колонки + название книги). Это усиливает характер взаимосвязи заголовка и надзаголовка: как правило, заголовок набран крупным жирным шрифтом, следовательно, первым воспринимается читателем. Заголовки синсемантичны по своей природе и понять, о каком произведении пойдет речь в последующем журнальном материале, представляется затруднительным. Надзаголовок, в свою очередь, уже на начальном этапе ознакомления с публикацией информирует читателя о рассматриваемом произведении:

[3]http://www.medialine.de/media/uploads/projekt/medialine/docs/bestellung_download/mediadaten/focus/foc_contentmonitor_2008_2.pdf

(40) Brands Bücher: „Angst“

Das Buch zur Finanzkrise *(F, 08.11.11)*

Заголовки ЛКК напрямую связаны с основным текстом и содержат информацию о литературном произведении в целом: (41) *Das Buch zur Finanzkrise (F, 08.11.11),* (42) *Bestseller aus Langweile (F, 15.11.11);* о сюжете литературного произведения: (43) *Der Papst als Schläger und die Welt in Aufruhr (F, 18.10.11)*; о писателе: (44) *Flirt mit dem Tod (F, 28.06.11)* (об Эрнесте Хемингуэе), (45) *die Erfindung des Ichs (F, 100511)* (о Максе Фрише).

Некоторые заголовки эмоционально нейтральны с точки зрения эмоционального воздействия на читателя и способствуют реализации информативной функции (46) *Das Buch zur Finanzkrise (F, 08.11.11*)), однако большинство заголовков обладают высоким прагматическим потенциалом и им свойственны рекламная и воздействующая функции: (47) *Vom feinen Gefühl, Menschen zu töten (F, 21.06.11),* (48) *Ein Leben als Neutronenfutter (F, 31.05.11).* Одним из способов привлечения внимания к заголовку служит употребление публицистом нестандартной лексики – в данном случае, лексики ограниченной сферы употребления (метафорическим наименованием „Neutronenfutter“ с явным саркастическим подтекстом называют себя работники атомной индустрии; колонка посвящена книге, рассказывающей об их непростой жизни). В то время как усиление воздействия на образно-эмоциональное восприятие достигается нарушением когнитивного соответствия элементов (feines Gefühl – Menschen töten). Не менее эффективным средством, выполняющим одновременно и рекламную, и воздействующую функции, является использование приема аллитерации в заголовках: (49) *Vergewaltigt, verwahrlost, verkauft (F, 27.09.11),*(50) *Kind und Kegel und Karriere (F, 20.07.11)*. Помимо зрительного эффекта (заголовок выделяется на полосе благодаря группе лексем с одинаковым началом), здесь стоит упомянуть также об ироническом подтексте в первом заголовке. Речь идет о скандальном романе „Splitterfasernackt“, автор которого – немецкая писательница

Лилли Линднер – от лица своей героини рассказывает о психологической травме, связанной с пережитым в ранней юности актом насилия. Йобст-Ульрих Брандт выступает с негативной критикой этого романа, считая, что помочь перебороть психологическую травму поможет специалист, а не откровенный роман-исповедь, представляющий собой, к тому же, низкокачественную (но успешно продаваемую в силу пикантности темы) литературу. Можно предположить, что иронический смысл высказывания создается за счет аллюзии на латинское изречение „veni, vidi, vici“, известное как символ быстрого успеха. Второй пример помимо аллитерации содержит прием языковой игры, когда к идиоматическому выражению *mit Kind und Kegel = mit der ganzen Familie* [Gutknecht, 2001, S. 257] добавляется новый элемент *Karriere*, нарушая механическое восприятие сочетания и акцентируя внимание на появившемся дополнительном значении.

Заголовки ЛКК также могут содержать оценку, выраженную, например, посредством негативно-оценочной лексики с эмоционально-усилительным наречием: (51) *Ein schrecklich schlechter Roman (F, 10.08.2011),* или представленную в виде риторического вопроса: (52) *Monster oder Mensch? (F, 20.09.2011).*

С точки зрения структурно-грамматической организации заголовки текстов данной ЛКК в подавляющем большинстве представляют собой номинативные предложения: (53) *Das intellektuelle Vakuum (F, 24.05.11),* (54) *Das Buch zur Finanzkrise (F, 08.11.11).* Менее распространенным типом языкового оформления заголовка является предикативный заголовок: (55) *Jesus-Geschichte bleibt unbefleckt (F, 12.07.11),* (56) *Die DDR, die niemals unterging (F, 23.08.11).*

Лид ЛКК „Brands Bücher“ представляет собой высказывание объемом не более трех предложений, в котором кратко излагается информация о рассматриваемом литературном произведении и его авторе. Учитывая небольшой объем, автор стремится максимально наполнить его фактическим содержанием. Передаче дополнительных сведений об авторе произведения служат различные

способы номинации лица. Так, например, журналист может охарактеризовать писателя, указав на степень его известности и популярности:

(57) *Bestsellerautor Robert Harris hat einen fiktiven Thriller zur Finanzkrise geschrieben, in dem Computer zu Monstern werden (F, 08.11.11);*

(58) *David Mazzucchelli ist der Superstar der amerikanischen Comic-Kunst (F, 14.09.11).*

Довольно часто национальная принадлежность писателя служит источником для его номинации в лиде:

(59) *In seinem Erinnerungsbuch „Der Hase mit den Bernsteinaugen“ erzählt der Brite Edmund de Waal die Geschichte seiner Familie – einst eine der reichsten und mächtigsten in Europa (F, 06.09.11);*

(60) *Im Roman „Tage der Flut“ überschwemmt der Niederländer Frans Pollux die Welt. (F, 17.05.11);*

(61) *Der US-Journalist Joshua Foer erzählt, wie er es mit einem gar nicht mal so aufwendigen Trainingsprogramm zum amerikanischen Gedächtnismeister gebracht hat (F, 21.06.11).*

Дополнительная информация об авторе произведения может содержать также сведения о его профессиональной деятельности или ранее созданных произведениях:

(62) *In seinem Buch „Das Böse“ wehrt sich der Kulturtheoretiker Terry Eagleton gegen diese Banalisierung (F, 03.05.11);*

(63) *Ein Jahr lang hat „The Wire“-Erfinder David Simon Mordermittler in Amerika begleitet (F, 30.08.11).*

Как видно из примеров, большинство лидов ЛКК составлены однотипно. Постараемся определить, каким образом журналисту удается создать наиболее

привлекательный текст. Известным способом достижения усиленного эмоционального воздействия на читателя является использование стилистических экспрессивных средств, например, метафоризации:

(64) *Das Buch ist ein bewegendes Oratorium des Schreckens (F, 20.09.11).*

В данном примере речь идет о романе „De fattiga i Łódź“ – документальной истории о жизни еврейского гетто в польском городке Лодзь – шведского писателя Стива Сем-Сандберга (немецкий вариант названия звучит как „Die Elenden von Lodz“; на русском языке роман носит название «Отдайте мне ваших детей!», взятое по строчке из агитационной речи главного героя повествования Мордехая Хаима Румковского, призывавшего жителей пожертвовать своими детьми ради спасения остальных жителей гетто). Автор колонки использует метафорическое наименование, называя книгу «волнующей ораторией ужаса», указывая на крупномасштабность и драматичность произведения. Ужасающий образ, создаваемый автором, затрагивает эмоционально-чувственный мир и воображение читателя. Воздействуя на психическую сферу, такой лид удерживает внимание читателя и стимулирует его к дальнейшему ознакомлению с материалом.

Отдельно отметим наличие оценки анализируемого произведения как средства реализации рекламной функции лида. Положительная оценка, высказанная авторитетным критиком, воспринимается читателем как одобрение и рекомендация к прочтению книги, следовательно, стимулирует читателя и к прочтению колонки:

(65) *Der Berliner Autor Leif Randt hat eine bedrückend komische Satire auf die neuen Spießer in den Großstadtszenevierteln geschrieben (F, 16.08.11);*

(66) *Simon Urban erzählt in virtuosem Gedankenspiel von einer DDR, die niemals unterging (F, 23.08.11);*

(67) *Entstanden ist eines der besten Bücher über Polizeiarbeit – und große Literatur (F, 30.08.11).*

Критик подчеркивает жанровые и стилевые достоинства рассматриваемого произведения, выделяет его из ряда других произведений, написанных на одну тему. Показателем успешной деятельности писателя, безусловно, является наличие у него премий в области литературы. Упоминание регалий писателя в лиде способно также мотивировать читателя на прочтение ЛКК, учитывая интерес многих читателей к результатам присвоения литературных и иных премий. Так, в следующем лиде речь идет о шотландском писателе Джоне Бёрнсайде, получившем немецкую международную литературную премию Петрарки в 2011 году за роман „A Lie About My Father“ („Lügen über meinen Vater“):

(68) *Der Bestsellerautor John Burnside versucht, sich durch einen Roman von seinem verhassten Vater zu befreien. Für seinen poetischen Kraftakt bekommt er den Petrarca-Preis (F, 19.04.11)*

Мелиоративные оценки встречаются в лидах колонки „Brands Bücher“ гораздо чаще, чем пейоративные. Очевидно, что подобная тенденция рассчитана на то, чтобы вызвать интерес у тех читателей, которые регулярно обращаются к материалу ЛКК как к источнику новых идей для пополнения своего персонального списка литературы. Пейоративная оценка в лиде не менее эффективно воздействует на эмоциональную и волевую сферы читателя, пробуждая интерес к колонке. Выражение автором в ЛКК негативной оценки по отношению к рассматриваемому объекту критики ориентировано, в частности, на тот тип читателя, который следит за профессиональной деятельностью критика, за тем, как критик вписывает то или иное произведение в систему своих ценностей. Так, следующий пример иллюстрирует лид к колонке Йобста-Ульриха Брандта об упомянутом нами ранее романе Шарлотты Роше „Schoßgebiete“:

(69) *Bestsellerautorin Charlotte Roche versucht, das Trauma ihres Lebens zu bewältigen. Ihr mag das helfen. Entstanden ist aber ein einfach schrecklich schlechter Roman (F, 10.08.11)*

Выход нового романа на рынок – событие, само по себе привлекательное для интересующегося читателя, особенно если он пристально следит за творчеством писателя и дожидается каждой новинки. Однако еще более интригующим является подобное суждение от авторитетного критика. Именно поэтому автор выносит ее в лид, чтобы вызвать у читателя непосредственное желание ознакомиться с ходом его рассуждения и приведенными доводами для обоснования столь резкой оценки.

Иконический компонент колонки представляет собой иллюстрацию обложки книги. Подпись содержит выходные данные, а также стоимость книги.

Konstantin Richter – „Kafka war jung und er brauchte das Geld", 175 Seiten, 14.90 Euro Kein & Aber

Рис. 2. Иконический компонент ЛКК „Brands Bücher" „Das intellektuelle Vakuum" (Focus, 24.05.2011). На фотографии изображена обложка книги К. Рихтера „Kafka war jung und er brauchte das Geld" с указанием подробного библиографического описания, включая стоимость книги.

Зачин. Рассмотрим наиболее характерные для ЛКК „Brands Bücher“ типы зачинов с точки зрения их тематического содержания. Первую большую группу занимают зачины, которые носят информативный характер и вводят сообщение посредством *описания ситуации*.

Как правило, при помощи зачина автор колонки „Brands Bücher“ преследует цель познакомить читателя с содержанием литературного произведения, таким образом, зачин представляет собой краткое изложение фабулы литературного произведения. В качестве характерной черты таких зачинов следует отметить создаваемую «кинематографичность» повествования, которая может представлять собой разные способы подачи информации, «погружения» читателя в канву повествования. Так, например, возможен плавный вход в кадр, фокус как бы «издалека». Как правило, такие зачины начинаются с предложений, создающих локальную диспозицию с неопределенно-личным местоимением *es*:

(70) *Es ist ein Paradies. Aber wie jedes Paradies ist CobyCounty reichlich fad. Bis auf ein paar Sturzregen im Winter herrscht in dieser einst von einem Kosmetikkonzern gegründeten Musterstadt am Meer meist schönes Wetter. Die Menschen sind hip und gesund und durchtrainiert. Haben so coole Jobs wie Webdesigner, Literaturagent oder „Expertin für Marketing und Emphase“ (F, 16.08.11).*

Однако наиболее частым случаем (в виду его сильного образно-эмоционального воздействия на читателя) является прямое погружение в ситуацию, или центральный фокус. Как правило, этот эффект достигается с помощью цепочной структуры текста, выраженной, с помощью ряда номинативных предложений:

(71) *Ein Fuchs aus Holz. Drei Kröten auf einem Blatt. Oder eben der Hase mit den Bernsteinaugen. Es sind 264 Miniatur-Figuren, die der Brite Edmund de Waal in seinem Arbeitszimmer verwahrt. Sie stammen aus Japan und dienten einst dazu, Lackdosen an Kimonogürteln zu befestigen. Die Sammlung hat de Waal von seinem*

Großonkel in Tokio geerbt – mit dem Auftrag, gut auf sie zu achten. Denn es handelt sich um einen Familienschatz, der über Jahrhunderte und Kontinente hinweg weitergegeben wurde (F, 06.09.11)

В данном случае речь идет о романе „The Hare with Amber Eyes“ («Заяц с янтарными глазами») британского художника-керамиста Эдмунда де Вааля, решившего исследовать и запечатлеть историю своей семьи через коллекцию фигурок-нэцке, сопровождавших его предков на всех этапах жизненного пути. Это произведение называют книгой-музеем, где главные герои – предметы, и неслучайно критик выбирает именно такой метод знакомства читателя с содержанием анализируемого романа: он последовательно называет предметы, создавая впечатление, будто они расположены на витрине, и обращает внимание на их фактуру, вызывая у читателя желание прикоснуться к ним.

(72) ***Nach drei Jahren kommt ein Brief. Das erste Lebenszeichen vom Vater. Herausgeschmuggelt aus dem Gefängnis. Ja, er sei in Libyen, war da zu lesen****, im berüchtigten Abu Salim in Tripolis, wo Muammar el Gaddafi seine Feinde foltern lässt (F, 26.07.11)*

Другой тип зачина представляет собой вводное размышление критика над описанной в книге ситуацией. Зачин в таком случае является отправной ступенью к последующему рассмотрению проблемы анализируемого произведения. Читатель воспринимается как собеседник, которого автор вводит в курс дела, описывая ему ситуацию в целом и приглашая к соразмышлению:

(73) *Es kann einem schon Angst machen, wenn nachts jemand ins Haus einsteigt. Jemand, der sich blendend zurechtfindet in der Pracht-Villa am Genfer See und augenscheinlich alle Sicherheitscodes kennt. Der dann aber nichts anderes unternimmt, als in der pompösen Küche seelenruhig die Messer zu wetzen – solange, bis der Hausherr, ein fantastisch reicher Hedge-Fonds-Manager, aufwacht und ihn verscheucht (F, 08.11.11)*

Подобные рассуждения основаны на выводе ситуации в общий план. Затрагиваемая проблема в литературном произведении ставится в центр рассмотрения в ЛКК. Автор обозначает актуальную проблему в современном обществе и заостряет на ней внимание читателя (личное мнение автора по определенной проблеме – основа родственного ЛКК жанра авторской колонки). В таких случаях в качестве иллюстрации автор может привлекать статистические данные по рассматриваемой проблеме:

(74) *„Warum arbeiten Deutschlands Mütter nicht?“, fragte jüngst die New York Times.* ***Lediglich 20 Prozent der Frauen*** *im erwerbsfähigen Alter vereinbaren hierzulande Kinder und Job. Vollzeit berufstätig sind* ***gar nur sechs Prozent*** *der Mütter. Gleichzeitig bekommen die Deutschen neuesten Zahlen der OECD zufolge nur* ***durchschnittlich 1,36 Kinder*** *– eine der niedrigsten Geburtenraten der Welt. Sind Deutschlands Frauen also schlicht zu bequem? Wollen Sie weder Kind noch Karriere? Oder alles auf einmal und deshalb nichts wirklich? (F, 20.07.11)*

Альтернативный вариант моделирования зачина заключается в передаче информации об авторе литературного произведения. Предыстория создания книги объясняется через особенности жизненного и творческого пути писателя:

(75) *Das gibt’s also auch, dass einer einen Weltbestseller aus bloßer Langeweile schreibt. „Ich hatte nichts anderes zu tun“, erklärt Fantasy-Autor Christopher Paolini, 28, die Entstehung seiner „Eragon“-Reihe. Der Amerikaner lebt mit seiner Familie ziemlich abgelegen in einem Landhaus in Montana. Die nächste Stadt ist eine halbe Autostunde entfernt und hat auch nur 5000 Einwohner. Da muss man sich irgendwie beschäftigen (F, 15.11.11)*

В интернет-версии журнала „FOCUS“ колонки Йобста-Ульриха Брандта расположены на странице в виде списка, видимыми элементами которого являются только заголовок, лид и иллюстрация (как правило, обложка книги). По сравнению с читателем печатного издания, у которого помимо прочтения заголовка и лида (графически выделенных элементов на странице, привлекающих

внимание в первую очередь), есть возможность пробежать глазами основной текст и на основании такого краткого «скрининга» решить, стоит ли читать весь материал или нет, читатель Интернет-версии журнала делает этот решающий выбор, основываясь на прочтении только двух текстовых элементов. Безусловно, это указывает на усиление их контактоустанавливающей или аттрактивной функции, что ставит дополнительные задачи журналисту при выборе соответствующего языкового оформления.

Основной текст. Анализ выявил наличие информационного и оценочных блоков в структуре основного текста. Основные тематические группы информационного блока схожи с рассматриваемыми ранее группами в колонке М. Райх-Раницкого: биографические сведения, краткое изложение фабулы, и т.д.

Следует отметить, что в текстах данной колонки степень информативности преобладает над оценкой, что выражается в соотношении информационного и оценочного блоков. В большинстве текстов отчетливо прослеживается рекламный характер: в каждом содержится полная информация о книге, например, включающая ее стоимость: (76) „London für Helden“ (Hoffmann und Campe, 98 Seiten, 18 Euro) *(F, 26.04.11)*. Многие тексты зачастую представляют собой подробный пересказ с цитированием, а не критическое рассуждение и интерпретацию.

2.2.3. ЛКК „Weiterlesen!“ в журнале „Stern“

Название колонки. Тип издания. Автор. ЛКК „Weiterlesen!“ появлялась на страницах иллюстрированного журнала „Stern“ с периодичностью раз в месяц в 2009 году. На протяжении долгого этапа своего развития журнал „Stern“ претерпел целый ряд трансформаций. Первоначально выпущенный в 1948 г. еженедельник для образованной молодежи в конце 1950-х гг. приобрел абсолютно иное жанрово-тематическое наполнение, превратившись в информационно-развлекательный журнал для массовой, преимущественно женской

аудитории. Обладая множеством признаков массового издания (яркие фотографии крупного формата, большой выбор развлекательных рубрик и материалов о «звездах», ориентированных на не слишком образованного читателя и пр.), „Stern“ в то же время тяготел к регулярному освещению важнейших событий в политике и экономике, преуспел в расследовательской журналистике, и в результате зарекомендовал себя как прогрессивно-либеральный журнал, зачастую настроенный критически по отношению к власти. В середине 2012 г. начался период комплексной модернизации „Stern“, который фактически не завершился до сих пор. Его результаты отразились в кардинальных изменениях ключевых типологических параметров журнала: архитектоники и дизайна номера, жанрово-тематического своеобразия, языка текстов. Одним из следствий модернизации явилось формирование оригинальной системы приемов подачи материала, привлечения и удержания внимания читателя, основанной на специфическом взаимодействии визуального компонента и языка текстов. Современный „Stern“ интенсивно общается с читателем «образно», на языке дизайна. При этом язык текстов также отличается выразительностью, эмоциональностью, метафоричностью [см. Гущина, 2013].

Автором ЛКК „Weiterlesen!“ является Эльке Хайденрайх, известная немецкая писательница, журналист и критик. Свою карьеру Хайденрайх начала с телевидения, завоевав популярность у зрителей благодаря выступлениям во время Олимпиады в Лос Анжелесе (1984 г.) и Сеуле (1988г.). Долгое время она была ведущей таких передач, как „Literaturmagazin“, „Durchblick“, „Kölner Treff“ и др. Стиль Эльке Хайденрайх отличают живость и острота языка. Ее искрометный юмор и рейтинг в СМИ способны превзойти даже самого Райх-Раницкого[4]. Серия колонок „Weiterlesen!“ в журнале „Stern“ является своеобразным продолжением телепередачи „Lesen!“ на канале ZDF (2003-2009гг.). Этот пример трансформации показателен тем, что выявляет особенность функционирования современной

[4] *Humorvoller Einstand von Elke Heidenreich*. URL: http://www.stern.de/kultur/buecher/-lesen---humorvoller-einstand-von-elke-heidenreich-3351808.html

литературной критики в масс-медиа, а именно ее гибкость и приспосабливаемость под разные форматы, цифровые или печатные. Название представляет собой пример языковой игры: с одной стороны, полупрефикс *weiter-* указывает на продолжение литературно-критической передачи, с другой стороны, с его помощью создается призывная формула «читайте дальше – продолжайте читать, узнавайте больше».

Структуру всех анализируемых ЛКК „Weiterlesen!“ составляют *заголовочный комплекс, зачин и основной текст.*

Заголовочный комплекс ЛКК состоит из надзаголовка, заголовка и лида. Надзаголовок повторяется в каждой колонке и выполняет назывную функцию, обозначая журнальный материал. Он представляет собой название колонки и имя ее автора: „Elke Heidenreichs Weiterlesen!“. Отметим, что заголовки ЛКК „Weiterlesen!“ отличает тенденция к использованию предикатных структур: (77) *Sie braucht dringend eine neue Frisur (St, 10.09.09),* (78) *So viel Weihnachten war nie (St, 12.11.09),* (79) *Wie Roland Koch als Strappenzieher nach Dubai kommt (St, 11.12.09)* и т.д. Как видно из примеров, ведущей функцией является рекламная: заголовок притягивает внимание читателя интригующими формулировками, журнальный материал приобретает «таблоидный» характер.

Лид. Отличительная особенность лида этой колонки (по сравнению с другими рассматриваемыми нами представителями этого жанра) заключается в том, что он, представляя собой сжатый пересказ последующего материала, сообщает об авторе колонки в третьем лице. Таким образом, лид выполняет не только рекламную роль, стремясь заинтересовать читателя и воздействовать на него с целью дальнейшего прочтения ЛКК, но и является особым способом (само)презентации критика, выполняет своеобразную роль «конферансье»:

(80) *In der ersten Folge ihrer Kolumne „Weiterlesen“ <u>wirft Elke Heidenreich einen Blick</u> auf das literarische Jahr 2009 <u>und schreibt über</u> Schauspieler, die sich als Autoren versuchen (St, 13.01.09)*

(81) *Die Vergabe des Literaturnobelpreises an Herta Müller ist klug, findet stern.de-Kolumnistin Elke Heidenreich. Sie lobt das Werk der Deutsch-Rumänin. Nur Müllers Haarschnitt gehe gar nicht (St, 10.10.09).*

Соответственно выполняемой роли в лиде присутствуют следующие номинации автора колонки: как нейтральные: (82) *„stern.de-Kolumnistin Elke Heidenreich“,* так и положительно-оценочные, например: (83)*„unsere Expertin Elke Heidenreich“,* (84) *„Elke Heidenreich, Deutschlands bekannteste Literaturkritikerin“,* которые встречаются значительно чаще, что объясняется стремлением создать наиболее эффектный и успешный образ критика.

Стоит особо отметить, что в ходе анализа текстов данной колонки уже на уровне лида можно заметить тенденцию к высокой степени персонификации повествования. Уже в лиде мы встречаем лексемы, описывающие ментальную сферу внутреннего мира автора: *Gedanken, Kindheitserinnerungen, eigen, erzählen, verraten:*

(85) *Angesichts des nahenden Weihnachtsfestes macht sich stern.de-Kolumnistin Elke Heidenreich so ihre Gedanken über die ideale Krippe. Und erzählt eine Geschichte, bei der es einem warm ums Herz wird (St, 12.11.09);*

(86) *In ihrer Literaturkolumne verrät Elke Heidenreich, warum sich die Beschäftigung mit dieser großen Frau noch immer lohnt - und schwelgt in ihren eigenen Kindheitserinnerungen (St, 11.08.09).*

Отметив, что по содержанию лид ЛКК „Weiterlesen!“ не имеет большого тематического разнообразия, остановимся на некоторых особенностях его языковой манифестации. И здесь первостепенна та образность выражения, которая служит для достижения большего контакта с читателем. Следующий лид иллюстрирует случай, когда ярким средством создания образности является языковая игра:

(87) *Nach dem Erfolg von David Prechts „Wer bin ich, und wenn ja, wie viele“* ***prechtet es im Bücherwald, dass sich die Hirne biegen****. Elke Heidenreich* ***schlägt eine Schneise durch die Neuerscheinungen*** *- und landet bei dem berühmten Philosophen Thomas M. Stein, bekannt aus „Deutschland sucht den Superstar“. (St, 05.06.09).*

Механизм языковой игры в данном случае основывается на создании авторского окказионализма („*es prechtet“*), образованного от имени собственного (фамилии) немецкого писателя, публициста и философа Рихарда Давида Прехта (*Precht),* в значении «создавать много шума» и модифицированного фразеологизма *„lügen, dass sich die Balken biegen“* со значением «врать». Языковая игра позволяет автору более тонко и образно передать читателю свою мысль, вызывает у него улыбку и располагает читателя к дальнейшему прочтению материала. Очевидно, что в этом примере также особо отмечается роль критика как эксперта по отбору заслуживающих внимания произведений среди множества книг, представленных в литературном мире. Так, метафорическое изображение «книжного леса» (*„Bücherwald“*) поддерживается образом критика, который «прорубает просеку» среди «зарослей» книжных новинок („*schlägt eine Schneise durch die Neuerscheinungen“).* Этот непростой труд упоминается также в следующем примере, где автору удается создать определенную цепочку в воображении читателя (иллюстрацию картины крестьянского быта): приход осени знаменуется основательной уборкой („*ausmisten”):*

(88) ***Der Bücherherbst*** *wartet mit vielen spannenden Neuerscheinungen auf - doch stern.de-Kolumnistin Elke Heidenreich* ***mistet*** *erst einmal gründlich* ***aus****. Dabei greift sich zu rabiaten Maßnahmen (St, 17.09.09).*

В следующем лиде актуализируется роль критика как решающего судьи, способного сместить того или иного писателя с пьедестала славы – об этом свидетельствует устойчивое выражение *„jemanden vom Sockel stoßen“*:

(89) *In der zweiten Folge ihrer Kolumne „Weiterlesen!“ ruft Elke Heidenreich zur Entschleunigung im Kulturbetrieb auf und* ***stößt Daniel Kehlmann vom Genie-Sockel*** *(St, 10.02.09).*

Основной текст. Отличительной особенностью этой колонки является то, что та свобода, которая предоставляется критику для самовыражения, проявляется на всех уровнях ее языкового оформления: в отсутствии четкой композиции, в подчеркнуто разговорной тональности изложения:

(90) *Ich schreibe an einem neuen Buch, und im Vertrag wird über die Rechte fürs E-Book verhandelt. Nanu? Ich frage den Verleger, und er seufzt sehr und sagt, das sei alles sehr widersprüchlich, ja, und sehr gruselig, ja, aber man könne nun mal das Rad der Zeit nicht aufhalten. Und ich denke an die Leute, die damals gegen die ersten Eisenbahnen waren - viel zu schnell! Schneller als ein Mensch laufen kann! Das geht gar nicht! Da wird das Hirn krank! Ja, es dreht sich, das berühmte Rad der Zeit, ich sah schon erste E-Book-Leser im Zug, ich habe ihnen verächtliche Blicke zugeworfen und beklommen an meinen Vertrag gedacht (St, 19.04.09)*

В данном примере Эльке Хайденрайх в свойственной ей манере описывает ситуацию, которая иллюстрирует прогрессирующие изменения в литературном мире, связанные с техническим прогрессом: в частности, появление электронной книги. Для того чтобы передать свое подчеркнуто конфронтирующую позицию в отношении сложившейся ситуации, критик создает эмоционально напряженный текст. Этому способствуют использование различных разговорных конструкций, открыто выражающих недоумение и несогласие автора (эмоционально-оценочное междометие *„Nanu!“*, восклицательные предложения *„Das geht gar nicht!“*, негативно-окрашенные определения *„verächtliche Blicke“, „beklommen gedacht“*), передача несобственно-прямой речи, маркированная посредством кондиционалиса 1 и настойчивых повторов (*sei alles sehr widersprüchlich; ja, und sehr gruselig, ja)*, эксплицирующей извинительно-оправдательный тон представителя издательства.

Свободный стиль изложения и его ярко-выраженное индивидуальное языковое воплощение становятся причиной, по которой нам представляется довольно сложным говорить об общих чертах, которые можно выделить в композиции основного текста колонки. Безусловно, это характеризует индивидуальный стиль литературного критика, но также свидетельствует об установках самого печатного издания. Несмотря на то, что журнал „Stern“ представляет собой тип издания, относящийся к качественной литературе, соотношение развлекательного и информативного содержания в нем преобладает, что сказывается на характере журнальных материалов, в частности, ЛКК.

ВЫВОДЫ ПО II ГЛАВЕ:

1. Итак, в качестве основных критериев, позволяющих определить проанализированные экземпляры текста как тип текста под названием «ЛКК» были выбраны их общие функциональные и структурные особенности. Установлено, что структура модели ЛКК функционально детерминирована. Структура ЛКК включает в себя заголовочный комплекс (надзаголовок, заголовок, лид), зачин, основной текст. В соответствии с доминирующими функциями жанра (оценочной, информирующей и персуазивной) в основном тексте можно выделить два блока: информационный и оценочный. Их тематическое и языковое оформление зависит от индивидуально-авторских мотиваций, а также от общей направленности печатного издания.

2. Оценка объекта вторичной действительности представляет собой одну из ведущих функций данного типа текста. Это связано, в первую очередь, с родственностью понятий «критика» и «оценка» как высказывания своего отношения по отношению к другому объекту. Этим и объясняется тот факт, что тип текста ЛКК, функционирующий в сфере СМИ имеет следующее, на наш взгляд, ключевое свойство: оценка в этом жанре представляет собой и цель, и

средство убеждения, с помощью которого журналист создает текст, реализуя, тем самым, персуазивную функцию.

3. Подытожим также основные черты литературно-критической колонки как публицистического жанра. ЛКК – это жанр 1) индивидуальный, автором которого является конкретная личность. Для автора ЛКК важно быть не просто известной персоной, но и квалифицированным специалистом в вопросах теории литературы (в отличие от традиционного жанра авторской колонки, для которого допустимо наличие только первого критерия; в случае, когда аудитории интересно мнение конкретной популярной личности, независимо от того, компетентно оно или нет). ЛКК – это жанр 2) полифункциональный, т.к. он сочетает в себе функции информирования и оценки, а также выполняет рекламную и селективную функции. ЛКК – это жанр 3) полиадресатный, ориентированный на широкую аудиторию разного социального, возрастного и интеллектуального уровней. ЛКК – это 4) эмоциональный жанр, предполагающий высокую субъективность, открытое выражение личных вкусов и пристрастий критика. И, наконец, ЛКК – это жанр персуазивный, направленный на построение убедительной речи с применением коммуникативных (аксиологических) стратегий.

Глава III. Общие и индивидуально-авторские способы реализации стратегии воздействия на читателя в ЛКК

3.1 Языковые способы выражения персуазивной стратегии оценки в ЛКК

3.1.1 Текст ЛКК как продукт персуазивной коммуникации. Оценка как универсальная составляющая персуазивной стратегии

Коммуникативная стилистика, в рамках которой проводится данное исследование, позволяет рассматривать тексты в деятельностном аспекте, то есть как «речевые произведения адресанта, направленные адресату» [Клушина, 2008, с. 33]. Порождение текста напрямую зависит от авторской интенции. В рамках публицистического текста интенцией адресанта является убеждение адресата в правильности своего видения и трактовки действительности, воздействие на его когнитивно-познавательную и эмоциональную сферы с целью изменения его точки зрения, мнения, поведения. Иными словами, в основные задачи создателя публицистического текста входит «целенаправленное оказание идейно-психологического воздействия, а также побуждение реципиента к определенным действиям и мотивам, когда в процессе отбора и интерпретации информации в сообщении выявляется воздействующий характер, направленный на убеждение читающей аудитории [Мартемьянова, 2013, с. 73-74]. Применяя данное определение к литературно-критическому тексту на примере ЛКК, можно сформулировать следующие основные интенции (коммуникативные цели, целеустановки) адресанта: информирование адресата (с целью восполнения пробелов в знаниях, а также привлечения внимания к отдельным литературным произведениям или творчеству писателя) и побуждение его к конкретным действиям (прочтения или отказа от прочтения рассматриваемого произведения, изучению творчества литературных деятелей). Для жанра ЛКК характерно также наличие дополнительной цели, отличающей его от жанра рецензии:

самовыражения (вплоть до эпатирования аудитории), однако в процессе порождения текста она выполняет, скорее, второстепенную роль. Таким образом, прагматическая направленность текстов ЛКК позволяет рассматривать данный жанр или тип текста в аспекте его персуазивного воздействия. В научных исследованиях персуазивность чаще всего определяют как попытку воздействия на ментальную сферу реципиента (его мнение, оценку) с целью изменения его поведения (побуждения к действию) [Голоднов, 2003, с. 404]; персуазивным также называют любое речевое действие, направленное на то, чтобы вызвать определенное отношение/действие реципиента. Коммуникативный процесс, называемый персуазивным, представлен такими ситуациями, в которых люди сознательно продуцируют сообщения, нацеленные на то, чтобы вызвать определенное поведение реципиента (или группы реципиентов) или повлиять на его точки зрения, установки [Чернявская, Логинова, 2005, с.65].

Традиционно литературно-критические жанры относят к аналитическим жанрам журналистики, ядром которых является, как известно, аргументация [Смирнов, 2002, с. 110]. Однако, в процессе изучения жанра ЛКК, возникает вопрос: действительно ли речь идет об отстаивании собственной точки зрения в форме диалога (реального или воображаемого) и решении спорного вопроса, что понимается в научной литературе под понятием аргументированности [см. Колесова, 2014, с. 45]? Служит ли основой для убеждения адресата рациональное доказательство, или же речь идет и об эмоциональном воздействии, а также побуждении к определенному действию после прочтения газетного материала? Является ли текст ЛКК продуктом аргументативной или персуазивной коммуникации?

Следует сказать, что вопрос разграничения аргументирования и персуазивности до сих пор является одним из спорных в современной лингвистике. Это объясняется как разногласиями в отношении объема понятия «аргументирование», так и отсутствием единства в истолковании термина «персуазивность». Между тем, А. В. Голоднов, вслед за рядом зарубежных

исследователей, (считает возможным понимать под персуазивной коммуникацией некий специфический коммуникативный процесс, предлагая рассматривать в качестве критерия для разграничения данных понятий характер интенции инициатора коммуникации и результаты коммуникативного процесса [Голоднов, 2003, с. 407].

Интенция инициатора аргументативной коммуникации, или «пропонента аргументации», заключается в достижении консенсуса – согласия по спорному вопросу, на основе формирования у оппонента убеждения в истинности, вероятности, правдоподобности, приемлемости выдвигаемого им положения. В том случае, когда одна из многих точек зрения утверждается в качестве единственной приемлемой для решения спорного вопроса, речь идет о результате аргументативной деятельности. Известно, что аргументативные тексты являются продуктом рационального постижения мира и его объяснения. В контексте литературной критики, когда речь идет об оценке культурных явлений как результатов интеллектуальной, духовной и творческой деятельности, доказательство не может сводиться только к логическому обоснованию. Большую роль здесь играет интерпретация литературного объекта через призму субъективного восприятия, что неразрывно связано с наличием эмоционального компонента. Как утверждают исследователи «приговоры вкуса», вершимые литературной критикой, бесспорно, имеют свои законные права и в тех случаях, когда они не получают логического обоснования [Хализев, 2002, с. 154].

Персуазивная интенция или интенция адресанта персуазивного сообщения, заключается в изменении поведения реципиента, а именно в совершении им или отказе от совершения определенных посткоммуникативных действий в интересах адресанта. Говоря о посткоммуникативных действиях в условиях реализации литературно-критического текста на примере ЛКК, необходимо вспомнить о том, что для данного жанра характерно обращение автора одновременно к нескольким типам адресатов. Если в качестве основного и первостепенного адресата рассматривать массового адресата – читателя, то в таком случае

посткоммуникативное действие с его стороны будет заключаться в прочтении /преднамеренном отказе от прочтения оцениваемого литературного произведения (или произведений писателя, если речь идет о критическом обзоре его творчества). Таким образом, побуждение к совершению или отказу от совершения данного посткоммуникативного действия будет соответствовать главной цели литературного критика: убедить читателя в необходимости прочтения рассматриваемого произведения, заинтересовать и простимулировать его интерес к дальнейшему самостоятельному ознакомлению с творчеством литературного деятеля или убедить его в отсутствии необходимости ознакомления с литературным объектом, таким образом, предостеречь от совершаемого им действия. В случае, когда адресатом ЛКК является писатель, литературное произведение или творчество которого становится объектом ЛКК, его посткоммуникативным действиям будут соответствовать его дальнейшие творческие искания. В зависимости от ее характера, критика может стимулировать и направлять писательскую деятельность и наоборот. И, наконец, понимая под следующим типом адресата ЛКК издательство, как обобщенное наименование организаций, деятельность которых связана с печатью и реализацией книжной продукции, результатом воздействия в данном случае будет являться увеличение/уменьшение тиражей, перевыпуск старых изданий и т.д.

А. В. Голоднов рассматривает персуазивное речевое воздействие как взаимодействие двух процессов: процесса убеждения (Überzeugen) и процесса уговаривания (Überreden). Процесс убеждения направлен на принятие реципиентом аргументации адресанта, а процесс уговаривания призван не только усилить аргументацию, но и может помимо нее воздействовать на эмоциональную сферу реципиента, апеллировать к его чувствам, стереотипам, предрассудкам т.п. [Голоднов, 2003, с. 408]. Этот процесс реализуется за счет сочетания как аргументативных конструкций, так и риторико-персуазивных средств. По этой причине исследователь подчеркивает невозможность жесткого

противопоставления аргументативной и персуазивной коммуникации и предлагает рассматривать их как разновидности риторической коммуникации.

Основной составляющей универсальной персуазивной стратегии риторического метадискурса является оценка, которая определяется как совокупность операций, направленных на реализацию конститутивного для риторического метадискурса комплексного речевого акта оценки, где адресант риторического текста выступает в качестве субъекта оценки, предмет (тема) дискурса – в качестве объекта оценки, а реципиент риторического текста является адресатом оценки [Текст-дискурс-стиль…, 2012, с. 192].

Заданная авторская идея утверждается в публицистическом тексте с помощью авторской и социальной оценочности, выбора номинации и стилистической тональности текста, а также с помощью интерпретации описываемых журналистом событий и фактов действительности [Клушина, 2008, с. 34].

Персуазивный потенциал оценки обусловлен тем, что «язык оценок удивительно хорошо приспособлен к употреблению в ситуации принятия решения, при инструкции о выборе или в целях изменения принципов выбора и модификации стандартов» [Р. Хаар, цит. по: Арутюнова, 1988, с. 53].

3.1.2 Языковые способы выражения стратегии прямой оценки

Исследуя литературно-критическую колонку как самостоятельный публицистический жанр, следующей задачей мы ставим перед собой определить, с помощью каких тактик реализуется основная персуазивная стратегия – стратегия оценки. Как нами уже было отмечено ранее, критику необходимо познакомить читателя с новой или неизвестной читателю книгой, убедить читателя в том, что она достойна или не заслуживает его внимания, изложить свою интерпретацию, свое «прочтение» текста, провести параллель с

существующими произведениями мировой литературы. Наряду с анализом произведений ЛКК может быть посвящена творчеству и личности известных (или когда-то известных, но ныне забытых) или начинающих писателей. В ходе критического анализа и интерпретации литературного произведения критик нередко выносит свое субъективное суждение о литературных персонажах, действующих лицах анализируемого произведения, чтобы ввести дополнительную информацию, способствующую пониманию замысла первичного текста. Таким образом, объектами оценки в жанре ЛКК являются литературное произведение, писатель и литературные персонажи. Анализ, оценка и суждение о литературном явлении, которые критик формирует в соответствии со своей шкалой ценностей, отражающей его представления в духовно-ценностном и эмпирическом аспектах, проводятся с позиций личных взглядов, что свидетельствует о высокой степени субъективности данного жанра.

В зависимости от интенции автора, общая стратегия оценки может осуществляться посредством использования стратегий прямой и косвенной оценок. Под стратегией прямой оценки, мы подразумеваем эксплицитно, т.е. непосредственно выраженные оценки по отношению к рассматриваемому объекту критики, которые без труда могут быть распознаны в тексте, восприняты и однозначно интерпретированы со стороны адресата ЛКК. В противоположность косвенной оценке, интенция которой не выражается прямо и требует интерпретативных усилий со стороны адресата.

Аксиологическая ось ЛКК размещается между полюсами «хорошо» и «плохо», что позволяет нам выделить тактику положительного оценивания и тактику отрицательной оценки в текстах ЛКК.

Тактика положительной оценки реализуется посредством языковых приемов, среди которых можно выделить основные и вспомогательные. К основным языковым способам реализации тактики положительного оценивания мы можем отнести: использование превосходной степени сравнения

прилагательных (суперлатива), лексики с семантикой уникальности и успеха. К вспомогательным средствам, которые также служат основной стратегической цели и являются дополнительным средством создания экспрессивности в целях воздействия на читателя, можно отнести использование распространенных определений, парцелляции, обратного порядка слов (инверсии). Остановимся на каждом из языковых способов реализации данной тактики подробнее.

Использование превосходной степени сравнения прилагательных (суперлатива). Превосходная степень прилагательных указывает на «плюсовую» степень признака предмета по отношению к выбираемой точке отсчета, которой является весь класс однородных предметов. Эффективным способом выделения или возвышения достоинств писателя среди других деятелей мировой литературы является использование формы прилагательного в превосходной степени, положительно характеризующей объекта оценки: (81) *wurde zu einem der verlässlichsten Stofflieferanten für Hollywood (F, 08.11.11),* (82) *einer der Erfolgreichsten in seiner Branche (F, 08.11.11).*

Общее значение превосходной степени прилагательных позволяет критику также выделить и показать значимость обсуждаемого литературного произведения среди остальных: (83) *das intelligenteste, das beste Stück über Antisemitismus (FAZ, 18.02.12)*; при этом частное значение превосходной степени (или суперлативно-относительное [Шелякин, 2001, с. 54]) ограничивает выбранную точку отсчета: (84) *am heißesten erwartete Druckwerk der Saison (F, 15.11.11);* (85) *einen der ungewöhnlichsten Berlin-Romane der letzten Jahre (F, 16.08.11);* (86) *eines der besten Bücher über Polizeiarbeit – und große Literatur (F, 30.08.11).*

Использование лексики с семантикой уникальности, успеха. Лексемы с семантикой уникальности и превосходства служат в качестве оценочных номинаций литературных деятелей. Здесь, как правило, частотными являются лексемы, указывающие на: популярность произведений, написанных автором:

(87) *Bestsellerautor John Burnside (F, 19.04.11),* (88) *Bestsellerautorin Charlotte Roche (F, 10.08.11)*; множество полученных литературных премий и наград: (89) *der preisgekrönte italienische Autor Michele Mari (F, 07.06.11)*. Выделительное суперлативное значение приобретают и англицизмы, обозначающие степень знаменитости и популярности литературных деятелей: (90) (91) *Mazzucchelli ist ein Star des Genres (F, 14.09.11),* (91) *Rockstar unter Deutschlands Schauspielern (F, 25.10.11).*

В оценке зачастую используются такие концепты, как «образец, пример», «подающий надежды писатель»: (92) *sein lakonischer, schnörkelloser Stil wurde zum Vorbild für eine ganze Generation von Schriftstellern und Journalisten (F, 28.06.11),* (93) *Hoffnungsträger einer Sparte, die immer wichtiger wird auf dem internationalen Buchmarkt: des so genannten All-Age-Segments (F, 15.11.11).*

Анализируя творчество писателя, критик тем самым определяет его значение на мировом уровне, поэтому частотность использования слов, в состав которых входит лексема *Welt,* вполне обоснована и при формировании оценки писателя: (94) *einer der großen Psychologen der Welt (F, 10.05.11).*

В случае использования лексем с семантикой уникальности или успеха при оценке литературного произведения, наиболее частыми лексемами, выражающими положительную характеристику и высшую степень успеха литературного произведения, являются лексема *Bestseller* («бестселлер»): (95) *Bestseller aus Langweile (F, 15.11.11),* (96) *Hans Falladas Bestseller (F, 01.03.11),* лексема *Erfolg* («успех»): (97) *Sensationserfolg (F, 15.11.11*), (98) *Welterfolge (FAZ, 21.03.12).* Употребление лексемы Welt («мир») и сложных слов, в составе которых она выступает в качестве усиленного определительного элемента, позволяет провести сравнение анализируемого произведения с остальными произведениями мировой литературы: (99) *ein deutscher Thriller auf Weltniveau (F, 23.08.11),* (100) *erste Serie-Webnovel der Welt (F, 18.10.11).* В эту группу мы относим также прилагательные со значением «превосходный, блестящий, великолепный,

феноменальный»: (101) *Kriegsromane wurden zu phänomenalen Bestsellern (F, 28.06.11),* (102) *eine fulminante Gesellschaftssatire (F, 14.06.11).*

Для текстов литературно-критической колонки самым распространенным синтаксическим способом оформления положительных оценочных высказываний является использование такой грамматической конструкции, как распространенное определение. Как правило, в качестве основного слова используется лексема, номинирующая сам объект оценки, а именно: *Buch,* а также ряд синонимов: *Werk, Großwerk, Studie* или номинация по жанрам: *Satire, Roman, Stück.* Как известно, отличительной особенностью распространенных определений является наличие дополнительных членов, вносящих в определение поясняющий, уточняющий, комментирующий характер. В конструкциях распространенного определения в текстах литературно-критической колонки в качестве такого дополнительного члена в большинстве случаев выступает наречие. Таким образом, схематически можно обозначить модель оформления оценки литературного произведения следующим образом:

«опред./неопред. артикль» + «наречие» + «прилаг./прич. I, II» + «определительное слово»

Наличие наречия в конструкции распространенного определения по нашему мнению неслучайно: наречие обозначает собственное мнение критика, таким образом, оно становится средством выражения субъективности, передачи дополнительного эмоционального оттенка. Сравним, например, нейтральное выражение *eine komische Satire* или более эмоциональное и субъективно окрашенное, отражающее осмысление критиком (103) *eine bedrückend komische Satire (F, 16.08.11).* Наречия, используемые в данных конструкциях, могут служить для усиления положительной оценки литературного произведения: (104) *ein erstaunlich nachdenkliches Buch (F, 25.10.11),* (105) *seine höchst amüsanten Stücke (FAZ, 21.03.12),* выделения характерной черты произведения: (106) *ein*

einfach schrecklicher Roman (F, 10.08.11), (107) *ein durchaus packend konstruiertes Werk (F, 18.10.11).*

Следующим дополнительным приемом языкового выражения оценки является эмфатическое словорасположение или инверсия. При подобном словорасположении фразовое ударение смещается на первое слово, в результате чего возникает пауза, которая создает дополнительный контрастирующий эффект выделения. Исследователи отмечают оценочный характер начальной эмфазы [Кострова, 2004, с. 68]. Рассмотрим следующий пример, взятый из колонки, посвященной анализу современного развивающегося жанра – книги комиксов американского писателя и художника Дэвида Мацукелли „Asterios Polyp”:

(108) ***Modern im Stil*** *ist dieses Buch,* ***anspielungs- und facettenreich*** *sowie* ***perfekt ausgearbeitet bis ins Detail****. Dabei geht es Mazzucchelli nie darum, bloß zur Schau zu stellen, was er kann. Er stellt seine Kunst in den Dienst der Geschichte, kein Strich wird hier zum Selbstzweck. (F, 14.03.11)*

В данном фрагменте критик перечисляет наиболее выигрышные аспекты книги комиксов, указывая на современность ее стиля, множество тонких намеков и деталей. Ставя оценочный предикат на первое место, он тем самым сосредотачивает фокус внимания читателя на результате своей критической деятельности, т.е. на оценке литературного произведения. В последующих за ним высказываниях, автор колонки мотивирует эту оценку, обосновывая свою мысль. Американский художник уделяет пристальное внимание всем нюансам изображения в ходе повествования, так что лишнему штриху или ненужной детали не остается места в его работе.

Еще один рассматриваемый нами пример также наглядно иллюстрирует, как оценочное суждение, синтаксически выдвигается на передний план, становясь смысловым центром высказывания, и интерпретируется критиком далее при помощи поддерживающих аргументов:

(109) *Aber* ***konventionell*** *ist ihr Werk nicht und* ***damenhaft*** *am allerwenigsten. Mit* ***flauer Versöhnlichkeit***, ***gar mit Gefälligkeit*** *hat es nichts gemein. Sie nahm am literarischen Leben teil - und hat dennoch niemandem nach dem Munde geredet: weder ihren Lesers noch ihren Kollegen, weder den Kritikern noch den Verlegern, von den Politikern ganz zu schweigen. (FAZ, 24.03.12)*

Колумнист развенчивает общее мнение о том, что литературные произведения немецкой писательницы Марии Луизы Кашниц принято относить к традиционной дамской литературе, отсутствие в ее творчестве характерных для этого направления мотивов «вялого» миролюбия (*flauer Versöhnlichkeit*) и любезности, услужливости (*Gefälligkeit*).

Парцелляция является тем синтаксическим способом оформления положительной оценки, который критик может использовать, когда ему необходимо дополнительно привлечь внимание читателя или воздействовать на его эмоциональное восприятие. В текстах литературно-критической колонки парцелляция может выполнять и эмоционально-выделительную, и аргументативно-выделительную функции, выделяя те части высказывания, которые участвуют в развитии аргументативной линии текста и усиливая убеждающее начало публицистического текста [Цумарев, 2003, с. 9].

В качестве иллюстрации рассмотрим фрагмент колонки, освещающей выход нового романа ливийского писателя и поэта Хишама Матара „Anatomy of Disappearance“ („Die Geschichte eines Verschwindens”), события которого разворачиваются во времена режима Каддафи в Ливии. Критик указывает на значимость книги в мировой литературе, на тот факт, что она переведена более, чем на двадцать языков и удостоена множества литературных премий:

(110) *Das Buch ist in mehr als zwanzig Sprachen erschienen und vielfach preisgekrönt.* ***Weil es*** *verstörend ist und traurig und anrührend.* ***Und weil*** *es so deutlich zeigt, wie stark diese Gewaltherrschaft in Libyen ist und wie hoffnungslos der Kampf ihren Widersachern lange Zeit vorkommen musste. (F, 26.07.11)*

Автор определяет основные сильные моменты книги, из-за чего роман и получил столь широкое признание среди читающей публики, в двух аспектах – эмоциональном (*verstörend, traurig, anrührend*) и содержательном (*deutlich zeigt starke Gewaltherrschaft und hoffnungslosen Kampf ihren Widersachern*). С помощью парцелляции, выполняющей таким образом одновременно эмоционально- и аргументативно-выделительную функции, критик добивается максимальной наглядности представления своих аргументов и, следовательно, их большей убедительности.

Тактика отрицательной оценки объекта критики реализуется посредством смены регистра. Использование лексики разговорного и книжного стилей в качестве оценки объекта действительности является эффективным способом воздействия на образно-чувственное восприятие текста адресатом. Также разговорные лексемы употребляются журналистами для создания непринужденного стиля повествования, что нередко становится характерной чертой публицистики того или иного критика. Темы индивидуального стиля литературного критика мы коснемся позднее, но в качестве еще одной иллюстрации использования разговорной лексики приведем пример из литературно-критической колонки немецкой писательницы, журналистки и критика Эльке Хайденрайх. В очередной колонке она комментирует выход нового романа американского новеллиста Тома К. Бойля „The Women („Die Frauen“, «Женщины»):

(111) *T.C. Boyle schreibt über "Die Frauen" des Architekten Frank Lloyd Wright. Die amerikanische Ausgabe hat <u>ein wunderbares Cover</u>, auf dem wir diese Furien auch <u>mal</u> sehen. Warum sehen deutsche Ausgaben so <u>zum Sterben öde</u> aus? Da bringt der Hanser Verlag, der es doch eigentlich kann, einen Handschuh und drei Knöpfe. <u>Bloß</u> nichts Sinnliches beim Lesen (ST, 19.03.09)*

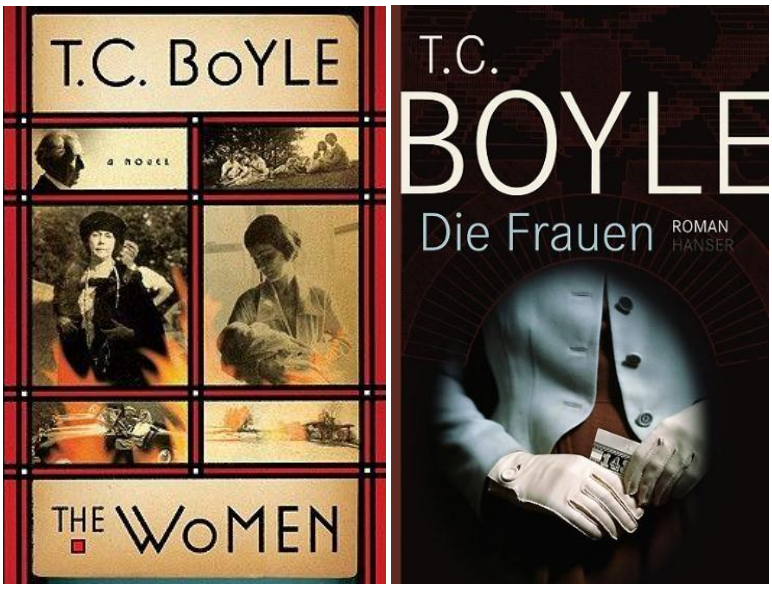


Рис. 3. Обложка книги “The Women” американского издательства “Penguin Books” (слева) и “Die Frauen” немецкого издательства “Hanser Verlag” (справа).

В своем романе американский писатель портретирует героинь личной жизни известного архитектора Фрэнка Ллойда Райта. Критик Хайденрайх поднимает вопрос о несоответствии внешнего оформления книги и его внутреннего содержания. Сравнивая обложку романа, выпущенного в американском издательстве, на которой представлены фотографии четырех женщин (Эльке Хайденрайх неодобрительно оценивает их как *Furien),* с обложкой книги, выпущенной немецким издательством „Hanser Verlag“ (на которой изображен фрагмент женской фигуры: перчатки, расстегнутые пуговицы жакета), она эмоционально и открыто ставит вопрос, почему немецкие издательства выбирают для публикации неинтересные, скучные и порой лишенные всякого смысла иллюстрации. Эмоциональность и ироничность повествования достигается благодаря использованию разговорного выражения *zum Sterben,* усиливающего признак оцениваемого объекта, разговорных частиц *mal, bloß.* Лексическая эмоциональная оценка усиливается риторической парой «вопрос-ответ», а также выделением аргумента в номинативном предложении.

Разговорная лексика – отражение речи живой, насыщенной образностью и экспрессивностью. Ее живость и яркость также помогает критику точнее передать

образ героя, используя дополнительные эмоциональные оттенки. С помощью разговорной лексики автор колонки информирует читателя о том, например, какое социальное положение в обществе занимает литературный герой: (112) *ein* ***betuchtes*** *Paar wie Evelyn und Claus (F, 14.06.11)* (betucht – разг. «богатый, состоятельный»), (113) *die Attitüden der gut* ***gepamperten*** *Jugend in den neu-bürgerlichen Wohnarealen (F, 16.08.11)* (gepampert – разг. от англ. to pamper – «баловать, лелеять, культивировать»). Также разговорная лексема может служить для придания живого эмоционального оттенка образу героя, указывать на его характерные черты и особенности: (115) *ein freundlich* ***plappernder*** *Amerikaner (F, 19.04.11)* (plappern – разг. «болтать, трещать»). Оценочные номинации с использованием разговорной лексики нередко приводят к созданию неологизмов. Так, например, описывая обитателей фешенебельных районов Берлина, в романе «Призрачный блеск Коби Каунти» Лайфа Рандта, колумнист Ульрих Брандт вводит такое понятие, как *die* ***Vollkasko****-Gesellschaft,* являющееся сложным словом с определительным существительным - разговорным вариантом, образованным от лексемы *Vollkaskoversicherung* («полное страхование автомобиля КАСКО»). Таким образом, создается аналог понятия „jeunesse dorée“ - «золотой молодежи», обозначающего избалованную, пресыщенную, прожигающую жизнь молодежь из богатых семей [Энцикл. слов. крыл.слов и выражений, 2004, с. 278]. Критик выстраивает цепочку ассоциаций вокруг концептов «деньги, достаток, потребление»: (116) *Der Schein bestimmt das Sein, Konsum heißt Leben, und wenn man sich schon langweilt in einer Vollkasko-Gesellschaft, dann wenigstens gut angezogen (F, 16.08.11).*

Информируя читателя о вышедшей в свет книге с комичным и даже абсурдным на первый взгляд названием „Moonwalking With Einstein: The Art and Science of Remembering Everything“ («Эйнштейн гуляет по Луне: Наука и искусство запоминания»), в которой автор-американский журналист Джошуа Фоер рассказывает о своем опыте освоения ассоциативных мнемотехник для эффективного запоминания информации, критик передает этапы развития

главного героя, который благодаря году усердных тренировок смог превратиться из «середнячка», «среднестатистического человека» (разг. *Normalo*) в «супер-мозг» (разг. *Computerhirn)*:

(117) *[…] erzählt Foer, wie er es vom eher schusseligen* ***Normalo****, der sich seine Kreditkartennummer nicht merken konnte und bisweilen vergaß, wo er letzte Nacht sein Auto geparkt hatte, zum* ***Computerhirn*** *bringen konnte (F, 21.06.11)*

С другой стороны, усилению образности при характеристике литературного произведения способствует использование книжной лексики. Так, например, современный роман о цифровом монстре в духе Франкештейна „The Fear Index“ («Индекс страха») английского писателя Роберта Харриса приобретает оценочную номинацию (118) *skurille Science-Fiction (F, 08.11.11)* (skurril – «книжн. гротескный, странный»).

Использование книжной лексики не столь частотно при формировании оценки литературного персонажа, но несет в себе также экспрессивно-воздействующую функцию, служащую максимально детальному описанию и раскрытию образа героя. Например, в упомянутом ранее романе цифровой робот получает оценочную номинацию «истинный монстр»: (119) *In seinem Roman entwickelt sich das digitale Geschöpf zu einem* ***veritablen*** *Monster à la Frankenstein – das sich am Ende gegen seinen Erfinder wendet. (F, 08.11.11).*

Приведенный пример содержит также прецедентное имя «Франкенштейн», функционирующее в качестве сравнительного признака при характеристике героя «Индекса страха», отсылающего нас к сюжету романа английской писательницы 19 века Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей». Роман повествует о жизни молодого ученого Виктора Франкенштейна (позднее эта фамилия стала нарицательным именем самого монстра), создавшего человека-гибрида. В результате у него получается существо, вид которого самого Франкенштейна повергает в ужас. Испугавшись, ученый бросает его на произвол судьбы, за что монстр начинает беспощадно мстить, убивая дорогих и близких

Виктору людей. Этот факт и использует автор колонки в качестве основания для сравнения и проведения параллели с героем современного английского романа.

3.1.3 Языковые способы выражения стратегии косвенной оценки

Наличие в текстах ЛКК большого количества прямых оценок обусловлено прагматикой самого жанра, а именно его очевидной оценочностью и ориентацией на воздействие достаточно высокой степени интенсивности. В то же время, хотелось бы согласиться с мнением, что значимость имплицитной информации для достижения воздействующего эффекта в прессе тоже довольно велика [Сальникова, 2013, с. 145]. Таким образом, фокус нашего внимания будет сосредоточен на изучении способов реализации и функционирования косвенной оценки в текстах ЛКК. Мы рассмотрим ситуации, когда оценка не обязательно выражается прямо, а вычленяется на основе общего интенционального фона высказывания, представляя собой те случаи, когда говорящий «имеет в виду и прямое значение высказываемого и, кроме того, нечто большее» [Серль, 1986, с. 195].

Среди исследователей бытует мнение, что когнитивные усилия, затраченные на создание аксиологического сообщения, неизмеримо больше в случае косвенной оценки, которая «приводит во взаимодействие и познавательные процессы, и эмпирический опыт, и культурное достояние коллектива, и его языковую компетенцию, чтобы отобразить в языковой форме чувственно не воспринимаемые объекты и сделать наглядной невидимую картину «мира идей и страстей» путем создания ее языковой картины, воспринимаемой за счет вербально-образных ассоциаций составляющих ее слов и выражений» [Телия, 1988, с. 173]. Однако и со стороны адресата «дешифровка» косвенной оценки в тексте требует дополнительных интерпретативных усилий, как результат непрямой коммуникации [подробнее о непрямой коммуникации см. Дементьев, 2006].

Исследователи рассматривают под способами выражения косвенной оценки следующие языковые средства и приемы: иронию [см. напр. Нестерская, 2002; Гомлешко, 2008], ироническую интонацию и экспрессивную метафору [см. Колядич; 2010], метафору и риторические вопросы [см. Сальникова, 2013], метафору, сравнения, аллюзии, паремии [см. Токарь, 2008].

Как показал анализ практического материала, в рамках нашего исследования основными тактиками, определяющими реализацию стратегии косвенной оценки являются *тактика аналогии, тактика резюмирования, тактика «оценка через обобщение», тактика кооперации.*

Тактика аналогии как способ выражения оценки в текстах ЛКК строится на сопоставлении двух вещей или ситуаций разного рода, с целью нахождения сходства между ними для облегчения восприятия и интерпретации читателем оценочного суждения критика. Реализуется данная тактика посредством использования приемов сравнения, метафоры, аллюзий. Сравнение является способом передачи оценочного смысла объекту действительности благодаря наличию основания, при помощи которого автору удается создать параллель, вызвав у читателя определенные ассоциации с уже знакомыми ему объектами действительности. Так, например, рассказывая о выходе нового триллера Марио Джордано „Apocalypsis“ («Апокалипсис»), главной темой которого являются сакральные клятвы и заговоры, автор колонки Brands Bücher Ульрих Бранд, редактор журнала «FOCUS», называет роман (120) *Verschwörungs-Thriller a-la Dan Brown (F, 18.10.11*), ставя его, таким образом, в один ряд с аналогичными по тематике романами американского писателя Дэна Брауна. Далее критик отмечает, что особенностью романа итальянского писателя является то, что он публикуется издательством „Bastei Lübbe“ только в цифровой версии, и рассказывает подробнее о деталях выхода серии: (121) „*13 Folgen gibt es insgesamt, jede Woche erscheint eine neue, den Prolog erhält man als Appetithappen umsonst“(F, 18.10.11).* Для понимания смысла высказывания здесь требуется следующее пояснение: как

правило, выход новой части романа всегда сопровождается публикацией какого-либо его фрагмента в свободном доступе, для того чтобы читатель мог ознакомиться с ним и заинтересовавшись, купить полную версию книги. Колумнист в данном случае проводит аналогию, сравнивая пролог с бутербродом с острой закуской (*Appetithappen)*, тем самым, указывая на их общее свойство - пробуждать аппетит (к дальнейшему принятию пищи или к чтению). Нередко оценка, выраженная через сравнение, может носить иронический характер, как например, в следующем фрагменте колонки М. Райх-Раницкого, посвященной польской национальной литературе:

(122) *Das Nationalepos der Polen, der „Pan Tadeusz“ von Mickiewicz, beginnt mit den Worten: „O Litauen, du mein Vaterland . . .“ Schon braucht der deutsche Leser eine Erläuterung. Also Lyrik mit Anmerkungen? Das ähnelt, fürchte ich, der Liebe mit einem Sexualleitfaden in der Hand. (FAZ, 16.03.11)*

Райх-Раницкий указывает на начало поэмы «Пан Тадеуш» со строк «Литва! О родина!..» являющейся национальным польским эпосом. Это знаменитое признание в любви к Литве может вызвать неоднозначное понимание у читателя, не обладающего знаниями о том, что Адам Мицкевич происходит родом из Литовской губернии, и поэма носит ярко выраженный ностальгический характер. Прагматический эффект в этом фрагменте основывается на приеме сочетания несопоставимых образов: потребность в детальных разъяснениях и комментариях в процессе восприятия поэзии критик сравнивает с необходимостью сверяться в личных отношениях с практическим руководством по искусству любви (общий признак, который лежит в основе этого сравнения: Hilfe für den Leser – Hilfe für den Sexualpartner).

Метафора является продуктивным способом репрезентации тактики аналогии, т.к. она представляет собой образное построение, имеющее «в качестве когнитивной основы уподобление объектов, относящихся к разным областям онтологии» [Кобозева, 2001, с. 136-137]. Метафора как феномен может быть

выражена на уровне языковых форм словом, словосочетанием, фрагментом текста, а иногда и целым текстом, семантика которого сформировалась как «результат осмысления сущности одной понятийной области через другую понятийную область: в ее категориях и свойственных ей понятиях» [Баранов, 2012, стр. 71].

Существует мнение, что метафора обладает большей иллокутивной силой по сравнению с прямой оценкой. Это объясняется тем, что метафора «всегда связана с эмоциональной сферой, воздействует на эмоциональное состояние реципиента» [Аксенова, 2007, с. 5]. Она порождает эмоционально-экспрессивные зрительные образы, воздействующие на чувственную сторону восприятия. Метафора служит критику дополнительным средством в ходе анализа и интерпретации творческого стиля писателя, создавая условия для наглядно-образного представления своего суждения читателю.

Исследователями было отмечено, что для убеждения адресата используются метафоры, называемые архетипическими (archetypal metaphors). Архетипические метафоры – это метафоры, опирающиеся на универсальные представления людей (архетипы) и использующие образы природного цикла, света и тьмы, жары и холода, болезни и здоровья, мореплавания и навигации [подробнее см. Osborn, 1967]. Будучи одинаковыми во все времена и во всех культурах, они воздействуют, таким образом, на преобладающую часть аудитории. Данный тип метафор широко используется в политической коммуникации, однако, коммуникативная сфера СМИ, в силу высокой ориентированности на массовую аудиторию, также предоставляет возможности для использования архетипических метафор журналистами. Рассмотрим случаи, когда автор ЛКК использует метафоры, в основе которых лежат образы света и тьмы, и попытаемся определить их функциональное предназначение:

(123) *Wenn Marie Luise Kaschnitz in dieser erzählenden Prosa* ***das helle und harte Licht****, das alle Einzelheiten sichtbar macht, eher vermieden und manches bewusst*

ausgespart hat, wenn sie die Konturen gelegentlich verschwimmen ließ - so nur deshalb, weil sie meinte, sie sei verpflichtet, auch die Geschöpfe ihrer Phantasie taktvoll und diskret zu behandeln. Ihr Erbarmen mit dem leidenden Individuum nötigte sie, ihm ***das Halbdunkel*** *zu gönnen. (FAZ, 240312)*

В данном примере представлен критический разбор и интерпретация творческого метода немецкой писательницы Марии Луизы Кашниц в колонке Марселя Райх-Раницкого. В целях усиления эмоционального воздействия на читателя за счет повышенной образности, автор прибегает к созданию метафорического описания принципов, посредством которых писательница создает художественную реальность. Используются понятия, входящие в систему образов «свет-тьма» и выраженные при помощи ряда лексем *das helle und harte Licht, sichtbar machen, die Konturen, das Halbdunkel*. Они способствуют созданию аналогии, раскрыв суть которой, читатель понимает о каких характерных чертах, свойственных творчеству Марии Луизы Кашниц, идет речь: о сдержанном тоне повествования, нежелании резкого обличения, осторожности и тактичности в обращении со своими литературными персонажами.

Следующий пример является примером того, как при помощи метафоры критику удается описательно передать главный принцип творчества американского писателя Э. Хемингуэя:

(124) *[…] indem Hemingway den Winkel eines Hauses* ***in helles Licht*** *tauchte, ließ er ahnen und spüren, was* ***im Dunkeln*** *geblieben war. (FAZ, 200711)*

Речь идет об эстетическом методе писателя, «принципе айсберга», воплощающем в себе систему намеков и умолчаний в художественном произведении. Суть данного принципа заключается в переходе идей из открытого текста в подтекст. Сам по себе метод имеет метафорическое наименование и наглядно иллюстрирует соотношение текста и подтекста, проводя аналогию с айсбергом, на каждую видимую часть которого семь восьмых остается под водой. Используемая в тексте ЛКК метафорическая оппозиция «свет-тьма» служит

основанием для создания собственной авторской номинации данного метода, а также преследует цель облегчения восприятия читателем этого абстрактного понятия.

Аллюзия**.** Следующий способ языковой реализации косвенной оценки в текстах литературно-критической колонки связан с понятием интертекстовых включений. В нашем исследовании мы солидарны с точкой зрения В.П. Москвина о том, что интертекстуальность по определению является не литературным приемом, не тропом или стилистической фигурой, а «ассоциативной базой для приемов цитирования, аппликации, аллюзии, парафраза, травестирования и других фигур интертекста, которые далеко не всегда приобретают двусмысленный характер, а потому ни с одной из трактовок тропа несовместимы» [Москвин, 2011, с. 54].

Наименьшая единица, манифестирующая интертекстуальные отношения, определяется как интертекстема. В журналистских текстах принято выделять актуальные (отображают действительность и социальные факты) и культурологические (отражают элементы культуры) интертекстемы [Махова, 2014, с. 9]. В том случае, когда текст понимается широко как явление культуры, предлагается использовать термины «прецедетные феномены» и «интертекст». Так, Э. М. Аникина понимает под «интертекстом» газетную статью, а прецедентный феномен как одновременно и интекст (т.е. пре-текст) и так называемый «источник», поскольку у явления культуры, например, исторической ситуации или какого-либо деятеля культуры или политики не может быть источника (если только это не явления текстового происхождения). Явления культуры, выраженные прецедентными феноменами, не будучи сугубо текстового происхождения, в силу многократной повторяемости в текстах средств массовой информации, приобретают разнообразные культурные коннотации и порождают ассоциации у реципиента (поскольку прецедентные феномены обладают свойством создавать или изменять описываемую ими реальность), что является основным признаком интертекстуальности. [Аникина, 2006, с. 89].

Проведенный анализ материала показал, что культурологические интертекстемы в текстах литературно-критической колонки, реализуя оценочную функцию, используются чаще всего при оценке творческого стиля анализируемого писателя или персонажей литературного произведения. Интертекстуальные включения в таком случае вводятся в текст, как правило, путем аллюзий. Вполне обоснованным кажется столь распространенное использование аллюзий ввиду их семантической особенности – компрессивности. Будучи ограниченной по объему, колонка ставит перед журналистом определенные условия, в рамках которых он вынужден искать более емкие и экономичные языковые средства с богатым экспрессивным потенциалом. Интертекстуальность успешна, если фоновые знания читателя пересекаются с фоновыми знаниями журналиста-критика. Тогда и возникает эффект «узнавания» закодированного смысла. В противном случае происходит коммуникативная неудача.

Источником аллюзии при оценке творческого стиля писателей могут служить исторические персоналии. В первом примере публицист обращает внимание читателя на одну важную мировоззренческую особенность немецкого авангардиста и экспериментатора Арно Шмидта:

(125) *Aber der ostentative Positivismus Schmidts, sein unbeirrbares Vertrauen zur Arithmetik und zur Statistik, zur Geodäsie und zur Astronomie, deutet auch auf die Grenzen seines Horizonts hin. Erlösung durch Mathematik - dieses nie so nackt ausgesprochene, doch in seiner Prosa allgegenwärtige Axiom erinnert schließlich an die guten alten Zeiten, etwa an den Materialismus Haeckelscher Provenienz. (FAZ, 26.04.11)*

В приведенном фрагменте актуализировано имя Эрнста Геккеля – немецкого биолога, представителя естественнонаучного материализма, «главного апостола Дарвина в Европе» [Тэйлор, 2000, стр. 214]. Увлеченность точными науками Арно Шмидта, его неистовое желание найти спасение через математику

сравнивается критиком со схожим энтузиазмом немецкого ученого. Сторонники позитивизма, исторически развившегося позже материализма, также как и предшественники, высоко ценили науку и считали ее главным источником истинного знания. Построению ассоциативной связи и формированию субъективного авторского отношения служит также отрицательно-окрашенная лексема *„ostentativ“* («показной, демонстративный»), которая является связующим звеном в создании аналогии с деятельностью немецкого ученого.

Во втором примере характеристика дается драматургу Томасу Бернхарду:

(126) *Er, der legitime Erbe des sprachgewaltigen Abraham a Sancta Clara, ist nun der Kapuzinerpredigten satt und hat die Kühnheit, sich zu allem zu bekennen, was er eben erst angeklagt hat. (FAZ, 04.07.11)*

Интертекстуальная ссылка во фрагменте представлена прецедентным именем австрийского монаха Абрахама а Санта Клары. Аналогия с проповедями католического священника, известными своей неповторимой игрой слов, яркостью острот и ритмикой, но в тоже время, простотой и доступностью, ориентированностью на массового слушателя, неслучайна. Многие литературоведы отмечают особенную манеру письма Бернхарда, принципы построения фразы, выбор эмфатических языковых средств, кружение текста вокруг нескольких устойчивых понятий (смерть, жизнь, природа, наука, искусство) [Белобратов, 2010, с.5]. К особенностям этого творчества относится и предельная упрощенность сюжетов. Именно поэтому критик именует его *„der legitime Erbe“*. В тексте имеется еще одно интертекстуальное включение – лексема *„Kapuzinerpredigt”,* означающая грубую, шутовскую проповедь и получившая название от проповеди капуцина в романе Ф. Шиллера «Валленштайн», прототипом которой послужила речь Абрахама а Санта Клары. Однако, как и у Шиллера, оценка критика не лишена иронии по отношению к главному герою: об этом свидетельствует разговорный оборот повествования, в частности, выбор лексики *(„ist…satt“, „hat die Kühnheit“*).

В следующем примере особенностью употребления прецедентного феномена является его ссылка на музыкальное произведение. В колонке, посвященной творчеству Томаса Бернхарда, Марсель Райх-Раницкий затрагивает тему музыкальности стиля австрийского прозаика, отмеченную многими литературоведами, которые нередко использовали музыкальные термины при описании сложной природы воздействия его прозы. С помощью аллюзии критик-публицист указывает читателю на путь к пониманию замысла романа, сравнивая монотонное повествование романа-монолога, в котором Бернхард повторяет и варьирует одни и те же темы, с произведением французского композитора М. Равеля «Болеро»:

(127) *Doch es ist gewiss kein Zufall, dass eine im Buch „Holzfällen“ mit sehr viel Herzlichkeit und Mitgefühl geschilderte Figur, Joana, gerade Ravels „Bolero“ besonders liebt, ein Werk also, in dem bei gleichbleibender Tonart ein einziges Thema manisch wiederholt wird - wie eine fixe Idee. Erst kurz vor dem Schluss wählt Ravel eine andere Tonart. Auch Thomas Bernhard wechselt sie am Ende plötzlich. (FAZ, 04.07.11)*

Отметим, что в приведенных примерах из колонки Райх-Раницкого аллюзивно используются не клишированные, нечасто упоминаемые в обиходном общении персоналии, рассчитанные на восприятие хорошо образованного читателя. Использование подобных аллюзий в текстах, публикующихся в менее авторитетных изданиях и, следовательно, рассчитанных на менее интеллектуально подготовленную аудиторию, могло не вызвать ассоциативных связей у читателя и привести к коммуникативной неудаче.

Следующий пример заимствован из ЛКК М. Райх-Раницкого, посвященной творчеству немецкого писателя-нонконформиста Хуберта Фихте. В рассматриваемом фрагменте критик дает оценку персонажам сенсационного романа „Palette“ («Палитра»), описывающего жизнь низших слоев общества:

(128) *Sie sehnen sich nach etwas Glück. Um zum Augenblick zu sagen***, verweile doch, du bist so schön***, wären sie bereit,* ***jeden Pakt auf Erden zu unterzeichnen****. Nur ist leider nirgendwo ein* ***Mephisto*** *zu sehen. So nehmen sie Preludin und Pervitin, und die* ***Walpurgisnacht****, die ihnen niemand bieten will, bereiten sie sich selber, mitten in der würdigen Hansestadt Hamburg – so gut sie es können. Freilich können sie es nicht. Denn sie sind nicht reif – weder für die Liebe noch für das Leben überhaupt. (FAZ, 16.06.12)*

В данном примере отчетливо выделяется реминисценция из «Фауста» И.В. Гете. Она проявляется в непрямом цитировании слов Фауста из сцены «Кабинет Фауста» – символического «условия» сделки с дьволом-Мефистофелем, использовании имени героя произведения („*Mephisto*“) и названия известной ночи – великого шабаша ведьм („*Walpurgisnacht*“), как образа безудержного веселья, вакханалии и т.д. Автор колонки использует это интертекстуальное включение в качестве иллюстрации той степени крайности и того крайнего предела, до которого может дойти человек в желании получить все земные удовольствия. Герои романа готовы продать самое дорогое, что у них есть – душу – в обмен на вечное чувство эйфории. Но даже такую высокую плату у них никто не хочет принять („*nur ist leider nirgendwo ein Mephisto zu sehen*“), и они обреченно пытаются изменить реальность с помощью сильнодействующих средств, не желая проститься со своей инфантильностью – их слабые души не нужны даже Мефистофелю *(„die Walpurgisnacht, die ihnen niemand bieten will*“). В сознании читателя возникает ассоциативный ряд, построенный на образах классического произведения немецкой литературы, что позволяет на основании аналогии сформировать оценочное суждение относительно героев анализируемого романа современного писателя.

Подобный механизм сравнения с использованием прецедентных имен или аллюзий на литературных персонажей может привносить дополнительный ироничный оттенок оценке литературного персонажа:

(129) *Drogen nahm Ben Becker schon als Teenager. Er war Punk, bevor man hierzulande wusste, was das eigentlich sein soll. Das Leben, so hat er es lange gesehen, dürfe vor allem eines nicht sein: langweilig. Sicher, das ist irgendwie kindisch, unreif, pubertär. Aber so sieht sich der inzwischen 46-Jährige auch:* ***als ewig junger Peter Pan****. (F, 25.10.11)*

Этот фрагмент из колонки, смысловым центром которой является анализ автобиографии немецкого актера кино и театра Бена Беккера. Критик Ульрих Брандт последовательно описывает ранние годы жизни известного деятеля культуры, заостряя внимание читателя на так называемом «жизненном кредо» Беккера: ни при каких обстоятельствах жизнь не должна становиться скучной. Журналист открыто выражает свое мнение относительно выбранного лейтмотива жизни, характеризуя это как: *„kindisch“* («наивно, несерьезно») *, „unreif“* («незрело»)*, „pubertär“* («свойственно переходному возрасту»), вынося под конец ироничную оценку герою: *„als ewig junger Peter Pan“.* Прецедентное имя *Peter Pan* в данном случае является прямой отсылкой к произведению Джеймса Метью Барри «Питер Пэн». Исследователи отмечают, что в масс-медийных текстах последнего десятилетия это прецедентное имя обнаруживает новые дифференциальные признаки с пейоративной оценкой, маркирующей следующие качества: «вечное состояние детства», «инфантильная ментальность», «стремление избежать ответственности» [Серопегина, 2011, с. 14]**.** Предваряя выносимую основную оценку рядом синонимичных по значению дополнительных характеристик, автору литературно-критического текста удается вызвать у читателя правильные ассоциации, что ведет к пониманию употребления прецедентного имени в данном контексте и раскрытию образа героя произведения.

Для литературно-критической колонки в немецкой прессе характерно не только использование имен, но и прецедентных образов при создании аллюзии. В следующем примере критик использует литературную аллюзию *(„sich nach einer blauen Blume sehnen”*), которая содержит в себе образ – голубой цветок („*die*

blaue Blume“), главный символ немецкого романтизма, введенный Новалисом в своем незаконченном романе „Heinrich von Ofterdingen“ («Генрих фон Офтердинген»):

(130) *Wahrscheinlich hat er nie von Novalis und dessen Roman "Heinrich von Ofterdingen" gehört, aber die vielen rauhen Männer, die sich auf Hemingways Bühne tummeln, diese Jäger und Angler, Gangster und Soldaten, Boxer und Barmixer, die so häufig fluchen und so kräftig Gin und Whisky trinken - sie alle* ***sehnen sich*** *insgeheim* ***nach einer blauen Blume****. (FAZ, 20.07.11)*

Голубой цветок олицетворяет собой романтическое томление по идеальной, совершенной жизни, стремление к бесконечно прекрасному идеалу. В интенцию автора колонки входит задача охарактеризовать персонажей произведений Эрнеста Хемингуэя – охотников, рыбаков, гангстеров, солдат, боксеров, барменов. Журналист использует этот образ, чтобы показать, что даже они, простые люди будничных профессий со своими пагубными пристрастиями, не теряют желание любить и жить полной жизнью. Таким образом, использование интертекстуальных включений является дополнительным средством, который может использовать журналист в процессе формирования оценки объекта критики. С помощью интертекстем удается придать оценке объекта определенный эмоциональный оттенок, основанный на ассоциациях читателя.

Тактика резюмирования. Тактика резюмирования направлена на формирование оценочного суждения вследствие подытоживания ряда информативно-объективных фактов субъективным комментарием автора. Данная тактика реализуется с помощью приема иронии. Анализируя существующие определения понятия иронии, предложенные как в собственно отраслевой, лингвистической, так и в универсальной справочной литературе, легко вычленить общие черты, выделяемые в качестве наиболее характерных – это противоположность смысла иронического высказывания его буквальному значению, насмешка как цель иронии, выражение насмешки под видом одобрения

или похвалы. Существует мнение, релевантное для нашего исследования, согласно которому иронию можно рассматривать как эмоционально-оценочную критику [см. напр. Палкевич, 2001; Слепцова, 2008]. Исследователи отмечают, что основной аксиологической установкой иронии является «выражение неодобрения, осуждение, критика» [Слепцова, 2008, с. 8]. Ирония рассматривается как косвенный речевой акт отрицательной оценки, который возникает в результате несоответствия референтной ситуации и ситуации речи с негативным параметром, т.е. несовпадения буквального смысла с иллокутивной силой высказывания.

Механизм выделенных в текстах анализируемых ЛКК приемов иронии также базируется на взаимодействии смыслов в содержании высказывания:

(131) *(1) Das gibt's also auch, dass einer einen Weltbestseller aus bloßer Langeweile schreibt. „Ich hatte nichts anderes zu tun", erklärt Fantasy-Autor Christopher Paolini, 28, die Entstehung seiner „Eragon"-Reihe. (2) Der Amerikaner lebt mit seiner Familie ziemlich abgelegen in einem Landhaus in Montana. (3) Die nächste Stadt ist eine halbe Autostunde entfernt und hat auch nur 5000 Einwohner. (4) Da muss man sich* ***irgendwie*** *beschäftigen. (F, 151111)*

В качестве отправной точки развертывания своего критического суждения автор вводит тезис (1), в котором он описывает существующую в писательской практике ситуацию, когда литературный шедевр или бестселлер создается «скуки ради» („*aus bloßer Langeweile")*, о чем свидетельствуют лексемы *„es gibt", „auch".* Далее он подкрепляет его цитатой из интервью с писателем (2), которая служит подтверждением первого тезиса. Логика и последовательность аргументов создают ровную тональность изложения, не вызывая у читателя ощутимых противоречий в восприятии точки зрения критика. Однако в последнем высказывании вследствие замены прямого наименования действия (работать, писать книги) наименованием с неопределенным наречием *„sich irgendwie beschäftigen"* («как-то себя занимать») тональность меняется на шутливо-

ироническую. Оценка автора присутствует, но за счет иронии она носит косвенный характер, выражает неодобрение. Отметим, что в заключительной части данной колонки автор вновь обращается к приему иронии, чтобы дискредитировать автора. На этот раз иронический эффект достигается посредством повтора. Как и в предыдущем случае, схема развертывания критического суждения повторяется, сохраняется даже последовательность аргументов:

(132) *Jetzt will er erst einmal Ideen für Geschichten aus anderen Genres verfolgen. Im Moment treibe ihn eine Science-Fiction-Story um, sagt er. Und dann ist da noch das Buch, das er gemeinsam mit seiner Schwester schreiben will, die jetzt auch zur Schriftstellerin wurde. Weil es* ***ja sonst*** *nichts zu tun gibt in der Einsamkeit Montanas. (F, 151111)*

Для реализации этой тактики весьма характерно наличие в высказывании слов-интенсификаторов, маркирующих ироничный комментарий автора и служащих для читателя сигналом смещения акцента с буквального на смысл, подразумеваемый автором:

(133) *Es ist ein Schlachtengesang, dieses Buch, in Versform kündet Politycki vom Kampf gegen kulinarische Zumutungen. Die Sorten tragen Namen wie „Dog's Bollocks" (Hundehoden) oder „Skunk" (Stinktier) und schmecken größtenteils nach ausgewrungenen Feudeln. Sie erfordert* ***tatsächlich*** *Heldenmut, diese „Expedition ins Bier-Reich". (F, 260411)*

Приведенный пример является иллюстрацией того, как автор колонки имплицитно выражает оценку по отношению к рассматриваемому произведению немецкого писателя Маттиаса Политицкого „London für Helden" («Лондон для героев») благодаря успешному сочетанию нескольких приемов. Во-первых, автор наделяет анализируемую книгу метафорической характеристикой, в основе которой лежит ее сравнение с боевой песней, изложенной в стихах наподобие эпической саги. Об этом свидетельствует созданная цепочка лексем

(*„Schlachtengesang“, „kündet“, „Heldenmut“)*, благодаря которой создается нарочито возвышенный стиль повествования, контрастирующий с сюжетной тематикой романа (книга повествует о барах, пабах и пивной культуре Лондона). Во-вторых, иронический эффект достигает своей кульминации в последнем предложении, которое содержит модальное слово *„tatsächlich“*, придающее уверенность, убежденность в утверждении. Это слово интенсифицирует ироничность высказывания и сигнализирует читателю о существующей возможной разнице в смысловых плоскостях высказывания. В-третьих, приданию экспрессивности и образности создаваемого оценочного суждения служит особое наименование произведения, – *„Expedition ins Bier-Reich“* – которое является интертекстуальной отсылкой к названию известной в Германии песни, гимна любителей пива (послужившей также источником для названий многих фестивалей, телепередач и т.д.).

В процессе декодирования иронии контекст играет основополагающую роль. Прием иронии успешно реализуется, когда то или иное языковое средство выражения иронии и окружающий его контекст образуют смысловой диссонанс. Следующий пример иллюстрирует случай, когда за подобным противоречием скрывается оценка автора:

(134) *In Interviews hatte* ***das resolute ehemalige Blumenkind*** *erklärt, wenn ihr missratener Sprössling nicht aufhöre, Unwahrheiten über sie zu verbreiten, dann würde sie ihm alle Zähne einzeln ausschlagen.* *Von wegen* ***Love & Peace****. (F, 050411)*

В приведенном фрагменте речь идет о биографическом факте из жизни французского писателя Мишеля Уэльбека, связанном с его матерью. В тексте колонки она получает метонимическое наименование, выраженное в виде антономазии *„Blumenkind“ («дитя цветов»)* – так называли приверженцев философии и субкультуры хиппи, пропагандирующих любовь и пацифизм. Агрессивное поведение и угрозы этой женщины расправиться с сыном контрастируют с мировоззренческими установками этого направления, что для

колумниста служит основой для создания иронического эффекта. Таким образом, в тексте контекстуально связываются наименование *„Blumenkind“* и английское выражение *„Love & Peace“*, а благодаря предлогу *„von wegen“* удается развести эти понятия и выразить свою неодобрительную оценку описываемой ситуации.

Тактика «оценка через обобщение». Языковое выражение данной тактики становится возможным благодаря использованию риторического вопроса. Говоря о данной фигуре мысли, А. К. Михальская отметила ее собственно «риторическую» природу, т.е. ориентированность на аргументацию [Михальская, 1996, с. 240-241]. Эта мысль поддерживается также точкой зрения А. Н. Баранова, который понимает под риторическим вопросом «специфический способ подачи тезисов и аргументов» [Баранов, 1990, с. 36]. В текстах ЛКК риторический вопрос выступает как способ формулирования тезисов.

Риторический вопрос эмоционально усиливает аргументацию, которая основывается на формулировании перехода от конкретного к общему. Оформленные в виде риторических вопросов суждения оцениваются с точки зрения моральных норм и представлений общества. Критик сознательно выстраивает их так, чтобы создавался контраст между буквальным смыслом и подразумеваемой негативной оценкой. Интерпретация вывода и мнения, заложенного автором в вопросе, таким образом, не вызывает затруднений у читателя:

(135) *Sie will den Lesern reinen Wein einschenken und zugleich den Autor, den Regisseur und den Schauspieler nicht kränken. Sie möchte den Kuchen aufessen und ihn doch haben. Der Essayist und Feuilletonist kann sich das leisten, doch nicht der Kritiker.* ***Den Kuchen aufessen und ihn doch haben - ob dies eines der Leitmotive im Leben von Hilde Spiel war?*** *(FAZ, 161011)*

В приведенном фрагменте колонки Марсель Райх-Раницкий рассуждает о своеобразной манере, которой придерживалась австрийская писательница Хильда Шпиль во взаимоотношениях с окружающими ее людьми. Используемые

разговорные конструкции *(„den Lesern reinen Wein einschenken“, „den Kuchen aufessen und ihn doch haben“*) содержат отрицательную оценку, вынесенную критиком. Также они способствуют приданию большей откровенности и эмоциональности высказывания. Райх-Раницкий проводит параллель, отождествляя манеру поведения писательницы с лейтмотивом ее жизни, оформляя этот вывод в виде риторического вопроса. Существует мнение, что «утверждение, будучи облечено в вопросительную форму, становится более эмоционально окрашенным, более эмфатичным, и поэтому оно полнее раскрывает отношение говорящего к предмету мысли» [Гальперин, 1958, с. 216]. Таким образом, риторический вопрос передает оценочное отношение, привлекая внимание читателя к обсуждаемому факту и вовлекая его в совместный процесс рассуждения.

Риторический вопрос в монологическом тексте ЛКК может успешно использоваться в качестве средства диалогизации, тем самым являясь маркером тактики кооперации с адресатом. Имплицитно выражая оценку в форме риторического вопроса, автор достигает определенного воздействия на читателя тем, что вызывает у него подсознательное ощущение причастности к кругу его единомышленников, сторонников критического мнения публициста. Так, в следующем примере в форме риторического вопроса выступает негативная оценка по отношению к немецкому переводу оригинального названия романа американского новеллиста Стюарта О‘Нэна *„Songs for the Missing“ («Песни пропавшим безвести»):*

(136) *Warum der neue Roman von Stewart O'Nan "Alle, alle lieben dich" heißt, weiß kein Mensch,* ***"Songs for the Missing" wäre doch auch übersetzbar gewesen, oder?*** *(S, 100209)*

Автор колонки указывает на недостаток перевода названия, обращаясь к читателю за поддержкой этой точки зрения. Попытка апеллировать к

объективности служит основой для кооперации с читателем и в иллюстрирующем примере ниже:

(137) *Jan Segners wird uns als neuer Mankell verkauft und sieht auf dem Photo doch nur wieder aus wie Matthias Altenburg**, warum dann ein Pseudonym?*** *(S, 130109)*

Обращение к читателю с целью достижения единения мнений может подкрепляться отсылкой к прошлому опыту, историческому анализу:

(138) *(1)Natürlich, er war kein Genie. (2)* ***Aber wo gab und wo gibt es einen deutschen Feuilletonisten von nur vergleichbarer Unterhaltsamkeit und Leichtigkeit?*** *(FAZ, 100111)*

В первом предложении (1) присутствует эксплицитно выраженная и категоричная (маркером категоричности служит модальное наречие „*natürlich*“) оценка критика Марселя Райх-Раницкого по отношению к немецкому писателю Курту Тухольскому, творчество которого становится центральной темой ЛКК. Прямая оценка не характеризует талант писателя положительно, скорее наоборот. Но в риторическом вопросе (2), следующем за данным высказыванием с прямой оценкой, скрывается косвенная положительная оценка, заостряющая внимание читателя на ведущих характеристиках творчества писателя.

Стратегия косвенной оценки, таким образом, осуществляет процесс имплицитного убеждения в текстах ЛКК, при котором мнение у читателя может формироваться не собственно на основе содержания публикации, а на основе образов и впечатлений, воздействующих на эмоционально-психологическое восприятие.

3.2. Индивидуально-авторские особенности ЛКК „Fragen Sie Reich-Ranicki“, „Brands Bücher“, „Weiterlesen!“

Поскольку за каждым текстом стоит не только языковая система, но и языковая личность автора (первоначальный тезис Ф. де Соссюра, уточненный Ю. Н. Карауловым) актуальной задачей в ходе исследования жанра «литературно-критическая колонка» является также выявление и описание индивидуально-стилистических особенностей текстов ЛКК Марселя Райх-Раницкого, Йобста-Ульриха Брандта и Эльке Хайденрайх.

Комплекс авторских стилистических приемов, наличие определенного принципа отбора языковых средств и их комбинации определяют индивидуальность авторского стиля. Под индивидуальным авторским стилем или идиостилем мы, вслед за Т. А. Чернышевой, понимаем «совокупность языковых средств, которая характеризуется доминантностью и реализуется внутри институционального дискурса в корпусе текстов, принадлежащих одному автору» [Чернышева, 2007, с. 21]. Исследователь справедливо отмечает, что идиостиль как результат отбора языковых средств и регулярности их использования автором соотносится с типом дискурса, функциональным стилем и жанром. Таким образом, нам необходимо рассмотреть какие языковые средства превалируют в текстах колонок трех авторов в качестве доминантных для стиля каждого критика, и выявить, какую роль они выполняют в тексте ЛКК.

3.2.1 Особенности идиостиля М. Райх-Раницкого в ЛКК „Fragen Sie Reich-Ranicki“

Марсель Райх-Раницкий является ведущим представителем традиционной школы литературной критики современной Германии. Следует отметить, что литературно-критический дискурс такого известного критика как Марсель Райх-Раницкий должен представлять собой объект отдельного исследования. В рамках

настоящего исследования ограничимся анализом индивидуальных проявлений авторского стиля Райх-Раницкого в ЛКК „Fragen Sie Reich-Ranicki“.

Академический подход к рассмотрению объекта литературной критики, просвещение читателя и воспитание его эстетического вкуса – принципы, формирующие основу творческой деятельности критика на протяжении всей его жизни, находят свое отражение и в текстах, относящихся к публицистическому жанру «ЛКК».

Ориентация на читателя в ЛКК „Fragen Sie Reich-Ranicki“ проявляется уже благодаря наличию в ней структурного элемента – вопроса читателя, который является, как было отмечено в п.2.2.1 главы II, факультативным элементом композиционной структуры данного жанра. В рамках ЛКК М. Райх-Раницкого вопрос читателя способствует реализации категории диалогичности, т.к. автор посредством жанра ЛКК предоставляет ответ на определенный запрос читателя. Вопрос читателя влияет также непосредственно на структуру основного текста колонки, в которой оценочный план в большей степени преобладает над информационным, что свидетельствует о том, что критик определяет в роли приоритетной задачи в ходе создания текста ЛКК анализ и оценку объекта рассмотрения, в отличие от его непосредственного описания.

Одним из признаков проявления диалогичности на языковом уровне является использование в текстах ЛКК „Fragen Sie Reich-Ranicki“ местоимения 1л. мн. ч. *wir*, обобщающего автора и читателя . Обращаясь к читателю, автор вовлекает его таким образом в процесс своего рассуждения, стимулирует его познавательную деятельность:

(139) ***Wir*** *haben es mit einer Epik zu tun, in der das Entscheidende, das Allerwichtigste nicht gesagt, sondern in den Pausen zwischen den Worten verborgen wird. (FAZ, 24.03.12)*

Также наблюдаются случаи использования притяжательного местоимения *unser*:

(140) *Im Mittelpunkt* ***unserer*** *literarischen Öffentlichkeit stand Marie Luise Kaschnitz wohl nie. (FAZ, 24.03.12)*

Альтернативной формой проявления диалогичности выступает также обращение к читателю, выраженное личным местоимением 3 л. мн. ч. и лексемой-обращением *Frau/Herr* в сочетании с фамилией:

(141) ***Sie***, ***Frau Zerbes****, können den Grund nicht nennen, obwohl* ***Sie*** *Goetz offenbar als bedeutenden Dramatiker und Könner kennen. Und auch ich weiß ihn leider nicht. (FAZ, 21.03.12)*

Приведенный пример взят из статьи под названием „Interessanter als die Lustspiele von Oscar Wilde", в которой рассматривается проблема творчества немецкого писателя, сценариста и актера Курта Гётца. Несмотря на мировой успех его произведений (его комедии ставили в один ряд с классиками комедийного жанра Бернардом Шоу или Оскаром Уайлдом), его имя вскоре было забыто как в Германии, так и во всем мире. Передача субъективного отношения (сожаление) автора в рассматриваемом фрагменте колонки осуществляется посредством модального слова *leider*.

Языковым маркером, выражающим обращение критика к аудитории, служит также лексема, обозначающая читателя – *Leser*:

(142) *Schon braucht* ***der deutsche Leser*** *eine Erläuterung. (FAZ, 16.03.11)*

Стиль Райх-Раницкого отличает также аналитичность и стремление к объяснительно-иллюстративной подаче информации. Одним из способов реализации данной авторской интенции может служить **тактика комментирования и акцентирования информации**. Языковым способом выражения данной тактики на синтаксическом уровне являются вставки, представленные в виде вводных слов (наречий, частиц, словосочетаний) и вставных конструкций (парентез), выделенных пунктуационно.

Вставки комментирующего характера выступают в функции попутного замечания автора, дополняют содержание предложения:

(143) *Sie fliehen in den Hass und landen, <u>wie könnte es anders sein</u>, bei der Hassliebe. (FAZ, 04.07.11)*

(144) *...hat seine Heimat vor einem Vierteljahrhundert <u>(nicht ohne Zorn)</u> verlassen und inzwischen in London gelebt. (FAZ, 04.07.11)*

Функцию уточнения, дополнительной формулировки оценочных суждений носят вставки с наречием *genauer*, словосочетанием *mit anderen Worten*. Подобным образом автор ЛКК стремится избежать двусмысленности, как можно точнее донести до читателя свою позицию в отношении объекта критики:

(145**) *Genauer**: Man hat sie aufrichtig geschätzt und gefeiert und doch nicht ganz ernst genommen. (FAZ, 24.03.2012)*

(146) ***Mit anderen Worten**: Die nahezu pathologische Egozentrik führt und verführt hier zur Auseinandersetzung mit der Umwelt. (FAZ, 04.07.2011)*

Функцию реализации последовательности изложения своего мнения, связности высказываний и акцентирования внимания читателя выполняет вводное слово *im Gegenteil*:

(147) ***Im Gegenteil**: Wir haben es mit einer Epik zu tun, in der das Entscheidende, das Allerwichtigste nicht gesagt, sondern in den Pausen zwischen den Worten verborgen wird. (FAZ, 24.03.12)*

Дополнительным приемом привлечения внимания читателя к значимому для анализа аспекту может служить частица *nein*, усиливающая экспрессивность отрицания:

(148) *Nein, nicht an der Welt, der ungerechten und schnöden, hat Hemingway gelitten, sondern an sich selber. (FAZ, 20.07.11)*

Модальное слово *gewiss* выражает достаточную степень уверенности говорящего, подтверждает однозначность интерпретации и категоричность высказывания:

(149) ***Gewiss**, er war stets <u>für</u> die <u>Armen</u> und <u>gegen</u> den <u>Reichen</u>, für die <u>Gerechtigkeit</u> und gegen <u>Ausbeutung</u>, für den <u>Frieden</u> und gegen <u>Krieg</u>. (FAZ, 07.06.11*)

Данный пример является также иллюстрацией применения **тактики поляризации** (контраста) при оценке личности писателя, принцип которой заключается в описании общей картины через ее крайние элементы. Эта тактика реализуется посредством стилистического приема антитезы, т.е. сопоставления противоположных по значению понятий. В вышеуказанном примере (149) автор

использует данный прием при описании личности писателя, творчество которого становится предметом рассмотрения в ЛКК. При помощи сопоставления лексем с противоположным значением *(Reichen-Armen, Gerechtigkeit-Ausbeutung, Frieden-Krieg*) Райх-Раницкий проводит четкие границы выбора и определяет позицию, занимаемую писателем в своей жизни и творчестве.

(150) *Noch in seinen* ***trostlosesten*** *Monaten und Wochen schrieb er [Klaus Mann] Briefe voll* ***Frohsinn*** *und* ***Glückseligkeit****. Und noch in seinen* ***beschwingten*** *und* ***jubelnden*** *Briefen bilden drohende Akkorde ein* ***düsteres*** *Ostinato. (FAZ, 14.05.08)*

В данном примере противопоставление строится на оппозиции положительно окрашенных лексем (*beschwingt, jubelnd, Frohsinn, Glückseligkeit)* и лексем с отрицательным эмоционально-окрашенным компонентом значения (*trostlosest, düster*) Таким образом, автору удается нагляднее продемонстрировать психологические особенности писателя Клауса Манна и передать характер его действий в разных жизненных обстоятельствах. Стоит отметить также искусное владение критика образными ресурсами языка: в данном случае пример иллюстрирует использование метафоры при описании стиля романиста, заключающейся в скрытом сравнении эмоционального настроя Манна с музыкальной ритмической фигурой остинато, для которой характерно настойчивое повторение одного и того же мелодического оборота (*Akkorde-Ostinato*).

Лексемы, используемые в ходе реализации тактики поляризации, не обязательно могут быть прямыми антонимами, они могут принимать антонимические значения в контексте высказывания:

(151) *Während Böll, Borchert und Arno Schmidt sich mit den* ***Opfern*** *der Geschichte identifizierten, entschied sich Nossack für die Sicht* ***eines Zeugen und Beobachters.*** *(FAZ, 21.06.10)*

Тактика поляризации используется критиком в приведенном примере для того, чтобы отчетливо показать читателю, какой выбор стоял перед писателями в XX веке в Германии. Лексемы *Opfer*, *Zeuge* и *Beobachter*, посредством которых реализуется данная тактика, становятся в данном случае контекстуальными

антонимами. Ханс Эрих Носсак, творчество которого рассматривает в ЛКК Райх-Раницкий, занимает альтернативную позицию по сравнению с позицией, занимаемой его современниками, и это особенно подчеркивается критиком.

(152) *Ob er [Thomas Bernhard] von* ***Frauen*** *redet oder von* ***Männern****, ob er die Menschen* ***verteufelt*** *oder* ***verherrlicht*** *- unentwegt ist dieser Ich-Erzähler auf der Suche nach sich selbst. (FAZ, 04.07.11)*

Тактика описания общей системы координат через крайние значения, демонстрируемая в примере (152) используется критиком с целью демонстративного представления проблематики творчества австрийского писателя Томаса Бернхарда. Посредством сопоставления противоположных пар лексем (*Frauen-Männer,verteufeln-verherrlichen*) подчеркивается главный вопрос в творчестве писателя – поиск самого себя.

Анализ практического материала показал, что в текстах ЛКК М. Райх-Раницкого встречаются также случаи, когда критик эксплицитно указывает на предлагаемый читателю контрастный способ подачи информации. В языковом плане это может быть маркировано при помощи лексики, в семантику которой входит компонент пограничности, биполярности: шкала, экстремум и т.д. Примеры (153), (154), (155) фиксируют случаи использования подобного рода лексем в текстах Райх-Раницкого:

(153) *Ihre* ***Skala*** *reicht von der Erfüllung bis zur Verweigerung, von leiser Zärtlichkeit bis zu dröhnender Wut und bis zu gewaltigem Zorn, von der Seligkeit bis zur Bitterkeit der Niederlage. (FAZ, 27.07.2010)*

В примере (153) критик стремится показать читателю весь спектр лирических настроений и оттенков чувств поэтессы Сары Кирш. Языковым средством, позволяющим указать на подобную широту рассмотрения поэтического диапазона, является лексема *Skala,* а пары противопоставлений с яркими эпитетами (*Erfüllung-Verweigerung, leise Zärtlichkeit-dröhnende Wut-gewaltiger Zorn, Seligkeit-Bitterkeit der Niederlage)* придают тексту образность, эмоциональную насыщенность и высокую степень художественности.

В роли подобного указания на двойственность природы могут выступать не только лексемы, выраженные существительными, но и прилагательные, например:

(154) *Hemingway empfand das Leben* ***abwechselnd*** *als herrlich oder abstoßend, als beinahe göttlich oder beinahe teuflisch. Er liebte stets* ***extreme*** *Urteile. (FAZ, 26.07.10)*

Данный пример содержит субъективную оценку, высказанную критиком в отношении мировоззрения Э. Хемингуэя. Критик, используя в этом случае тактику поляризации, посредством лексем *abwechselnd* и *extrem*, а также ряда противопоставленных эпитетов (*herrlich-abstoßend, göttlich-teuflisch)* демонстрирует непостоянство и стремление к предельным ощущениям, к которым тяготел известный американский писатель.

В примере (155) лексическим маркером тактики поляризации выступает локальный предлог *zwischen*:

(155) ***Zwischen*** *Sachlichkeit und Innerlichkeit,* ***zwischen*** *betontem Understatement und schluchzender Klage, auf dem schmalen Grat* ***zwischen*** *herber Großstadtpoesie und barer Sentimentalität bewegt sich Hubert Fichte nicht ohne Charme und Grazie. (FAZ, 16.06.12)*

Пример (155) иллюстрирует собой комплекс стилистических средств, которые виртуозно использует Райх-Раницкий при описании творчества немецкого писателя Хуберта Фихте. Данный фрагмент текста представляет собой развернутую метафору, основанную на сравнении творческого пути Фихте с балансировкой эквилибриста-канатоходца. При помощи локального предлога *zwischen* и ряда антитез, включающих в себя изобразительные эпитеты (*Sachlichkeit-Innerlichkeit, betontes Understatement-schluchzende Klage, herbe Großstadtpoesie-bare Sentimentalität*), передается динамика движения и напряженность внутреннего состояния личности.

Альтернативным способом реализации тактики поляризации в текстах ЛКК Марселя Райх-Раницкого является использование стилистического приема оксюморона, который заключается в намеренном сочетании противоречащих друг

другу по смыслу слов, в результате которого рождается новое сложное понятие или представление. В следующем примере Марсель Райх-Раницкий использует одновременно несколько оксюморонных сочетаний:

(156) *Ob in der Prosa oder in der Lyrik, Marie Luise Kaschnitz vermochte, wie kaum ein anderer Dichter dieser Epoche,* ***das Verstummen auszudrücken*** *und* ***die Lautlosigkeit hörbar*** *werden zu lassen. Sie war* ***eine Meisterin des beredten Schweigens.*** *(FAZ, 24.03.12)*

В ЛКК Райх-Раницкого, фрагмент которой представлен в этом примере, критик обращает внимание читателя на особенность творческого метода Марии Луизы Кашниц. Используемые оксюморонные сочетания в качестве репрезентантов тактики контраста построены на оппозиции «звук-тишина». Устойчивый оксюморон *beredtes Schweigen* служит в данном случае в качестве лаконичного способа образной передачи характерного стиля поэтессы.

Пример (157) иллюстрирует функционирующий в аналогичных условиях оксюморон, построенный на оппозиции «малый-большой»:

(157) *Die stilistischen Fähigkeiten Tucholskys wiesen ihn als* ***Klein****kunsttalent des* ***größten*** *Formats aus. (FAZ, 10.01.11)*

Помимо стилистического приема оксюморона тактика поляризации (контраста) может быть представлена в тексте ЛКК Райх-Раницкого посредством семантически осложненного хиазма – особой перекрестной конструкции, для которой характерен «двойной лексический повтор в инвертируемых элементах и обмен синтаксическими функциями у этих элементов» [Береговская, 2004, с.24]:

(158) *Er [Arthur Schnitzler] war ein erotischer Zeitkritiker und ein zeitkritischer Erotiker. (FAZ, 18.02.12)*

(159) *Er [Klabund] lebte seine Dichtung, und er dichtete sein Leben. (FAZ, 28.04.10)*

Использование подобных приемов способствует усилению игрового характера в текстах ЛКК „Fragen Sie Reich-Ranicki“. Таким образом, автор-критик, ориентируясь на массовую аудиторию неспециализированного издания,

эффективно содействует повышению занимательности жанра, необходимой читателю в процессе восприятия сложной информации.

3.2.2 Особенности идиостиля Й.-У. Брандта в ЛКК „Brands Bücher“

Тексты колонок Йобста-Ульриха Брандта характеризуются заметным преобладанием информационного начала над оценочным, что в языковом плане проявляется посредством активного употребления композиционно-речевой формы «сообщение», используемой для подробной передачи содержания произведения, а также цитирования. Нацеленность автора на детальную передачу фабулы литературного произведения объясняется его желанием заинтересовать читателя в рассматриваемом произведении и побудить его к дальнейшему прочтению/приобретению книги. Возможно, подобный усиленный акцент на информационном блоке композиционной структуры ЛКК Брандта, объясняет тот факт, что в текстах колонок доминирующие индивидуально-стилистические особенности автора не так разнообразны.

В ЛКК „Brands Bücher“ в меньшей степени по сравнению с другими анализируемыми ЛКК проявляются черты диалогичности. В данной колонке отсутствует прямое обращение к читателю, вовлечение его в обсуждение посредством традиционно используемых приемов (личного местоимения *wir,* вводных конструкций и т.д.). Однако за определенным синтаксическим способом организации структуры текста обнаруживается обращение автора к потенциальному читателю. Анализ материала показал, что посредством использования приемов инверсии, парцелляции и перечисления в процессе формулирования высказывания автор акцентирует внимание читателя на ключевых моментах своего рассуждения, обращая его интерес к существенным деталям рассматриваемого объекта критики. Перечисленные средства экспрессивного синтаксиса, нацеленные на достижение воздействующего

эффекта, являются доминирующими в текстах ЛКК „Brands Bücher“ и могут рассматриваться как индивидуально-авторские особенности стиля Й.-У. Брандта.

Инверсия. Данный прием используется с целью привлечения внимания читателя к определенному факту – как правило, на наиболее релевантном и значимом для рассмотрения в ЛКК аспекте биографии писателя. Так, например, Брандт нередко обращает внимание читателя на количественный показатель, в случаях, когда речь идет о личной жизни писателя, об отношениях, семье и детях. Как известно, количественный показатель, применяемый к этим важным аспектам жизни каждого человека, всегда влияет на порождение положительного или отрицательного оценочного суждения (если человек несколько раз был женат, это позволяет составить о человеке определенное мнение; большое количество детей в семье является показателем того, что семья – главный приоритет для человека и т.д.). Поэтому когда критик посредством инверсии выносит на первое место количественный показатель, он тем самым указывает читателю направление, в котором он может сформировать свое собственное мнение и вынести оценку. Таким образом, количественный показатель придает дополнительное оценочное значение:

(160) *Die beiden werden ein Paar, ziehen in Rom in eine gemeinsame Wohnung – doch glücklich werden sie miteinander nicht.* ***Vier Jahre*** *bleiben sie zusammen. (F, 10.05.11)*

(161) ***Vier Mal*** *war er verheiratet. (F, 28.06.11)*

Следующий пример взят из колонки, посвященной памятной дате, юбилею со дня рождения швейцарского писателя Макса Фриша. Критик называет Фриша величайшим психологом мировой литературы, в произведениях которого отчетливо прослеживается его саморефлексия. По этой причине критик в ЛКК особое внимание уделяет описанию фактов из личной жизни писателя:

(162) (1) *Drei Kinder bekommt das Paar, doch 1954 – nach zahllosen Affären – verlässt Frisch die Familie.* (2) *Aus Angst vor der Enge, der Bürgerlichkeit, der vorbestimmten Zukunft.* (3) *Wieder einmal erfindet er sich neu.* (4) *Von der Suche, der Unsicherheit, dem Drang nach Selbstversicherung handelt Frischs Meisterwerk „Homo*

Faber“, in dem einem Techniker das rationale Weltbild mit Getöse zerbricht. (F, 10.05.11)

Приведенный пример иллюстрирует использование приемов инверсии, которые позволяют автору представить рассматриваемую ситуацию в виде следующего заключения: «несмотря на положительные обстоятельства, все-таки произошло непоправимое». Причину, по которой Фриш покинул семью, как дополнительный факт из биографии писателя, критик оформляет в виде вставной конструкции. В данном примере Брандт выстраивает параллель, передающую непосредственное влияние личной жизни писателя на его творчество. В языковом плане это выражается посредством расположения ряда контекстуальных синонимов, оформленных в виде эллиптического предложения (2), с одной стороны, и последующего предложения (4), которое благодаря инверсии также начинается с синонимического ряда с другой стороны. Подобным способом оформления оценочных суждений при помощи приема перечисления часто пользуется Брандт, т.к. он позволяет максимально подробно изложить ход рассуждения для более глубокого понимания и однозначной интерпретации читателем.

В качестве членов синонимического ряда могут использоваться оценочные прилагательные, передающие отношение критика к своеобразным мировоззренческим взглядам писателя. Так, например, Брандт оценивает стиль жизни немецкого актера кино и театра Бена Беккера:

(163) *Das Leben, so hat er es lange gesehen, dürfe vor allem eines nicht sein: langweilig. Sicher, das ist irgendwie kindisch, unreif, pubertär. (F, 25.10.11)*

Подобное перечисление контекстуально синонимичных прилагательных, обладающих негативной оценкой, усиливает личностный характер высказывания (наречие *sicher* вводит модальность уверенности), придает эму эмоциональность, напряженность.

Обратимся к следующему примеру, содержащему перечисления:

(164) *De Waals Buch erzählt Kunst- und Sittengeschichte. Es zeichnet ein warmherziges, unsentimentales Bild des Lebens einer assimilierten jüdischen Familie*

im Paris und Wien der Jahrhundertwende. Dabei ist es – darauf legt der Chronist besonderen Wert – nicht nostalgisch, nicht schönfärbend, nicht sepiagetönt. „Nostalgie über all den verlorenen Reichtum und Glanz von vor einem Jahrhundert steht mir nicht zu.“, schreibt er. (F, 06.09.11)

Стилистический прием перечисления используется в примере (164) при описании тональности повествования рассматриваемого в ЛКК литературного произведения. Речь идет об упомянутом ранее романе английского писателя Эдмунда де Валля „Der Hase mit den Bernsteinaugen“ («Заяц с янтарными глазами»), в котором автор рассказывает историю жизни своей семьи через вещи, хранящие память о нескольких поколениях. Критик предостерегает от преднамеренного восприятия романа, которое может ассоциативно возникнуть у читателя при ознакомлении с содержанием произведения. Подобное обращение к семейной истории в качестве материала для создания литературного произведения часто приводит к тому, что оно, в конце концов, отягощается сентиментальными, ностальгическими фантазиями автора. Критик подчеркивает несоответствие подобным ожиданиям в анализируемом романе. Для достижения большей убедительности он оформляет свое оценочное суждение, используя прием перечисления и повтора (смысловой акцент при этом смещается на отрицательную частицу *nicht*). В качестве заключительного аргумента в защиту своей точки зрения, автор приводит цитату из романа, в которой рассказчик излагает свое видение на замысел романа. Схожий принцип формулирования оценочного высказывания мы наблюдаем и в следующем примере:

(165) *Das gewaltige, schreckliche, glänzend geschriebene Buch ist, so schreibt der Autor Anthony Beevor („Stalingrad“), „ohne Zweifel eines der wichtigsten Werke der Zeitgeschichte“. (F, 02.08.2011)*

В приведенном фрагменте текста содержится субъективная авторская оценка, которой Брандт наделяет рассматриваемый в ЛЛК исторический роман американского писателя Тимоти Снайдера „Bloodlands“ («Кровавые земли. Европа между Гитлером и Сталиным») с позиций ее содержания и качества изложения материала. По способу синтаксической организации оценка

представляет собой ряд эмоционально-окрашенных оценочных прилагательных. Положительная оценка, выносимая критиком, подтверждается привлечением оценочного суждения, оформленного в виде цитаты, передающего мнение компетентного лица – писателя, произведения которого также посвящены военно-исторической тематике.

Йобст-Ульрих Брандт использует стилистический прием перечисления не только для оформления контекстуальных синонимических рядов, членами которых являются прилагательные, но и создавая ряд однородных членов предложения, выраженных существительными. Как показал анализ практического материала, подобный способ формулирования способствует реализации **тактики обобщения или конкретизации**, которые применяются Брандт для того, чтобы усилить демонстративный характер приводимых им критических суждений и тем самым эффективнее воздействовать на читателя. Известно, что насыщение текста однородными членами создает определенную эмоционально-экспрессивную тональность. Так, в примере (166), взятом из ранее упоминаемой нами ЛКК, посвященной Бену Беккеру, автор описывает эмоциональные состояния, которые сопровождают немецкого актера на протяжении его жизни, используя ряд негативно окрашенных лексем:

(166) *Den Exzess, den Rausch, die Besessenheit, mit der er sein Leben lebt – all das hat Ben Becker geerbt von seinen Eltern, den Schauspielern Monika Hansen und Rolf Becker, mehr vielleicht aber noch von seinem Stiefvater Otto Sander. (F, 25.10.11)*

Тактика обобщения реализуется посредством сопоставления ряда существительных с синонимичным значением в первой части предложения (которые позволяют передать смежные ракурсы одного и того же состояния) и неопределенного местоимения *all* в сочетании с указательным местоимением *das* во второй части, объединяющим перечисленные понятия (амплификация). Подобный способ передачи информации характерен для публицистического стиля в целом: экспрессивный и динамичный характер высказывания усиливает воздействие на эмоционально-образное восприятие читателя.

Схожей по механизму оказания воздействия на читателя является **тактика конкретизации**, суть которой заключается в противоположном способе формулирования высказывания: вначале постулируется обобщающее понятие, раскрывающееся затем через совокупность приводимых деталей. Языковым средством выражения тактики конкретизации, наряду со стилистическим приемом перечисления, может выступать также парцелляция:

(167) *Sein eigenes Leben diente ihm als Vorbild für seine Bücher. Seine Kriegserfahrungen, seine Prügeleien und Sauftouren, seine Frauengeschichten. (F, 28.06.11)*

Данный пример иллюстрирует субъективную критическую оценку жизненных событий и их отражение в творчестве Э. Хемингуэя. Лексема *Leben* служит в качестве обобщающего понятия, которое автор раскрывает в последующей цепочке уточняющих членов, вынесенных непосредственно за рамки главного предложения при помощи парцелляции. Автор использует как нейтральные (*Kriegserfahrungen*), так и пейоративно-окрашенные разговорные лексемы (*Prügeleien, Sauftouren, Frauengeschichten)*, усиливающие эмоциональность и субъективизм суждений. Отметим, что в этой же ЛКК мы встречаем еще один случай, когда оценочное суждение по отношению к личности писателя оформляется подобным способом, что отчетливо демонстрирует тяготение критика к использованию данного приема для реализации тактики конкретизации:

(168) *(1) Sein Leben war immer bedroht. (2) Ernest Hemingway hat die Gefahr gesucht. (3) Die Angst. (4) Den Nervenkitzel. (F, 28.06.2011)*

В отличие от приведенных выше примеров, здесь в обобщающем понятии (выраженным лексемой *bedrohen*) скрывается значение, двойственное по своей природе: оно может трактоваться как опасность, в которой человек оказывается вынужденно, так и как осознанное решение, сознательный выбор в сторону опасности. Применяя тактику конкретизации, автор раскрывает центральное понятие при помощи дополнительных лексем (*Gefahr suchen, Angst, Nervenkitzel*).

Тем самым критик уточняет для читателя свое представление о личности писателя и его характере: его стремление к риску и опасности.

Тактика конкретизации может быть использована также при описании идейно-тематического содержания рассматриваемого произведения, о чем свидетельствует следующий пример, взятый из ЛКК „Brands Bücher“, в которой Й.-У. Брандт анализирует документальное исследование двух современных историков Зенке Найтцель и Вельцера Харальда „ Soldaten: Protokolle vom Kämpfen, Töten und Sterben“ («Солдаты Вермахта. Подлинные свидетельства боев, страданий и смерти»):

(169) *Das Buch schildert die pure Verrohung. Von Habgier ist die Rede. Von Massenvergewaltigungen. Von Mordlust. (F, 12.04.11)*

Обобщающее понятие, выраженное лексемой *Verrohung*, раскрывается в ряд детализирующих его лексем (*Habgier, Massenvergewaltigungen, Mordlust*), свидетельствующих о жестокой деятельности солдат Вермахта в годы Второй мировой войны. Экспрессивная установка здесь заключается в том, чтобы посредством последовательного накопления лексем с отрицательной коннотацией, вызвать у читателя чувство ужаса и тревоги, антипатии к действующим лицам описываемых событий.

Стиль Й.-У. Брандта отличается незначительным использованием лексических стилистических приемов, тропов. Редкие примеры использования метафоры, сравнения и иронии иллюстрируют случаи употребления этих стилистических фигур в текстах ЛКК в качестве средств выражения имплицитного оценочного значения. Подобный отказ автора от насыщения текста образными лексическими средствами, непосредственно представляющими авторскую индивидуальность, вызывает, на первый взгляд, недоумение, т.к. данный жанр предоставляет широкие возможности для самовыражения автора. Однако отсутствие тропов отнюдь не свидетельствует о недостаточном уровне мастерства критика. Возможно, в сознательном игнорировании лексических средств образности языка проявляется нежелание автора усложнять восприятие текста читателем, т.к. они требуют дополнительных интерпретационных усилий.

3.2.3 Особенности идиостиля Э. Хайденрайх в ЛКК „Weiterlesen!“

Важнейшим вкладом в развитие современной литературной критики Германии можно считать популяризацию литературы, которую Э. Хайденрайх осуществляет через обращение к широкой публике по различным каналам распространения СМИ (пресса, телевидение, радио, Интернет). Юмор, простота и доступность – эти понятия составляют основу ее неповторимого стиля и обеспечивают успех популярности немецкой писательницы, публициста и литературного критика.

Литературно-критическая колонка Э. Хайденрайх „Weiterlesen“ в меньшей степени отвечает формам и способам представления критики литературных произведений, принятым в традиционных литературно-критических жанрах. Колонка Э. Хайденрайх представляет собой свободное размышление критика об актуальных событиях, произошедших в сфере общества и литературы. Регулярный выход ЛКК позволяет уделять внимание событиям, происходящим в конкретный период времени: декабрьская колонка посвящена рождественской тематике, в ней подводятся итоги книжного года, в летний период тематика колонок может включать обзор рекомендуемой литературы для отпуска.

В рамках творческой деятельности Э. Хайденрайх в ЛКК „Weiterlesen“ ориентацию на массовость аудитории и общедоступность изложения можно рассматривать как ведущие стратегические цели критика, поэтому непринужденность, повышенная эмоциональность и ироничность изложения определяют основу ее индивидуального стиля.

Эмоциональность и игровой характер колонки проявляются за счет употребления различных **средств разговорного стиля**. Автору удается создать текст, имитирующий непосредственный разговор критика с читателем. Языковыми средствами реализации диалогичности ЛКК выступают, таким образом, обращения:

(170) *Lieben* ***Sie*** *mich getrost nicht, aber lesen* ***Sie****, was ich* ***Ihnen*** *vorschlage. Und für die ganz* ***Begriffsstutzigen*** *auch gern noch mal: nein, es handelt sich nicht um Literaturkritik. Es handelt sich einfach nur um Lesevorschläge von einer, die weiß, was sie da liest und tut. Das bedeutet nicht, dass ich Sie aus dem Garten der Vernunft ins Reich des Blöden schicken möchte. Aber ein bisschen Leidenschaft,* ***Herrschaften****, kann nicht schaden. (St, 12.05.09)*

Э. Хайденрайх обращается к своей аудитории как уважительно-нейтрально (в случае, когда употребляется форма вежливого местоименного обращения *Sie*), так и непринужденно-фамильярно (разговорная лексема с пейоративным значением *Begriffsstutzigen*), а также в возвышенном тоне (лексема *Herrschaften*). Данный пример содержит также лексические и синтаксические средства разговорного стиля, метафору (*aus dem Garten der Vernunft ins Reich des Blöden)* благодаря которым повышается общая эмоциональность и экспрессивность речи, а также достигается общий иронический эффект.

Альтернативным способом авторского обращения к аудитории является использование глагола в побудительном наклонении:

(171) *(1) Also gut:* ***Lesen****! (2) Aber nicht in der Bahn oder im Flugzeug, wie früher mal. (3) Das geht nicht mehr. (4) Zu laut, zu voll, zu eng, zu musikberieselt,* ***und*** *wenn man gerade versinkt, sagt der Pilot,* ***wie*** *hoch wir sind,* ***dass*** *links unten Braunschweig ist* ***und dass*** *es in Hamburg regnet,* ***und*** *der Zugbegleiter erzählt von Rindsroulade bürgerlich* ***und*** *vom Bistrowagen. (St, 19.04.09)*

В данном случае обращение к аудитории реализуется посредством использования глагола *lesen* в императиве. Подобная форма обращения носит рекомендательный характер, что может интерпретироваться как положительная оценка рассматриваемого произведения. Приведенный фрагмент текста содержит также примеры способов синтаксической организации текста, передающей спонтанность разговорной речи. Так, предложение (4) начинается с перечисления контекстуальных синонимов, оформленных в виде повторов с усилительной частицей *zu*. Автор стремится передать таким образом шумную и суетную атмосферу в дороге, посредством возрастающей напряженности текста.

Намеренное увеличение союзов в предложении (полисиндетон) обеспечивает дальнейшую передачу ощущения интенсивности, динамичности изложения.

Дружественное отношение к читателю проявляется в использовании глаголов в повелительном наклонении, употребленных во втором лице единственного числа:

(172) *So magisch poetisch wie der Kolumbianer ist der Mexikaner nicht, aber er ist verdammt gescheit und überblickt Dinge in dieser Welt, die ich nicht mal ansatzweise begreife: das Humangenom, Tschernobyl, den Bankencrash, und darüber schreibt er, und* ***guck mal an****: ich verstehe es. (St, 19.04.09)*

В данном фрагменте речь идет о книге мексиканского новеллиста Хорхе Вольпи „Zeit der Asche“ (оригинал названия „Le Temps des cendres“), в которой он рассуждает о серьезных проблемах современности в доступной для читателя форме. Простое и занимательное изложение сложного материала положительно оценивается критиком: выступая в данной колонке от первого лица (личное местоимение *ich*), автор ставит себя на место аудитории и определяет, тем самым, уровень сложности интерпретации литературного произведения.

К способам передачи спонтанной речи можно также отнести использование **лексических** средств разговорного стиля. Яркие и экспрессивные лексемы разговорного стиля передают эмоциональное состояние автора, а также способствуют усилению образного воздействия на читателя:

(173) *Bei mir dürfen sie rauchen und lärmen, aber mit dem iPhone spielen ist verboten.* ***Blöde Glasplatte, blöde.*** *(St, 19.04.09)*

Негативное отношение к информационному обществу и его проявлению в виде новейших средств коммуникации критик выражает при помощи отрицательно-окрашенной разговорной лексемы *blöd* и метонимического наименования мобильного телефона известной марки *Glassplatte*. Разговорные лексемы создают непринужденность общения критика с аудиторией.

Как известно, потенциал разговорной лексики в условиях публицистического стиля позволяет достичь большей образности при передаче оттенков эмоциональных состояний. Например, нейтральный глагол *schimpfen*

при замене на эмоционально-окрашенный *wettern* придает высказыванию большую выразительность и своеобразный иронический характер:

(174) *Auch schön: mein Verleger* ***wettert*** *(und wie ich finde: zu Recht) in Interviews gegen das E-Book. (St, 19.04.09)*

Активное употребление **англицизмов** в текстах колонок „Weiterlesen!“ также является характерной чертой индивидуального стиля Э. Хайденрайх:

(175) *Martin Suter schreibt bei Diogenes „Das Bonus-Geheimnis“, neue Geschichten aus* ***der Business Class.*** *Auf dem* ***Cover*** *eine Havanna rauchende Schöne, na also. (St, 19.04.09)*

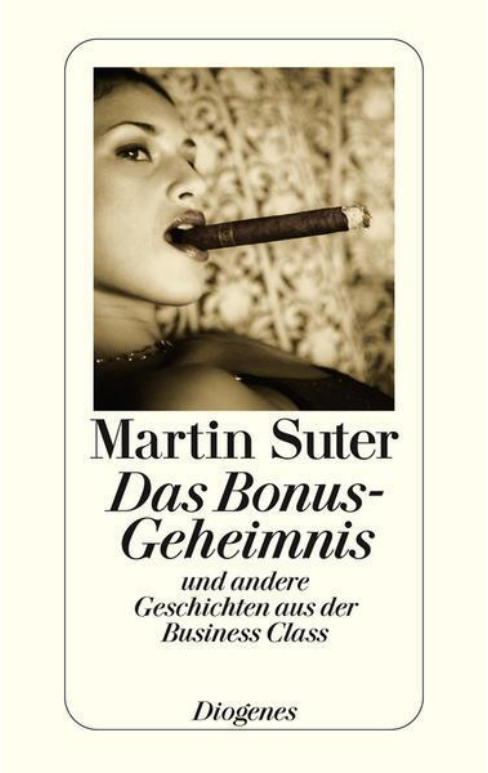


Рис. 4. Обложка книги М. Сутера „Das Bonus-Geheimnis: Und andere Geschichten aus der Business Class“.

В приведенном примере поводом для создания игрового эффекта в тексте посредством использования англицизмов является название романа швейцарского писателя Мартина Сутера „Das Bonus-Geheimnis: Und andere Geschichten aus der Business Class“. Автор не приводит полное название книги, а разделяет его, используя вторую часть названия в качестве описания тематики литературного произведения. Лексема *Cover* поддерживает выбранный стиль. Фразеоклише *na*

also выражает одобрение критика в отношении фотографии на обложке книги, и ситуативно связано с предыдущим контекстом (см. пример (111) на стр. 96).

Источником англицизмов может служить и полное прецедентное имя, например, название известного музыкального рок-фильма „And a star is born”, которое критик может использовать в качестве оценочного суждения:

(176) *Jetzt ist Herta Müller aus Siebenbürgen, aus Rumänien, aus der damals grässlichsten aller östlichen Diktaturen Millionärin. Jetzt noch, wie gesagt, „was machen wir denn mit den Haaren?“* ***and a star is born.*** *(St, 10.10.09)*

Эльке Хайденрайх рассуждает в ЛКК о результатах присуждения нобелевской премии писательнице румынского происхождения Герте Мюллер. Название колонки звучит как „Sie braucht dringend eine neue Frisur“, и речь в ней идет больше о внешнем виде писательницы, чем о ее творчестве.

Наряду с разговорными лексемами в текстах колонок Хайденрайх были также отмечены разговорные частицы и междометия (*na, mal, ja, ach*), способствующие передаче спонтанной речи, которые являются поддерживающими элементами в создании эмоционального потока речи.

Помимо лексических средств, для индивидуально-авторского стиля Э. Хайденрайх характерно употребление **средств экспрессивного синтаксиса** для передачи разговорной речи.

Так, например, при описании окружающей обстановки в обществе, актуальной на момент написания колонки, могут использоваться номинативные односоставные предложения в комбинации с приемом повтора, перечисления, создающих эффект амплификации:

(177) ***Kalender, Kalender, Kalender. Katzen. Literatur, Opern, Gemüse, Dichter, Gletscher, Garten, Küchen,*** *es ist alles da, und ich erzähle Ihnen jetzt mein schönstes Kalendererlebnis. (St, 12.11.09)*

В структуру номинативных предложений, напоминающих однородные члены, входят лексемы, которые могут рассматриваться как концепты, относящиеся к сфере праздника Рождества. Высказывание приобретает усиленный динамический характер, создается имитация «поток мыслей»: все это

воздействует на образно-эмоциональное восприятие читателя, вызывая у него ассоциации с предпраздничной суетой.

При описании проблематики литературного произведения критик использует ряд восклицательных предложений, посредством которых высказывание также приобретает динамику и эмоциональность. Благодаря такому приему автору удается передать тревожное настроение и напряженную атмосферу в обществе:

(178) *Krise! Sparen! Vor allem an der Kultur! Richtig so, sagt Alessandro Baricco, der Autor von „Seide“ und ähnlichen Herzensbüchern. (St, 19.04.09)*

Следующий пример также иллюстрирует подобный «лозунговый» способ синтаксического оформления высказывания:

(179) *„Mir ging es nicht darum, zu schaffen, was mir gefiel, sondern erst mal darum, zu beseitigen, was mir nicht gefiel.“ Das sollten wir uns merken.* ***Raus*** *mit dem Plunder aus unserem Leben, aus den Schränken, Herzen, Köpfen!* ***Rein*** *mit Luft und Lust und Liebe, mit schönen Büchern, guter Musik, und pfeifen auf das, was so rundum gesagt wird. (St, 11.08.09)*

Пример содержит высказывание Коко Шанель, которое Э. Хайденрайх посредством цитаты приводит в качестве иллюстрации принципа жизни известного модельера. Критик стремится подчеркнуть важность этого суждения и обратить на него внимание читателя, застав его задуматься о смысле сказанного (дружественно-рекомендательный тон поддерживается модальным глаголом *sollen* в форме сослагательного наклонения и местоимением *wir*). Хайденрайх обращается к читателю с призывом освободиться от всего лишнего (негативно окрашенная разговорная лексема *Plunder* обеспечивает повышенную эмоциональность высказывания) и наполнить жизнь прекрасным (прием аллитерации в словосочетании *Luft und Lust und Liebe* воздействует на образное восприятие читателя и формирует положительные ассоциативные связи). Свое послание читателю критик оформляет по известной лозунговой схеме при помощи разговорных сокращений от наречий *heraus, herein,* используемых для обозначения направления.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III

1. Планируемое речевое воздействие как иллокутивная задача адресанта ЛКК, выражающаяся в информировании адресата и побуждении его к конкретным действиям – (не)прочтению рассматриваемого произведения, (не)изучению творчества литературных деятелей – дает основание относить данный жанр или тип текста к продуктам персуазивной (или риторической) коммуникации, для которой характерно сочетание рациональных аргументов и оценочных суждений, отвечающих двойственной природе воздействия на адресата. Таким образом, наше исследование позволяет дополнить ряд традиционно выделяемых коммуникативных сфер реализации персуазивности (политика, реклама, религиозные проповеди, частная жизнь), сферой литературно-критической коммуникации на примере жанра ЛКК. Это открывает дальнейшие перспективы изучения функционирования данной категории в других литературно-критических жанрах (например, интервью, телевизионная дискуссия и др.)

2. Являясь интенциональной категорией ЛКК, персуазивность может быть рассмотрена как ее текстообразующая категория, служащая для структурирования текста. Находя свое выражение в виде стратегии оценки – универсальной персуазивной стратегии – она подчиняет себе лексико-семантические и стилистические ресурсы выразительности.

3. Как показал анализ практического материала, стратегия оценки в ЛКК реализуется в двух основных тактиках – тактиках прямой и косвенной оценки. В сравнительном отношении тактика прямой оценки преобладает в текстах ЛКК, так как отвечает самой прагматической направленности критического жанра. Тактика косвенной оценки служит дополнительным средством осуществления интенциональной задачи автора за счет эмоционально-психологического воздействия на читателя.

4. Оценка в текстах ЛКК, выступая как универсальная стратегия персуазивности, выполняет, таким образом, ориентирующую и стимулирующую функции. Ориентирующая функция заключается в том, что на основании авторитетной оценки объекта, выносимой экспертом в области литературной критики, читатель способен вписывать данный объект в собственную ценностную парадигму или аксиологическую систему. Ввиду своей авторитетности авторская оценка служит для него ориентиром, т.к. он может полагаться на мнение квалифицированного критика. Стимулирующая функция оценки в ЛКК проявляется в ее побуждении к конкретному действию со стороны адресата после прочтения публикации.

5. Марсель Райх-Раницкий, как главный представитель классической литературно-критической школы Германии, успешно реализует свою деятельность в меняющихся условиях коммуникации: будучи профессионалом своего дела, он легко адаптируется к изменениям в жанровой системе литературно-критического медийного дискурса, в частности, к появлению в нем жанра ЛКК. Благодаря наличию такого структурного элемента, как вопрос читателя, критику удается в рамках данного жанра создать условия непосредственного контакта с аудиторией, что проявляется в усиленной диалогической природе текстов ЛКК „Fragen Sie Reich-Ranicki“. Главными векторами его критической деятельности в рамках жанра ЛКК являются, таким образом, ориентированность на читателя и доступная иллюстративная форма подачи информации, облегчающая читателю понимание и интерпретацию его суждений. Для реализации этих целей Райх-Раницкий использует тактики комментирования и акцентирования информации, тактику поляризации и контраста, проявляющиеся посредством использования стилистических приемов парантеза, антитезы, оксюморона, хиазма.

6. Главными стратегическими целями, которые ставит перед собой автор ЛКК „Brands Bücher“ Йобст Ульрих Брандт, являются привлекательное представление содержательной стороны литературного произведения (информативный план

ЛКК) и наиболее доходчивое и убедительное объяснение сильных сторон объекта критики (оценочный план ЛКК). Проведенный анализ показал, что в индивидуальном стиле Йобста-Ульриха Брандта преобладает средства экспрессивного синтаксиса, которые служат реализации тактик обобщения и конкретизации, нацеленных на усиление аргументации. По сравнению с другими рассматриваемыми в данном исследовании колонками, ЛКК „Brands Bücher“ в меньшей степени проявляет черты диалогичности. Синтаксические приемы парцелляции и перечисления в текстах ЛКК Брандта направлены на актуализацию диалогических связей внутри данного публицистического текста.

7. Нетрадиционная по форме и характеру представления критических суждений колонка Э. Хайденрайх отвечает, в то же время, традиционному для иллюстрированного журнала „Stern“ формату подачи материала: развлекательность, эмоциональность и непринужденность по отношению к аудитории находят свое языковое отражение в текстах ЛКК „Weiterlesen!“. Э. Хайденрайх, как и ее коллеги, ориентируется на массового читателя и стремится к максимальной доступности изложения, однако для реализации данных глобальных стратегий она избирает игровую тактику, заключающуюся в создании занимательного, непринужденного тона повествования. Таким образом, языковые средства передачи разговорной речи составляют основу ее индивидуального стиля, в котором можно, прежде всего, отметить тенденции к активному употреблению экспрессивных эмоционально-окрашенных лексем, англицизмов, синтаксические приемов повтора, перечисления и др.

Заключение

В условиях информационного общества возрастает роль журналистики как социально-ориентирующей деятельности: в силу увеличивающегося потока информации теряется ее авторитетность. Выбор суждений и мнений, на основе которых представляется возможным построение своей собственной системы ценностей, становится все сложнее для современного человека. Отсюда возрастает потребность доступа к мнению авторитетного эксперта, чтобы с опорой на него формировать свою точку зрения по важным вопросам в области политики, экономики, культуры и искусства – в частности, литературы.

В рамках проведенного исследования были изучены тексты публикаций литературно-критической тематики в общественно-политической прессе современной Германии. Источником материала послужили публикации, взятые из интернет-версий общерегиональной газеты „Frankfurter Allgemeine Zeitung“, а также иллюстрированных журналов „Spiegel“ и „Stern“ за последние 10 лет. В диссертации был выделен ряд общих признаков у рассматриваемых текстов: как формального (небольшой объем и регулярность появления публикаций в периодическом издании), так и содержательного характера (общее тематическое содержание, тип адресанта (автора текста), целевая установка). Эти тексты имеют гетерогенный характер и содержат признаки жанров рецензии и авторской колонки. От жанра рецензии их отличает свобода в выборе предмета отображения: помимо критического рассмотрения отдельного литературного произведения, публикации могут быть посвящены жизни и творчеству писателя, представлять собой подборку книг на определенную тематику, отражающую актуальную социальную проблему. Принципиальным для этих текстов является усиленный акцент на личности критика как публичной персоны и носителя авторитетного мнения, который препятствует тому, чтобы отнести их к ведущему

жанру литературной критики. Высокая степень субъективизма и проблемность, наряду с объемом и регулярностью выхода в печатном издании, выявляет родственную связь данных текстов с жанром авторской колонки. Но в силу таких факторов, как постоянство тематики (в противовес ее вариативности в случае авторской колонки), а также обязательное наличие профессиональной компетентности у известной личности автора публикаций препятствуют определению этих текстов как представителей жанра «авторская колонка».

Следуя публицистической традиции выделения жанров на основании таких признаков, как сходство предмета отображения, наличие конкретной целеустановки, определенного типа адресанта с характерными для него индивидуально-стилевыми особенностями, нам удалось определить анализируемые тексты как самостоятельный жанр – жанр литературно-критической колонки (ЛКК). ЛКК – газетно-журнальный жанр литературной критики, проявляющий в себе авторскую рефлексию об актуальных явлениях литературного мира, а также современных проблемах общества через их отражение в литературе.

В рамках лингвистического подхода анализируемые текстовые экземпляры были отнесены к определенному типу текста «литературно-критическая колонка» с характерным для него комплексом коммуникативных, функциональных и структурных особенностей. Установлено, что основными функциями типа текста «ЛКК» являются оценочная, информирующая, функция самопрезентации автора, которые соотносимы с основными задачами критика в ходе создания текста ЛКК. Оценочная функция проявляется в предоставлении адресату ЛКК результата критического анализа объекта рассмотрения ЛКК; оценочная функция возникает как результат персуазивной стратегии автора, проявляющейся в достижении воздействия на эмоционально-волевую сферу адресата с целью влияния на формирование его мнения и побуждения его к определенным действиям, в частности, (не)прочтению литературного произведения. Информирующая функция предполагает оповещение читателя о появлении нового литературного

произведения и сообщение необходимых фактов, связанных с объектом рассмотрения. Функция самопрезентации автора реализуется в возможности создания критиком своего узнаваемого образа, демонстрации своего опыта, репутации, профессионализма. Для данного типа текста характерны также аналитическая, селективная и ориентирующая функции, проявляющиеся в процессе анализа и отбора наиболее значимых с точки зрения их художественно-идейного содержания литературных явлений в целях привлечения внимания к ним читателя, которые могут быть соотнесены с общими задачами литературной критики.

Основными элементами структуры текста ЛКК являются заголовочный комплекс, зачин, основной текст. К факультативным элементам можно отнести иконический компонент, представляющий собой иллюстрацию обложки книги литературного произведения или портрета писателя, а также вопрос читателя. Заголовочный комплекс состоит из надзаголовка, заголовка и лида. Надзаголовок обладает минимальной степенью воздействия на читателя и выполняет назывную функцию, сообщая о названии рубрики или анализируемого литературного произведения. Заголовок ЛКК является важной составляющей организации текста ЛКК: он удерживает внимание читателя и пробуждает в нем интерес к дальнейшему прочтению материала, реализуя, тем самым, рекламную функцию, и содержит оценку, выражающую отношение критика к рассматриваемому объекту ЛКК и настраивающую его на дальнейшее восприятие текста в определенной тональности. Усиление воздействующего эффекта в заголовках достигается за счет использования стилистических приемов аллитерации, иронии, употребления лексики разных регистров. Лид, информирующий читателя об общем содержании ЛКК, поддерживает интерес к публикации, вызванный заголовком, благодаря наличию оценочного компонента. Зачин является отправной точкой рассуждения автора ЛКК. С помощью зачина критик подготавливает читателя к дальнейшему восприятию критического рассмотрения темы в основном корпусе текста. Было установлено, что описательный тип зачина позволяет автору экспонировать

ситуацию, погружая читателя в контекст сюжета литературного произведения, в то время как обобщающий тип зачина расширяет рассматриваемую в произведении проблему до масштабов социологической проблемы с целью привлечения к ней внимания аудитории.

Проведенный анализ показал наличие двух блоков в основном корпусе текста ЛКК: информационного (содержащего в себе фактические сведения об анализируемом объекте: биографические сведения о писателе, пересказ событийного ряда литературного произведения) и оценочного (представляющего критический анализ объекта). Соотношение информационного и оценочного начал в основном тексте ЛКК может варьироваться вследствие общей направленности печатного издания, в зависимости от степени преобладания в нем аналитического или рекламно-развлекательного характера. Индивидуально-авторский подход к созданию текста ЛКК обусловливает отсутствие строгих закономерностей в композиции данного жанра.

Исследование показало, что функциональная направленность текста ЛКК детерминирует его структурную организацию: авторская оценка пронизывает текстовую ткань ЛКК, включая все структурные элементы и формируя структурно-семантический каркас данного типа текста. Оценка в ЛКК представляет собой и коммуникативную функцию текста, и текстовую категорию, с помощью которой реализуется персуазивная стратегия. В соответствии с типом адресата, под посткоммуникативными действиями в условиях реализации ЛКК понимается прочтение /преднамеренный отказ от прочтения оцениваемого литературного произведения (тип адресата – читатель); стимул/демотивация к дальнейшим творческим поискам (тип адресата – писатель); увеличение/уменьшение тиражей, перевыпуск старых изданий (тип адресата – издательство). Данные действия отождествляются с ситуациями, требующими принятия решения, необходимости определенного выбора, к условиям которых, как известно, успешно приспосабливается язык оценки. Оценка, таким образом, проявляет свою персуазивную направленность. Оценка в текстах ЛКК выполняет

ориентирующую и стимулирующую функции, обеспечивая читателю возможность на основании оценки, вынесенной компетентным лицом, вписать рассматриваемый объект в свою систему ценностей, и побуждая читателя к конкретному действию после прочтения публикации.

Планируемое речевое воздействие как иллокутивная задача адресанта ЛКК позволило рассмотреть данный жанр как продукт персуазивной (или риторической) коммуникации, для которой характерно сочетание рациональных аргументов и оценочных суждений, отвечающих двойственной природе воздействия на адресата. Таким образом, наше исследование дополнило ряд традиционно выделяемых коммуникативных сфер реализации персуазивности (политика, реклама, религиозные проповеди, частная жизнь), сферой литературно-критической коммуникации.

Общая персуазивная стратегия оценки в жанре ЛКК реализуется двумя способами, посредством прямой и косвенной оценки, выполняя текстообразующую функцию. Прямое оценивание преобладает над косвенной оценкой ввиду прагматической направленности самого жанра на открытое, эксплицитное выражение авторской оценки, в то время как косвенная оценка в силу имплицитности выражения рассчитана на эмоционально-психологическое воздействие и служит дополнительным средством осуществления интенциональной задачи автора. Прямая оценка представлена коммуникативными тактиками положительного и отрицательного оценивания, реализующимися посредством лексико-грамматических элементов текста: использования превосходной степени прилагательного, лексики с семантикой успеха, конструкций с распространенным определением, инверсии, парцелляции, смены регистра. Косвенное оценивание раскрывается посредством тактик аналогии, резюмирования, «оценки через обобщение», кооперации. Их языковая реализация предполагает обращение к таким риторико-стилистическим средствам, как сравнение, метафора, аллюзии, ирония, риторический вопрос.

ЛКК – свободный жанр, предоставляющий автору возможность выбора композиции и средств, наиболее полно отражающих его языковую индивидуальность. Ориентированность на читателя, наряду с доступностью интерпретации критических суждений, составляют основной спектр стратегических задач автора ЛКК. В зависимости от конкретного автора и его установок, ЛКК могут проявлять разную степень диалогичности и демонстрировать различные языковые способы риторико-аргументативной организации критических суждений.

Проведенное исследование позволяет сделать следующий вывод: в настоящее время литературная критика функционирует и эволюционирует в своем развитии, оказывая поддержку читателю в вопросах ориентации и отбора, оценки и восприятия культурных явлений. Возможно, это послужит толчком к пересмотру существующих пессимистических прогнозов развития литературной критики как в немецком, так и русском общественно-культурном пространстве: речь идет не об упадке, а о процессе трансформации, изменения функционирования литературной критики в СМИ, что представляет собой перспективу для научного исследования ее нового статуса, обоснования причин изменений с точки зрения теории литературной критики, а также описания новых жанровых форм с позиций теории журналистики и лингвистики. Вывод о том, что ЛКК может рассматриваться как продукт риторической (персуазивной) коммуникации, открывает дальнейшие перспективы изучения функционирования данной категории в других литературно-критических жанрах (например, рецензии, интервью, книжном анонсе и др.).

Список принятых сокращений и источников иллюстративного материала

FAZ, 16.04.2008 – M. Reich-Ranicki. So darf man über Literatur nicht schreiben./ Fragen Sie Reich-Ranicki./ M. Reich-Ranicki // Frankfurter Allgemeine Zeitung – 16.04.2008. URL: http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/fragen-sie-reich-ranicki/fragen-sie-reich-ranicki-so-darf-man-ueber-literatur-nicht-schreiben-1549621.html (дата обращения: 20.09.2015)

FAZ, 24.04.2008 – M. Reich-Ranicki. Ein verzweifelter Genießer des Lebens./ Fragen Sie Reich-Ranicki./ M. Reich-Ranicki // Frankfurter Allgemeine Zeitung – 24.04.2008. URL: http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/fragen-sie-reich-ranicki/fragen-sie-reich-ranicki-ein-verzweifelter-geniesser-des-lebens-1549649.html (дата обращения: 20.09.2015)

FAZ, 09.05.08– M. Reich-Ranicki. Er sprengt jeden Rahmen./ Fragen Sie Reich-Ranicki./ M. Reich-Ranicki // Frankfurter Allgemeine Zeitung – 09.05.08. URL: http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/fragen-sie-reich-ranicki/fragen-sie-reich-ranicki-er-sprengt-jeden-rahmen-1549630.html (дата обращения: 20.09.2015)

FAZ, 26.05.2010 – M. Reich-Ranicki. Das Warten der Leidenden./ Fragen Sie Reich-Ranicki./ M. Reich-Ranicki // Frankfurter Allgemeine Zeitung – 26.05.2010. URL: http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/fragen-sie-reich-ranicki/fragen-sie-reich-ranicki-das-warten-der-leidenden-1978381.html (дата обращения: 20.09.2015)

FAZ, 09.06.2010 – M. Reich-Ranicki. Ich bitte um Nachsicht./ Fragen Sie Reich-Ranicki./ M. Reich-Ranicki // Frankfurter Allgemeine Zeitung – 09.06.2010. URL: http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/fragen-sie-reich-ranicki/fragen-sie-reich-ranicki-ich-bitte-um-nachsicht-1999012.html (дата обращения: 20.09.2015)

FAZ, 16.06.2010 – M. Reich-Ranicki. Der Geschmack von Roman./ Fragen Sie Reich-Ranicki./ M. Reich-Ranicki // Frankfurter Allgemeine Zeitung – 16.06.2010.

URL: http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/fragen-sie-reich-ranicki/fragen-sie-reich-ranicki-der-geschmack-von-roman-1991893.html (дата обращения: 20.09.2015)

FAZ, 06.10.2010 – M. Reich-Ranicki. Ein Seher und Prophet./ Fragen Sie Reich-Ranicki./ M. Reich-Ranicki // Frankfurter Allgemeine Zeitung – 06.10.2010. URL: http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/fragen-sie-reich-ranicki/fragen-sie-reich-ranicki-ein-seher-und-prophet-11057350.html (дата обращения: 20.09.2015)

FAZ, 18.10.2010 – M. Reich-Ranicki. Dichter einer versunkenen Welt./ Fragen Sie Reich-Ranicki./ M. Reich-Ranicki // Frankfurter Allgemeine Zeitung – 18.10.2010. URL: http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/fragen-sie-reich-ranicki/fragen-sie-reich-ranicki-dichter-einer-versunkenen-welt-11057342.html (дата обращения: 20.09.2015)

FAZ, 10.01.2011 – M. Reich-Ranicki. Ein Kleinkunsttalent des größten Formats./ Fragen Sie Reich-Ranicki./ M. Reich-Ranicki // Frankfurter Allgemeine Zeitung – 10.01.2011. URL: http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/fragen-sie-reich-ranicki/fragen-sie-reich-ranicki-ein-kleinkunsttalent-des-groessten-formats-1573355.html (дата обращения: 20.09.2015)

FAZ, 18.01.2011 – M. Reich-Ranicki. Ein Deutscher ohne Deutschland./ Fragen Sie Reich-Ranicki./ M. Reich-Ranicki // Frankfurter Allgemeine Zeitung – 18.01.2011. URL: http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/fragen-sie-reich-ranicki/fragen-sie-reich-ranicki-ein-deutscher-ohne-deutschland-1582547.html (дата обращения: 20.09.2015)

FAZ, 07.03.2011 – M. Reich-Ranicki. Polens ungekrönter König./ Fragen Sie Reich-Ranicki./ M. Reich-Ranicki // Frankfurter Allgemeine Zeitung – 07.03.2011. URL: http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/fragen-sie-reich-ranicki/fragen-sie-reich-ranicki-polens-ungekroenter-koenig-1612927.html (дата обращения: 20.09.2015)

FAZ, 16.03.2011 – M. Reich-Ranicki. Der polnische Goethe./ Fragen Sie Reich-Ranicki./ M. Reich-Ranicki // Frankfurter Allgemeine Zeitung – 16.03.2011. URL:

http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/fragen-sie-reich-ranicki/fragen-sie-reich-ranicki-der-polnische-goethe-1612945.html (дата обращения: 20.09.2015)

FAZ, 28.03.2011 – M. Reich-Ranicki. Verleger sind keine Volkserzieher./ Fragen Sie Reich-Ranicki./ M. Reich-Ranicki // Frankfurter Allgemeine Zeitung – 28.03.2011. URL: http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/fragen-sie-reich-ranicki/fragen-sie-reich-ranicki-verleger-sind-keine-volkserzieher-1612940.html (дата обращения: 20.09.2015)

FAZ, 18.04.2011 – M. Reich-Ranicki. Ich kapitulierte./ Fragen Sie Reich-Ranicki./ M. Reich-Ranicki // Frankfurter Allgemeine Zeitung – 18.04.2011. URL: http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/fragen-sie-reich-ranicki/fragen-sie-reich-ranicki-ich-kapitulierte-1628099.html (дата обращения: 20.09.2015)

FAZ, 26.04.2011 – M. Reich-Ranicki. Die Avantgarde altert rasch./ Fragen Sie Reich-Ranicki./ M. Reich-Ranicki // Frankfurter Allgemeine Zeitung – 26.04.2011. URL: http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/fragen-sie-reich-ranicki/fragen-sie-reich-ranicki-die-avantgarde-altert-rasch-1628096.html (дата обращения: 20.09.2015)

FAZ, 07.06.2011 – M. Reich-Ranicki. Ein Gefühlssozialist./ Fragen Sie Reich-Ranicki./ M. Reich-Ranicki // Frankfurter Allgemeine Zeitung – 07.06.2011. URL: http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/fragen-sie-reich-ranicki/fragen-sie-reich-ranicki-ein-gefuehlssozialist-1657297.html (дата обращения: 20.09.2015)

FAZ, 04.07.2011 – M. Reich-Ranicki. Die Zärtlichkeit eines Zorns./ Fragen Sie Reich-Ranicki./ M. Reich-Ranicki // Frankfurter Allgemeine Zeitung – 04.07.2011. URL: http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/fragen-sie-reich-ranicki/fragen-sie-reich-ranicki-die-zaertlichkeit-eines-zorns-17010.html (дата обращения: 20.09.2015)

FAZ, 20.07.2011 – M. Reich-Ranicki. Ein Weltmeister im Selbstlob./ Fragen Sie Reich-Ranicki./ M. Reich-Ranicki // Frankfurter Allgemeine Zeitung – 20.07.2011.

URL: http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/fragen-sie-reich-ranicki/fragen-sie-reich-ranicki-ein-weltmeister-im-selbstlob-1462.html (дата обращения: 20.09.2015)

FAZ, 16.10.2011 – M. Reich-Ranicki. Sie suchte das rechte, das milde Licht./ Fragen Sie Reich-Ranicki./ M. Reich-Ranicki // Frankfurter Allgemeine Zeitung – 16.10.2011. URL: http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/fragen-sie-reich-ranicki/fragen-sie-reich-ranicki-sie-suchte-das-rechte-das-milde-licht-11635160.html (дата обращения: 20.09.2015)

FAZ, 18.02.2012 – M. Reich-Ranicki. Der Dichter der großen Vergeblichkeit./ Fragen Sie Reich-Ranicki./ M. Reich-Ranicki // Frankfurter Allgemeine Zeitung – 18.02.2012. URL: http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/fragen-sie-reich-ranicki/fragen-sie-reich-ranicki-der-dichter-der-grossen-vergeblichkeit-11654632.html (дата обращения: 20.09.2015)

FAZ, 21.03.2012 – M. Reich-Ranicki. Interessanter als die Lustspiele von Oscar Wilde./ Fragen Sie Reich-Ranicki./ M. Reich-Ranicki // Frankfurter Allgemeine Zeitung – 21.03.2012. URL: http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/fragen-sie-reich-ranicki/fragen-sie-reich-ranicki-interessanter-als-die-lustspiele-von-oscar-wilde-11688200.html (дата обращения: 20.09.2015)

FAZ, 16.06.2012 – M. Reich-Ranicki. Der Traum vom Allesaussprechenkönnen./ Fragen Sie Reich-Ranicki./ M. Reich-Ranicki // Frankfurter Allgemeine Zeitung – 16.06.2012. URL: http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/fragen-sie-reich-ranicki/fragen-sie-reich-ranicki-der-traum-vom-allesaussprechenkoennen-11788468.html (дата обращения: 20.09.2015)

F, 01.03.2011 – J.-U. Brand. Später Bestseller./Brands Bücher./J.-U. Brand // FOCUS – 01.03.2011. URL: http://www.focus.de/kultur/buecher/brands-buecher/hans-fallada-spaeter-bestseller_aid_604517.html (дата обращения: 20.09.2015)

F, 19.04.2011 – J.-U. Brand. John Burnsides Lügen über seinen Vater./Brands Bücher./J.-U. Brand // FOCUS – 19.04.2011. URL:

http://www.focus.de/kultur/buecher/brands-buecher/petrarca-preis-john-burnsides-luegen-ueber-seinen-vater_aid_619828.html (дата обращения: 20.09.2015)

F, 26.04.2011 – J.-U. Brand. Expedition ins Bier-Reich./Brands Bücher./J.-U. Brand // FOCUS – 26.04.2011. URL: http://www.focus.de/kultur/buecher/brands-buecher/brands-buecher-expedition-ins-bier-reich_aid_621516.html (дата обращения: 20.09.2015)

F, 03.05.2011 – J.-U. Brand. Bin Laden ist ein Verbrecher – nicht böse./Brands Bücher./J.-U. Brand // FOCUS – 03.05.2011. URL: http://www.focus.de/kultur/buecher/brands-buecher/brands-buecher-bin-laden-ist-ein-verbrecher-nicht-boese_aid_623586.html (дата обращения: 20.09.2015)

F, 10.05.2011 – J.-U. Brand. Die Erfindung des Ichs./Brands Bücher./J.-U. Brand // FOCUS – 10.05.2011. URL: http://www.focus.de/kultur/buecher/brands-buecher/max-frisch-die-erfindung-des-ichs_aid_625841.html (дата обращения: 20.09.2015)

F, 17.05.2011 – J.-U. Brand. Sieg des fröhlichen Zynismus./Brands Bücher./J.-U. Brand // FOCUS – 17.05.2011. URL: http://www.focus.de/kultur/buecher/brands-buecher/diktatur-der-freiheit-sieg-des-froehlichen-zynismus_aid_628267.html (дата обращения: 20.09.2015)

F, 24.05.11– J.-U. Brand. Das intellektuelle Vakuum./Brands Bücher./J.-U. Brand // FOCUS – 24.05.11. URL: http://www.focus.de/kultur/buecher/brands-buecher/kafka-war-jung-und-er-brauchte-das-geld-das-intellektuelle-vakuum_aid_630487.html (дата обращения: 20.09.2015)

F, 31.05.2011 – J.-U. Brand. Ein Leben als Neutronenfutter./Brands Bücher./J.-U. Brand // FOCUS – 31.05.2011. URL: http://www.focus.de/kultur/buecher/brands-buecher/der-reaktor-ein-leben-als-neutronenfutter_aid_632808.html (дата обращения: 20.09.2015)

F, 14.06.2011 – J.-U. Brand. Die Freiheit nehm ich dir./Brands Bücher./J.-U. Brand // FOCUS – 14.06.2011. URL: http://www.focus.de/kultur/buecher/brands-buecher/subs-die-freiheit-nehm-ich-dir_aid_636772.html (дата обращения: 20.09.2015)

F, 21.06.2011 – J.-U. Brand. Kickboxen mit dem Papst./Brands Bücher./J.-U. Brand // FOCUS – 21.06.2011. URL: http://www.focus.de/kultur/buecher/brands-buecher/brands-buecher-kickboxen-mit-dem-papst_aid_638798.html (дата обращения: 20.09.2015)

F, 28.06.2011 – J.-U. Brand. Flirt mit dem Tod./Brands Bücher./J.-U. Brand // FOCUS – 28.06.2011. URL: http://www.focus.de/kultur/buecher/brands-buecher/brands-buecher-ernest-hemingway-flirt-mit-dem-tod_aid_641006.html (дата обращения: 20.09.2015)

F, 05.07.2011 – J.-U. Brand. Gegen Bier zurück am Rechner./Brands Bücher./J.-U. Brand // FOCUS – 05.07.2011. URL: http://www.focus.de/kultur/buecher/brands-buecher/echtleben-gegen-bier-zurueck-am-rechner_aid_643022.html (дата обращения: 20.09.2015)

F, 12.07.2011 – J.-U. Brand. Jesus-Geschichte bleibt unbefleckt./Brands Bücher./J.-U. Brand // FOCUS – 12.07.2011. URL: http://www.focus.de/kultur/buecher/brands-buecher/martin-walsers-neuer-roman-muttersohn-jesus-geschichte-bleibt-unbefleckt_aid_645085.html (дата обращения: 20.09.2015)

F, 26.07.2011 – J.-U. Brand. Vom Grauen des Gaddafi-Regimes./Brands Bücher./J.-U. Brand // FOCUS – 26.07.2011. URL: http://www.focus.de/kultur/buecher/brands-buecher/geschichte-eines-verschwindens-vom-grauen-des-gaddafi-regimes_aid_649425.html (дата обращения: 20.09.2015)

F, 10.08.2011 – J.-U. Brand. Ein schrecklich schlechter Roman./Brands Bücher./J.-U. Brand // FOCUS – 10.08.2011. URL: http://www.focus.de/kultur/buecher/brands-buecher/tid-23259/einsame-spitze-ein-schrecklich-schlechter-roman_aid_653932.html (дата обращения: 20.09.2015)

F, 16.08.2011 – J.-U. Brand. Leben in der Vollkasko-Gesellschaft./Brands Bücher./J.-U. Brand // FOCUS – 16.08.2011. URL: http://www.focus.de/kultur/buecher/brands-buecher/brands-buecher-schimmernder-dunst-ueber-cobycounty-leben-in-der-vollkasko-gesellschaft_aid_655869.html (дата обращения: 20.09.2015)

F, 23.08.2011 – J.-U. Brand. Die DDR, die niemals unterging./Brands Bücher./J.-U. Brand // FOCUS – 23.08.2011. URL: http://www.focus.de/kultur/buecher/brands-buecher/brands-buecher-plan-d-die-ddr-die-niemals-unterging_aid_658042.html (дата обращения: 20.09.2015)

F, 30.08.2011 – J.-U. Brand. Die Droge der Straße./Brands Bücher./J.-U. Brand // FOCUS – 30.08.2011. URL: http://www.focus.de/kultur/buecher/brands-buecher/brands-buecher-homicide-die-droge-der-strasse_aid_660442.html (дата обращения: 20.09.2015)

F, 06.09.2011 – J.-U. Brand. In den Wirren der Weltgeschichte./Brands Bücher./J.-U. Brand // FOCUS – 06.09.2011. URL: http://www.focus.de/kultur/buecher/brands-buecher/brands-buecher-der-hase-mit-den-bernsteinaugen-in-den-wirren-der-weltgeschichte_aid_662628.html (дата обращения: 20.09.2015)

F, 14.09.2011 – J.-U. Brand. Wenn das Leben zu Bruch geht./Brands Bücher./J.-U. Brand // FOCUS – 14.09.2011. URL: http://www.focus.de/kultur/buecher/brands-buecher/brands-buecher-asterios-polyp-wenn-das-leben-zu-bruch-geht_aid_664855.html (дата обращения: 20.09.2015)

F, 20.09.2011 – J.-U. Brand. Monster oder Mensch?./Brands Bücher./J.-U. Brand // FOCUS – 20.09.2011. URL: http://www.focus.de/kultur/buecher/brands-buecher/brands-buecher-die-elenden-von-lodz-monster-oder-mensch_aid_667248.html (дата обращения: 20.09.2015)

F, 27.09.2011 – J.-U. Brand. Vergewaltigt, verwahrlost, verkauft./Brands Bücher./J.-U. Brand // FOCUS – 27.09.2011. URL: http://www.focus.de/kultur/buecher/brands-buecher/brands-buecher-splitterfasernackt-vergewaltigt-verwahrlost-verkauft_aid_669439.html (дата обращения: 20.09.2015)

F, 18.10.2011 – J.-U. Brand. Der Papst als Schläger und die Welt in Aufruhr./Brands Bücher./J.-U. Brand // FOCUS – 18.10.2011. URL: http://www.focus.de/kultur/buecher/brands-buecher/brands-buecher-apocalypsis-der-papst-als-schlaeger-und-die-welt-in-aufruhr_aid_675629.html (дата обращения: 20.09.2015)

F, 25.10.2011 – J.-U. Brand. Der Tanz am Abgrund./Brands Bücher./J.-U. Brand // FOCUS – 25.10.2011. URL: http://www.focus.de/kultur/buecher/brands-buecher/brands-buecher-na-und-ich-tanze-der-tanz-am-abgrund_aid_676917.html (дата обращения: 20.09.2015)

F, 08.11.2011 – J.-U. Brand. Das Buch zur Finanzkrise./Brands Bücher./J.-U. Brand // FOCUS – 08.11.2011. URL: http://www.focus.de/kultur/buecher/brands-buecher/brands-buecher-angst-das-buch-zur-finanzkrise_aid_682379.html (дата обращения: 20.09.2015)

F, 15.11.2011 – J.-U. Brand. Bestseller aus Langeweile./Brands Bücher./J.-U. Brand // FOCUS – 15.11.2011. URL: http://www.focus.de/kultur/buecher/brands-buecher/brands-buecher-eragon-iv-bestseller-aus-langeweile_aid_684587.html (дата обращения: 20.09.2015)

St, 13.01.2009 – E. Heidenreich. Jetzt wird weitergelesen!/Weiterlesen!./E. Heidenreich // Stern – 13.01.2009. URL:

http://www.stern.de/kultur/buecher/literaturkolumne-jetzt-wird-weitergelesen--3431858.html (дата обращения: 20.09.2015)

St, 10.02.2009 – E. Heidenreich. Vergesst Kehlmann, vergesst Roth./Weiterlesen!./E. Heidenreich // Stern – 10.02.2009. URL: http://www.stern.de/kultur/buecher/elke-heidenreichs--weiterlesen---vergesst-kehlmann--vergesst-roth-3436206.html (дата обращения: 20.09.2015)

St, 19.03.2009 – E. Heidenreich. Autos, Autoren, abgewrackt./Weiterlesen!./E. Heidenreich // Stern – 19.03.2009. URL: http://www.stern.de/kultur/buecher/elke-heidenreichs--weiterlesen---autos--autoren--abgewrackt-3422564.html (дата обращения: 20.09.2015)

St, 19.04.2009 – E. Heidenreich. Hausverbot fürs iPhone./Weiterlesen!./E. Heidenreich // Stern – 19.04.2009. URL: http://www.stern.de/kultur/buecher/elke-heidenreichs--weiterlesen---hausverbot-fuers-iphone-3562568.html (дата обращения: 20.09.2015)

St, 05.06.2009 – E. Heidenreich. Die Prechtisierung der Buchszene./Weiterlesen!./E. Heidenreich // Stern – 05.06.2009. URL: http://www.stern.de/kultur/buecher/elke-heidenreichs--weiterlesen---die-prechtisierung-der-buchszene-3813056.html (дата обращения: 20.09.2015)

St, 11.08.2009 – E. Heidenreich. Wie Coco Chanel uns fürs Lesen befreite./Weiterlesen!./E. Heidenreich // Stern – 11.08.2009. URL: http://www.stern.de/kultur/buecher/elke-heidenreichs--weiterlesen---wie-coco-chanel-uns-fuers-lesen-befreite-3533940.html (дата обращения: 20.09.2015)

St, 17.09.2009 – E. Heidenreich. Frau Heidenreich will Bücher verbrennen./Weiterlesen!./E. Heidenreich // Stern – 17.09.2009. URL: http://www.stern.de/kultur/buecher/elke-heidenreichs--weiterlesen---frau-heidenreich-will-buecher-verbrennen-3531368.html (дата обращения: 20.09.2015)

St, 10.10.2009 – E. Heidenreich. Sie braucht dringend eine neue Frisur./Weiterlesen!./E. Heidenreich // Stern – 10.10.2009. URL: http://www.stern.de/kultur/buecher/elke-heidenreich-ueber-herta-mueller--sie-braucht-dringend-eine-neue-frisur--3445140.html (дата обращения: 20.09.2015)

St, 12.11.2009 – E. Heidenreich. So viel Weihnachten war nie./Weiterlesen!./E. Heidenreich // Stern – 12.11.2009. URL: http://www.stern.de/kultur/buecher/elke-heidenreichs--weiterlesen---so-viel-weihnachten-war-nie-3149222.html (дата обращения: 20.09.2015)

St, 11.12.2009 – E. Heidenreich. Wie Roland Koch als Strippenzieher nach Dubai kommt./Weiterlesen!./E. Heidenreich // Stern – 11.12.2009. URL: http://www.stern.de/kultur/buecher/elke-heidenreichs--weiterlesen---wie-roland-koch-als-strippenzieher-nach-dubai-kommt-3153608.html (дата обращения: 20.09.2015)

Список литературы

1. Абрамова, А. М. Функционально-стилистическое своеобразие языковых средств в литературной критике конца Х1Х-начала ХХ вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Абрамова Анна Михайловна ; Дагест. гос. пед. ун-т. – Махачкала, 2003. – 28 с.
2. Адмони, В. Г. Система форм речевого высказывания / В. Г. Адмони. – СПб. : Наука, 1994. – 151 с.
3. Алексеева, Т. С. Рецензия в газете : (На материалах центр. общеполит. прессы 1979-1983 гг., посвящ. анализу произведений искусства и лит.). : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Алексеева Татьяна Спартаковна ; – Москва, 1983. – 23 с.
4. Аксенова, Н. В. Оценочные смыслы в метафоре : (на материале англоязычной литературы ХХ века) : автореф. дис. … канд. филол. наук 10.02.04 / Аксенова Надежда Владимировна ; С.-Петерб. гос. ун-т. - Санкт-Петербург, 2007. – 19 с.
5. Актуальные проблемы теории и истории литературной критики. (К юбилею В. В. Тихомирова) сборник научных статей / отв. ред. : Е. Н. Белякова. – Кострома : Костромской государственный университет, 2011. – 264 с.
6. Аникина, Э. М. Интертекстуальность в дискурсе СМИ (на материале англо-американской прессы) : монография / Э. М. Аникина. – Уфа : РИО БашГУ, 2006. – 100 с.
7. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И. В. Арнольд. – Изд. 2-е. – Москва : URSS ЛИБРОКОМ, 2010. – 443 с.
8. Арутюнова, Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. – Сер. яз. и лит. – 1981. – № 4. – С. 356–367.

9. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова. – АН СССР, Ин-т языкознания : Наука, 1988. – 338 с.

10. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.

11. Баранов, А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход) : автореф. дис. ... д-ра фи-лол. наук / А. Н. Баранов , Ин-т русск. яз. АН СССР. - М., 1990. - 48 с.

12. Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста : теоретические основания и практика:учебное пособие / А. Н. Баранов; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. - 4-е изд.. - Москва : Флинта Наука, 2012. – 591 с.

13. Береговская, Э. М. Очерки по экспрессивному синтаксису / Э. М. Береговская. - М. : Изд-во УРСС, 2004. – 204 с.

14. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского. / М. М. Бахтин М.: Художественная литература, 1972. – 470 с.

15. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин ; сост. С. Г. Бочаров ; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.

16. Беззубов, А. Н. Стилистические приемы газетной речи: учеб. пособие для студентов-журналистов / А. Н. Беззубов. – С.-Петерб. Гос. ун-т. Фак. журналистики. – СПб. , 2000. – 55 с.

17. Белобратов, А. А. Томас Бернхард: двадцать лет спустя. / А. А. Белобратов. // Иностранная литература. – 2010. – Вып. №2. – С. 3 – 10.

18. Белокурова, С. П. Словарь литературоведческих терминов / С. П. Белокурова. – Санкт-Петербург : Паритет, 2006. – 314 с.

19. Бессонов, А. П. Газетный заголовок. / А. П. Бессонов. – Ленинград : Лениздат, 1958. – 62 с.

20. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. – 2-е изд, перераб. и доп. – М. СПб. : Большая Рос. энцикл. Норинт, 2000. – 1434 с.

21. Борев, Ю. Б. Роль литературной критики в художественном процессе. / Ю. Б. Борев. – Москва : Знание, 1979. – 63 с.

22. Бочаров, А. Г. Вопросы литературы и искусства в газете. Лекция. / А. Г. Борев. – Москва : Изд-во МГУ, 1979. – 44 с.

23. Бочаров, А. Г. Жанры литературно-художественной критики : Лекции. / А. Г. Бочаров. – М. : Изд-во МГУ, 1982. - 51 с.

24. Вальц Г.И. Структурно-композиционные особенности текста литературно - критического эссе: (На материале немецкояз. текстов). : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Вальц Гильда Ивановна ; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. –Ленинград, 1990. – 16 с.

25. Винокурова О. В. Рецензия как жанр концептуального анализа: учеб. пособие / О. В. Винокурова. – Иркутск : Восточно-Сибирская государственная академия образования, 2012. – 91 с.

26. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – 2-е изд. , доп. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.

27. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка. / И. Р. Гальперин. - Москва : Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. - 459 с.

28. Говорухина, Ю. А. Русская литературная критика на рубеже XX-XXI веков. монография / Ю. А. Говорухина. – Красноярск : СФУ, 2012. – 357 с.

29. Голоднов, А. В. Персуазивная и аргументативная коммуникация: к вопросу о разграничении понятий. / А. В. Голоднов. // Studia Linguistica – XII.

Перспективные направления современной лингвистики. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. – С. 404 – 409.

30. Гомлешко, Б. А. Языковые средства выражения иронии в художественных текстах Джона Голсуорси: лингвопрагматический аспект : (на материале языка романа "Сага о Форсайтах") : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук:специальность 10.02.19 /Гомлешко Бэлла Аслановна; Адыгейс. гос. ун-т. - Майкоп, 2008. - 26 с.

31. Гончарова, Е. А. Теория и практика стилистического анализа = Theorie und praxis der stilanalyse : учеб. пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению "Филологическое образование" / Е. А. Гончарова. – Москва : Академия, 2010. – 350 с.

32. Горохов, В. М. Критика и библиография в газете : Лекция для студентов-заочников фак. и отд-ний журналистики гос. ун-тов / В. М. Горохов. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 22 с.

33. Горохов, М. Ю. Автор публицистического текста как субъект высказывания. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Горохов Максим Юрьевич ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2006. – 22 с.

34. Грабельников, А. А. Работа журналиста в прессе : учеб. пособие / А. А. Грабельников. – М. : РИП-холдинг, 2001. – 274 с.

35. Гроссман, Л. П. Цех пера. Эссеистика. / Л. П. Гроссман. – М. : Аграф, 2000. – 557 с.

36. Гущина А.И. «Штерн» как тип информационного иллюстрированного еженедельного журнала. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Гущина Анна Игоревна ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2013. – 26 с.

37. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. - Москва : Гнозис, 2006. – 374 с.

38. Дементьев, В. В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. - Москва : Знак, 2010. - 594 с.

39. Демченко, В. Д. Немецкая литературная критика конца XVIII века: учеб. пособие / В. Д. Демченко. – Днепропетровск : ДГУ, 1986. – 79 с.

40. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика : системный подход к изучению языка СМИ : (современная английская медиаречь) :учеб. пособие / Т. Г. Добросклонская. - Москва : Флинта Наука, 2008. – 263 с.

41. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов : опыт исследования современной английской медиаречи /Т. Г. Добросклонская. - Изд. 3-е. - Москва : КРАСАНД, 2009. – 286 с.

42. Довгань, Н. В. Макротекстовая организация рецензии на литературное произведение в немецких печатных электронных изданиях: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Довгань Наталья Владимировна; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2013. – 24 с.

43. Драпалюк, А. С. Прецедентные феномены как один из способов интеллектуализации газетного текста. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Драпалюк Анна Сергеевна ; Сарат. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2010. – 20 с.

44. Дускаева, Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / Л. Р. Дускаева. – Пермь : Изд-во Пермского университета, 2004. – 276 с.

45. Егоров, Б. Ф. О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Стиль./ Б. Ф. Егоров. – Л. : Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1980. – 318 с.

46. Ерофеева, И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре. (ценностная рефлексия журналистики начала XXI века) / И. В. Ерофеева. – Чита : ЗабГГПУ, 2009. - 296 с.

47. Жанры советской газеты: учеб. пособие для фак. журналистики ун-тов. / М. С. Черепахов, С. М. Гуревич, В. Д. Пельт и др. – Москва : Высш. школа, 1972. – 424 с.

48. Зельдович, М. Г. В поисках закономерностей. О литературной критике и путях ее изучения. / М. Г. Зельдович. – Харьков : Изд-во при Харьк. гос. ун-те, 1989. – 160 с.

49. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Изд. 5-е. – Москва : URSS ЛКИ, 2008. – 284 с.

50. Кайда, Л. Г. Стиль фельетона. Выражение авторской позиции. Лекции по курсу стилистики рус. яз. для студентов фак. и отд-ний журналистики гос. ун-тов. / Л. Г. Кайда. – М. : Изд-во МГУ, 1983. – 61 с.

51. Кайда, Л. Г. Эффективность публицистического текста / М. : Изд-во МГУ, 1989. – 182 с.

52. Кайда, Л. Г. Стилистика текста: от теории композиции - к декодированию: учеб. пособие / Л. Г.Кайда. – М. : Флинта Наука, 2004. – 206 с.

53. Кайда, Л. Г. Композиционная поэтика текста. : монография / Л. Г. Кайда. – Москва: Флинта Наука, 2011. – 400 с.

54. Кайда, Л. Г. Интермедиальное пространство композиции. : монография / Л. Г. Кайда. – Москва : Флинта Наука, 2013. – 172 с.

55. Кайда, Л. Г. Стилистика текста: от теории композиции - к декодированию : учеб. пособие / Л. Г. Кайда. – М. : Флинта Наука, 2004. - 206 с.

56. Ким, М. Н. Основы творческой деятельности журналиста. учеб. для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 031300 "Журналистика" и для обществоведческих специальностей / Санкт-Петербург и др. : Питер, 2011. – 393 с.

57. Киселев, А. Г. Теория и практика массовой информации. Подготовка и создание медиатекста учеб. для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям подготовки "Связи с общественностью" / А. Г. Киселев. – Санкт-Петербург и др. : Питер, 2011. – 399 с.

58. Клушина, Н. И. Стилистика публицистического текста / Н. И. Клушина. – Москва : Медиа-Мир Фак. журналистики МГУ, 2008. – 242 с.

59. Кобозева, И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры. / И. М. Кобозева // Вестник МГУ. - Серия 9: Филология, 2001. - № 6. – С. 134-135.

60. Колесниченко, А. В. Практическая журналистика : учеб. пособие / А. В. Колесниченко. – Москва: Изд-во Московского университета, 2010. – 191 с.

61. Колесова, Д. В. Аргументативный текст: особенности композиции в современном дискурсе / Д. В. Колесова // Филологический класс. – Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 2014.- №4 (38). - С.45-49.

62. Колядич, Т. М. Русская проза XXI века в критике: рефлексия, оценки, методика описания : учеб. пособие: для студентов, магистров, аспирантов филологического и журналистского факультетов вузов / Т. М. Колядич, Ф. С. Капица. - Москва : Флинта Наука, 2010. – 357 с.

63. Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности / Н. С. Болотнова, И. И. Бабенко, А. А. Васильева и др. – Томск : Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2011. – 492 с.

64. Коньков, В. И. Язык художественной публицистики. (Очерк и фельетон) : учеб. пособие / В. И. Коньков. – Л. : ЛГУ, 1983. – 92 с.

65. Коньков, В. И. Функциональные типы речи : учеб. пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования / В. И. Коньков. – Москва: Академия, 2011. – 220 с.

66. Кормилицына, М. А. Язык СМИ : учеб. пособие по курсу "Язык СМИ" для студентов I и II курсов подготовки бакалавров по направлению 031300 "Журналистика" / М. А. Кормилицына. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2011. – 87 с.

67. Кострова, О. А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 033200 - иностр. яз / О. А. Кострова. – М. : Флинта Моск. психол.-социал. ин-т, 2004. – 238 с.

68. Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. — М.: Сов. энцикл., 1962—1978. Т. 4: Лакшин — Мураново. — 1967. — С. 254—268.

69. Красноярова, О. В. Газетная художественная критика : учеб. пособие / О. В. Красноярова. – Иркутск : БГУЭП, 2004. – 211 с.

70. Кремер, И. Ю. Стратегии интерпретации немецкого критического текста. / И. Ю. Кремер. – Рязань : Рязанский государственный университет, 2009. – 114 с.

71. Крикунов, Ю. А. Рецензия в газете: учеб. пособие для студентов. фак. журналистики гос. ун-тов / Ю. А. Крикунов. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 40 с.

72. Лазутина, Г. В. Жанры журналистского творчества: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению

030600 "Журналистика" и специальности 030601 "Журналистика" / Г. В. Лазутина, С. С. Распопова. – Москва : Аспект Пресс, 2011. – 319 с.

73. Литературная энциклопедия. Т. 5. / П. И. Лебедев-Полянский, И. Л. Маца, И. М. Нусинов , И. А. Скрыпник, В. М. Фриче В; Отв. ред. А. В. Луначарский; Отв. секретарь О. М. Бескин. – М.: Изд-во Ком. Акад., 1931. – 784 стб.

74. Литературная энциклопедия. Т. 9. / Ред. коллегия: П. И. Лебедев-Полянский, И. Л. Маца , И. М. Нусинов , В. М. Фриче ; Гл. ред. А. В. Луначарский ; ученый секретарь Е. Н. Михайлова. — М.: ОГИЗ РСФСР, Гос. ин-т. "Сов. Энцикл.", 1935. — 832 стб.

75. Майданова, Л. М. Стилистические особенности газетных жанров. Лекции по спецкурсу / Л. М. Майданова. Свердловск : УрГУ, 1987. – 65 с.

76. Майданова, Л. М. Целостность и связность газетного текста: учеб. пособие / Л. М. Майданова. – УрГУ, 1984. – 89 с.

77. Мартемьянова, С. С. Интерпретация медиатекста как инструмент имплицитного убеждения. / С. С. Мартемьянова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. - Архангельск : Издательско-полиграфический центр САФУ. -. 2013.-Вып.№ 3.- С. 73-77.

78. Марьянчик, В. А. Аксиологичность и оценочность медиа-политического текста / В. А. Марьянчик. – Москва : URSS Либроком, 2013. – 266 с.

79. Матвеева, И. Ю. Медийная поддержка чтения. / И. Ю. Матвеева. – Москва : Издательство «Литера», 2010. – 166 с.

80. Махова, А. А. Функционально-прагматический потенциал интертекстуальности в журналистском тексте : автореф. дис. ... канд. филол.

наук : 10.02.01 / Махова Анна Алексеевна; Белгор. гос. нац. иссл. ун-т. – Белгород, 2015. – 24 с.

81. Мельник, Г. С. Основы творческой деятельности журналиста: учеб. пособие для студентов 1 курса фак. журналистики / Г. С. Мельник. – СПб. : Питер, 2004. – 271 с.

82. Методологические проблемы современной литературной критики. / ред. Л. Г. Якименко. – Москва : Мысль, 1976. – 350 с.

83. Миронова, Н. Н. Дискурс-анализ оценочной семантики : учеб. пособие по языкознанию (немецкий язык) / Н. Н. Миронова. – Москва : НВИ-ТЕЗАУРУС, 1997. – 158 с.

84. Михайлов, С. А. Журналистика Соединенных Штатов Америки / С. А. Михайлов. – СПб. : 2004. – 447 с.

85. Михальская, А. К. Основы риторики : Мысль и слово: учеб. пособие / А. К. Михальская. - М. : Просвещение, 1996. – 415 с.

86. Москвин, В. П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. / В. П. Москвин. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 168 с.

87. Набиева, Е. А. Оценочность в жанре рецензии: лингвистический и прагматический аспекты. (на материале "Литературной газеты" и региональной парламентской газеты "Тюменские известия" постсоветского периода 193-1995 и 2003-2005 гг.). : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Набиева Елена Айбулатовна ; Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень, 2010. – 25 с.

88. Нестерская, Л. А. Языковые средства формирования оценочности в современной публицистике. / Л. А. Нестерская // Язык, сознание,

коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. - М.: МАКС Пресс, 2002. - Вып. 21. – С. 171-177.

89. Основы творческой деятельности журналиста : учеб. для студентов вузов, обучающихся по спец. "Журналистика" / Ред.-сост. д. полит. н., проф. С. Г. Корконосенко. – СПб. : Знание, 2000. – 270 с.

90. Остович, Е. Н. Языковая организация текста газетной рецензии. (Текстообразующая функция оценки). : автореф. дис. ... канд. филол. наук : / Остович Елена Николаевна ; ЛГУ. – Л., 1989. – 17 с.

91. Палкевич, О. Я. Языковой портрет феномена иронии: (На материале современного немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.04 / Палкевич Ольга Язеповна ; Иркут. гос. лингвист. ун-т. - Иркутск, 2001. – 17 с.

92. Пасынков, Н. В. Литературная критика в средствах массовой информации в русскоязычном интернете 1994 - 2006 гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Пасынков Никита Владимирович ; РГГУ. – Москва, 2006. – 17 с.

93. Пельт, В. Д. Дифференциация жанров газетной публицистики : учебно-методическое пособие / В. Д. Пельт. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 47 с.

94. Петрова, Н. Е. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии : учебное пособие / Н. Е. Петрова. – Москва : Флинта Наука, 2011 – 155 с.

95. Покровская, Е. В. Понимание современного газетного текста и его языковые характеристики. : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.01 / Покровская Евгения Васильевна; Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. – Москва, 2004. – 43 с.

96. Прибыткова, С. А. Семантико-прагматические особенности электронной рецензии как вторичного текста: (На примере англ. яз.) . : автореф. дис. ... д-

ра. филол. наук : 10.02.04 / Прибыткова Светлана Александровна; Тамб. гос. ун-т. им. Г. Р. Державина. – Тамбов, 2004. – 24 с.

97. Провоторов, В. И. Очерки по жанровой стилистике языка : (На материале нем. яз.) / В. И. Провоторов. – Курск : Изд-во Регион. открытого соц. ин-та, 2001. – 140 с.

98. Пронин, Е. И. Средства и методы воздействия газеты на формирование общественного мнения. (Некоторые проблемы методологии теории печати). : автореф. дис. … канд. филол. наук : / Пронин Евгений Иванович ; – Москва, 1968. – 22 с.

99. Риторические основы журналистики. Работа над жанрами газеты : учеб. пособие / отв. ред. З. С. Смелкова. – 4-е изд. , испр. – Москва : Флинта Наука, 2006. – 318 с.

100. Рогова, К. А. Синтаксические особенности публицистической речи / К. А. Рогова. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. – 71 с.

101. Русова, Н. Ю. От аллегории до ямба. Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению / Н. Ю. Русова. – М. : Флинта Наука, 2003. – 301 с.

102. Салимовский, В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст) / В. А. Салимовский – Изд-во Перм. ун-та, 2002. – 234 с.

103. Санкова, Л. В. "Фокус" в системе новостных иллюстрированных еженедельников Германии. (Анализ концепции и контента). : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.01.10 / Санкова Людмила Валерьевна ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.– Москва, 2010. – 22 с.

104. Сергеева, Л. А. Оценочное значение и категоризация оценочной семантики: опыт интерпретационного анализа. : автореф. дис. … канд.

филол. наук : 10.02.01 / Сергеева Лариса Александровна ; Башк. гос. ун-.– Уфа, 2004. – 45 с.

105. Серль, Дж. Р. Косвенные речевые акты / Дж. Р. Серль. // Новое в зарубежной лингвистике : Вып. XVII. Теория речевых актов. - М.: Прогресс, 1986. - С. 195-222.

106. Серопегина, Т. В. Способы модификации оценочных номинаций лица в английской лингвокультуре. : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Серопегина Татьяна Викторовна ; Волгогр. гос. ун-.– Волгоград, 2011. – 20 с.

107. Силецкая С. С. Литературно-критический дискурс Томаса Элиота : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Силецкая Светлана Сергеевна ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. - Санкт-Петербург, 2011. – 21 с.

108. Синдеева, Т. И. Речевой жанр «газетная рецензия» и его лингвотекстовые характеристики (на материале английского языка). : / Синдеева Людмила Валерьевна ; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза. – Москва, 1984. – 25 с.

109. Слепцова, М. А. Ирония как косвенный речевой акт отрицательной оценки : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.05 /Слепцова Мария Александровна; С.-Петерб. гос. ун-т. - Санкт-Петербург, 2008. – 18 с.

110. Смирнов В. В. Жанры радиожурналистики : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и спец. "Журналистика" / В. В. Смирнов. - М. : Аспект-пресс, 2002. – 287 с.

111. Солганик, Г. Я. Стилистика текста : учеб. пособие для студентов, абитуриентов, преподавателей-филологов и учащихся ст. классов шк. гуманит. профиля / Г. Я. Солганик. – 2-е изд. . – М. : Флинта Наука, 2000. – 252 с.

112. Социальная практика и журналистский текст. / под ред. Я. Н. Засурского, Е.И. Пронина. – М. , Изд-во МГУ, 1990. – 173 с.

113. Смирнова Л. Г. Лексика с оценочным компонентом значения в современном русском языке и в тексте / Л. Г. Смирнова. – Смоленск, 2009. – 290 с.

114. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. – 2-е изд. , испр. и доп. – М. : Флинта: Наука, 2006. – 696 с.

115. Стрельцов, Б. В. Основы публицистики. Жанры: учеб. пособие для студентов-иностранцев, обучающихся по спец. "Журналистика". / Б. В. Стрельцов. – Минск, 1990. – 239 с.

116. Стюфляева, М. И. Поэтика публицистики / М. И. Стюфляева. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1975. – 154 с.

117. Стюфляева, М. И. Образные ресурсы публицистики. / М. И. Стюфляева. – М. : Мысль, 1982. – 176 с.

118. Стюфляева, М. И. Человек в публицистике. (Методы и приемы изображения и исслед.). / М. И. Стюфляева. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 143 с.

119. Тамерьян, Т. Ю. Историко-этимологический словарь латинских заимствований: учеб. пособие / Т. Ю. Тамерьян. – Владикавказ : Изд-во СОГУ, 2009. – 151 с.

120. Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в разработке языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль людского фактора в языке. Язык и картина мира. - М. : Наука, 1988. - С. 173-205.

121. Текст – дискурс – стиль в современной этнокультуре Германии : монография : к 70-летию доктора филологических наук, профессора Евгении Александровны Гончаровой / Е. А. Гончарова, А. Л. Вольский, В. А.

Андреева и др.; редкол. : доц., д. филол. н. А. Л. Вольский (отв. ред.) и др. – Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ, 2012. – 298 с.

122. Тертычный, А. А. Аналитическая журналистика: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 030600 "Журналистика" и специальности 030601 "Журналистика" / А. А. Тертычный. – 2-е изд. , испр. и доп. – Москва : Аспект Пресс, 2012. – 351 с.

123. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати. учеб. пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки бакалавров и магистров "Журналистика" и специальности подготовки дипломированных специалистов "Журналистика" / А. А. Тертычный. – Изд. 5-е испр. и доп. . - Москва : Аспект Пресс, 2014 – 348 с.

124. Тимченко, И. С. Авторская колонка в современных СМИ : учебно-методическое пособие для студентов 3 курса факультета журналистики направления "Международная журналистика" / И. С. Тимченко. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 201. – 170 с.

125. Токарь, Э. К. Средства косвенной оценки в политическом дискурсе конца XX-начала XXI вв. (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. … канд. филол. наук 10.02.19 / Токарь Эмма Казбековна; Кубан. гос. ун-т. - Краснодар, 2008. - 19 с.

126. Трипольская, Т. А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты / Т. А. Трипольская. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999. -– 165 с.

127. Троицкая, Т. Б. Полемическая стратегия в немецкоязычном публицистическом дискурсе. / Т. Б. Троицкая. – Рязань : РГУ, 2010. – 138 с.

128. Трубченинова, А. А. Эмотивность и оценочность в немецком газетном спортивном дискурсе. : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 /

Трубченинова Анна Александровна ; Моск. гос. лингвист. ун-т.– Москва, 2006. – 24 с.

129. Тэйлор, Йен. В умах людей. Дарвин и новый мировой порядок. / Йен Тэйлор. - Симферополь: Христианский научно-апологетический центр, СОНАТ, 2000. - 552 с.

130. Ученова, В. В. Основные направления разработки теории публицистики: учеб.-метод. пособие для студентов-заочников фак. и отд-ние журналистики гос. ун-тов. / В. В. Ученова. – Москва : Изд-во МГУ, 1978. – 70 с.

131. Федоровская, В. О. Производные номинативные единицы как интралингвистический параметр текста публицистической рецензии (на материале рецензий на новеллу Г. Грасса "Траектория краба"). : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Федоровская Виктория Олеговна; ГГУ им. М.В. Ломоносова.– Москва, 2003. – 24 с.

132. Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. In memoriam. Е.М. Вольф / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания. Предисл. И. И. Челышевой. – М. : ИЯЗ, 1996. – 168 с.

133. Хализев, В. Е. Теория литературы : учеб. для вузов / В. Е. Хализев. - 3-е изд., испр. и доп.. - М. : Высш. шк., 2002. – 436 с.

134. Хорешко, О. Н. Жанровый аспект положительной оценки лица. : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Хорешко Оксана Николаевна; Сарат. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2005. – 21 с.

135. Цумарев, А. Э. Парцелляция в современной газетной речи. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Цумарев Алексей Эдуардович ; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – Москва, 2003. – 25 с.

136. Чернявская В. Е. Дискурс как фантомный объект: от текста к дискурсу и обратно? / В. Е. Чернявская / Когниция, коммуникация, дискурс. Междунар. эл. сб. научн. трудов. - 2011.- Вып. 3. - С. 86-95.

137. Чернявская, В Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 050300 "Филологическое образование" / В. Е. Чернявская. – Москва : URSS ЛЕНАНД, 2014. – 194 с.

138. Чернявская, В. Е., Логинова И. Ю. Программа политической партии как персуазивный текст / В. Е. Чернявская, И. Ю. Логинова // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2005. - №11. – С. 64-75.

139. Шарафутдинова, С. В. Формирование социальной оценки в дискурсе СМИ. (на материале спортивного дискурса). : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Шарафутдинова Светлана Вазыховна; Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2010. – 26 с.

140. Шелякин, М. А. Функциональная грамматика русского языка / М. А. Шелякин. – М. : Рус. яз. , 2001. – 287 с.

141. Шерстяных, И. В. Теория речевых жанров : лекционно-практический курс для магистрантов I курса, обучающихся по направлению 050100 "Педагогическое образование", программа магистерской подготовки 050100.68 "Теория и практика межкультурной коммуникациив в полиэтнической и поликультурной среде" / И. В. Шерстяных. – 2-е изд., стер.. – Москва : Флинта Наука, 2014. – 544 с.

142. Шильникова, О. Г. Литературная критика в журнальном контексте рубежа XX-XXI веков: принципы функционирования и качественного взаимодействия текстов. / О. Г. Шильникова. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2011. – 284 с.

143. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. / Авт.-сост. Вадим Серов. – М.: Локид-пресс, 2003. – 877 с.

144. Язык средств массовой информации: учеб. пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. – Москва : Альма Матер Академический Проект, 2008. – 758 с.

145. Ярцева, С. С. Жанровые признаки колонки / С.С. Ярцева // Вестник Воронежск. гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. – 2011. – № 1. – С. 226-228.

146. Ярцева, С. С. Колумнистика: история возникновения и перспективы развития. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Ярцева Софья Сергеевна ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2011. – 22 с.

147. Altmann P. Der Buchkritiker in deutschen Massenmedien : Selbstverständnis und Selektionskriterien bei Buchbesprechungen. / P. Altmann. München, Univ. , Diss. , 1982. – 257 S.

148. Anz, T. Literaturkritik. In: Literaturlexikon. / hrsg. Walther Killy. Bd. 14 : Begriffe, Realien, Methoden. Gütersloh, München 1993. – S. 38-41.

149. Anz, T., Baasner, R. Literaturkritik. Geschichte - Theorie – Praxis. / T. Anz, R. Baasner, München, 2004. – 272 S.

150. Berndt, F., Tonger-Erk, L. / F. Berndt, L. Tonger-Erk, Intertextualität. Erich Schmidt Verlag, Berlin, 2013. – 292 S.

151. Brinker K. Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. 7. , durchgesehene Auflage. / K. Brinker, Erich Schmidt Verlag GmbH & Co. , Berlin, 2010. – 160 S.

152. Burger H. Mediensprache. Eine Einführung in Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien. 3. , völlig neu bearbeitete Auflage. / H. Burger, Walter de Gruyter GmbH & Co, Berlin, 2005. – 486 S.

153. Fasel Ch. Textsorten. 2. , überarbeitete Auflage. / Ch. Fasel, UVK Verlagsgesellschaft mbH. , Konstanz und München, 2013. – 143 S.

154. Getschmann D. Zwischen Mauerbau und Wiedervereinigung: Tendenzen der deutschsprachigen journalistischen Literaturkritik. Metakritik und Praxis. / D. Getschmann, Königshausen u. Neumann. 1992. – 242 S.

155. Glotz P. Buchkritik in den deutschen Zeitungen. / P. Glotz, Verl. für Buchmarkt-Forschung. 1968. – 226 S.

156. Hage V. Kritik für Leser. Vom Schreiben über Literatur. / V. Hage, Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main, 2009. – 336 S.

157. Heinemann W., Viehweger D. Textlinguistik: eine Einführung. / W. Heinemann, D. Viehweger, Walter de Gruyter, Tübingen,1991. - 310 S.

158. Jaumann, H. Literaturkritik. In: Reallexikon der deutschen Literaturwissenschaft: Neubearbeitung des Reallexikons der deutschen Literaturgeschichte. Bd. 2: H-O. Berlin, New York 2000, S. 463-468.

159. Jäckel M. Medienwirkungen : Ein Studienbuch zur Einführung (Studienbücher zur Kommunikations- und Medienwissenschaft). / M. Jäckel, VS Verlag für Sozialwissenschaften ; Auflage: 5. , vollst. überarb. u. erw. Aufl. 2011. – 436 S.

160. Kaltenhäuser B. Abstimmung Am Kiosk : Der Einfluss Der Titelseitengestaltung Politischer Publikumszeitschriften Auf Die Einzelverkaufsauflage. / B. Kaltenhäuser, Deutscher Universitats-Verlag ; Auflage : 2005. – 348 S.

161. Literaturkritik. Theorie und Praxis. / hrsg. von Wendelin Schmidt-Dengler und Nicole Katja Streitler. – Innsbruck ; Wien : Studien-Verlag, 1999. S. 27-41.

162. Lüger H.-H. Pressesprache. 2. , neu bearbeitete Auflage. / H.-H. Lüger, Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 1995. – 169 S.

163. Lutz-Hilgarth D. Literaturkritik in Zeitungen : Dargestellt am Beispiel Gabriele Wohmann (Würzburger Hochschulschriften zur neueren deutschen Literaturgeschichte). / D. Lutz-Hilgarth, P. Lang ; 1 Edition. 1984. – 307 S.

164. Mayer H. Deutsche Literaturkritik. / H. Mayer, Fischer Taschenbuch Verlag, Frankfurt Am Main, 1978. – 1049 S.

165. Mecklenburg N. Kritisches Interpretieren. / N. Mecklenburg, Nymphenburger Verlagshandlung, München, 1972. – 227 S.

166. Neuhaus S. Literaturkritik. Eine Einführung. / S. Neuhaus, Verlag Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen, 2004. – 191 S.

167. Osborn, M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family. Quarterly Journal of Speech. – 1967 - 53. 2 April. -. P. 115-126.

168. Perrin D. Medienlinguistik. / D. Perrin, UVK Verlagsgesellschaft mbH, Konstanz, 2006. – 248 S.

169. Reich-Ranicki M. Über Literaturkritik. / M. Reich-Ranicki. Deutsche Verlags-Anstalt, Stuttgart, München 2002. – 80 S.

170. Rothbart O.-R. Bibliothekarische Buchkritik nach 1945 : Zwischen Pädagogik, Propaganda und Praktikabilität./ O.-R. Rothbart, Otto Harrassowitz Verlag. 1996. – 129 S.

171. Schalkowski E. Rezension und Kritik. / E. Schalkowski, UVK Verlagsgesellschaft mbH, Konstanz 2005, – 315 S.

172. Vogel A. Der Buchmarkt als Kommunikationsraum : Eine Kritische Analyse aus Medienwissenschaftlicher Perspektive. / A. Vogel, VS Verlag für Sozialwissenschaften ; Auflage : 2012. – 392 S.

173. Wolf C. M. Bildsprache und Medienbilder : Die visuelle Darstellungslogik von Nachrichtenmagazinen. / C. M. Wolf, VS Verlag für Sozialwissenschaften. 2006 , – 335 S.

Приложение

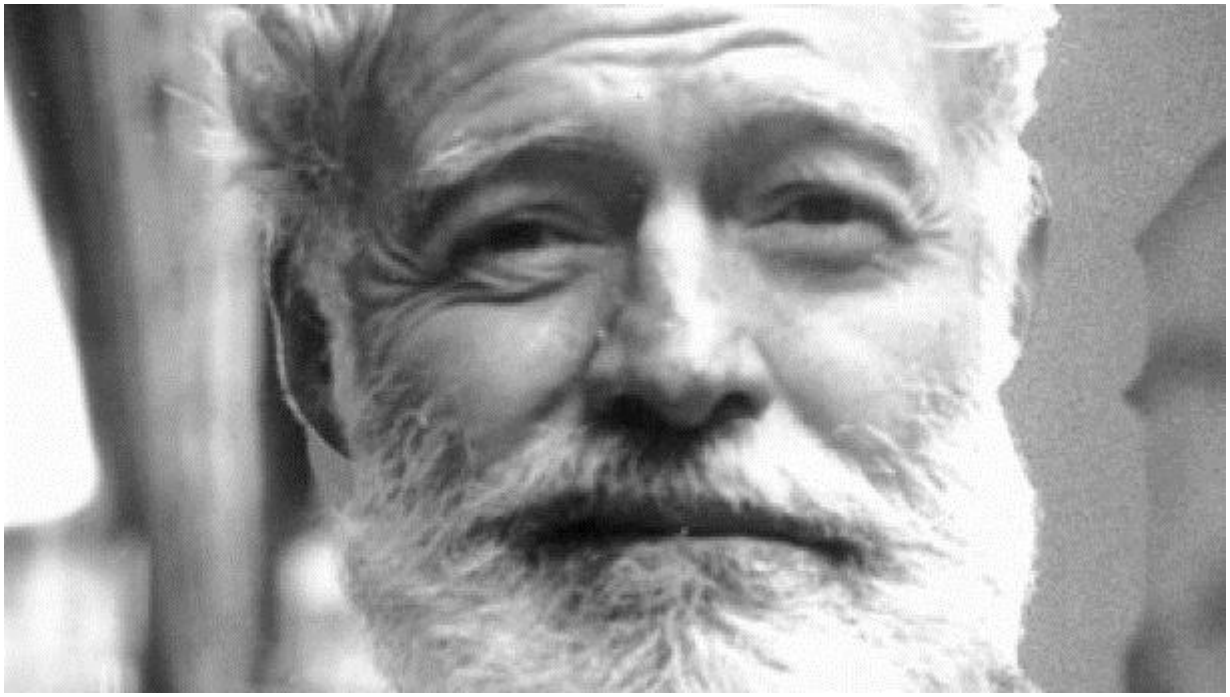
1. Пример ЛКК «Fragen Sie Reich-Ranicki» в газете «Frankfurter Allgemeine Zeitung»

Fragen Sie Reich-Ranicki

Ein Weltmeister im Selbstlob

Er ist das Genie der raffinierten Einfachheit, ein Getriebener, der nichts als die Wahrheit erzählen wollte und zugleich Opfer des eigenen Mythos war. Was sich heute über Hemingway sagen läßt, weiß Marcel Reich-Ranicki.

20.07.2011



© DPABrüstete sich stets mit seinem Mut und seiner Männlichkeit: Ernest Hemingway (1899 bis 1961)

Hemingways Todestag liegt nun fünfzig Jahre zurück, was können Sie uns über ihn erzählen?
Marcel Reich-Ranicki: Ähnlich wie der Selbstmord Heinrich von Kleists, von dem freilich den amerikanischen Autor eine ganze Welt trennt, begriff man auch den Tod Hemingways als Verwirklichung der Einheit von Leben und Literatur: Mit dem Schuss, der seinen Kopf zerschmetterte, hatte er sein Werk beglaubigt - grausam und nicht ohne Pathos. Von diesem Tage an lasen sich seine Bücher anders.
Die Wahrheit, nichts als die Wahrheit wollte er erkennen und zeigen. Daher sollte die Prosa, um die er sich bemühte - man kann sagen: um die er kämpfte -, knapp und karg, herb und hart und spröde sein. Er habe es, konnte man meinen, auf das Unkünstlerische

und das Unliterarische abgesehen. Aber was sich hier so unliterarisch gerierte, war eben doch Literatur - nur von ganz anderer, von neuer Art. Es war Kunst, wie geschaffen für jene, die, von der Kunst enttäuscht, ihr verächtlich den Rücken kehren wollten. Hemingway ist der Meister jener simplen Wiederholung, die sich als hochartistisches Mittel bewährt, er ist das Genie der raffinierten Einfachheit. So hat er "mit groben Stichen den Wertherrock der Moderne genäht".

Die Kunst des schreienden Understatements

Er liebte Rapporte, doch war er weder ein Chronist noch ein Berichterstatter, sondern weit eher ein (allerdings nüchterner) Visionär, ein Dichter. Wahrscheinlich hat er nie von Novalis und dessen Roman "Heinrich von Ofterdingen" gehört, aber die vielen rauhen Männer, die sich auf Hemingways Bühne tummeln, diese Jäger und Angler, Gangster und Soldaten, Boxer und Barmixer, die so häufig fluchen und so kräftig Gin und Whisky trinken - sie alle sehnen sich insgeheim nach einer blauen Blume. Er lieferte den Lesern, was sie dringend benötigten, wonach sie, ohne es auch nur zu ahnen, dürsteten: romantische und gleichwohl moderne Legenden. Sie alle freilich übertrifft die nahezu mythische Geschichte vom Schriftsteller Hemingway, der, um das Leben erfahren und beschreiben zu können, stets dessen Randbezirke und Grenzen suchte. Er war der triumphierende Held dieses Mythos - und zugleich dessen Opfer.

Er wusste die Kunst des schreienden Understatements zu üben und beherrschte - wie kein Erzähler vor ihm und kaum einer nach ihm - die Technik des Aussparens, das aufschreckt, des Verschweigens, das alarmiert: Indem Hemingway den Winkel eines Hauses in helles Licht tauchte, ließ er ahnen und spüren, was im Dunkeln geblieben war. Diese Methode hat er mit einem großartigen und vielzitierten Bild veranschaulicht - mit jenem vom Eisberg, bei dem auf jeden sichtbaren Teil sieben Achtel kommen, die man nicht sehen kann, weil sie sich stets unter Wasser befinden.

Ein Angeber, wie er im Buche steht

Nein, nicht an der Welt, der ungerechten und schnöden, hat Hemingway gelitten, sondern an sich selber. Denn er gehörte zum Geschlecht der Getriebenen. Sein Dasein stand von frühester Jugend an im Zeichen übermächtiger Obsessionen: Er war besessen von brennendem Ehrgeiz, er wurde gepeinigt von panischer Angst - und beides bedingte und steigerte sich gegenseitig. Was immer er vollbracht hatte, er musste es selber ausgiebig preisen, unentwegt rühmte er sich seiner Taten. Ein Leben lang bestanden Hemingways Briefe zum großen Teil aus baren Erfolgsmeldungen. Er brüstete sich mit seinem Mut und seiner Männlichkeit, er verwies stolz auf die von ihm erlegten Tiere und geangelten Fische, auf die Zahl ebenso seiner Kriegsverwundungen wie der Worte, die er an einem Tag geschrieben hatte. Er war Weltmeister im Selbstlob, er war ein Angeber und Aufschneider, wie er im Buche steht.

Ihre Fragen schicken Sie an **Sonntagsfrage@faz.de** oder an Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung, Stichwort „Sonntagsfrage“, Mittelstraße 2-4, 10117 Berlin.

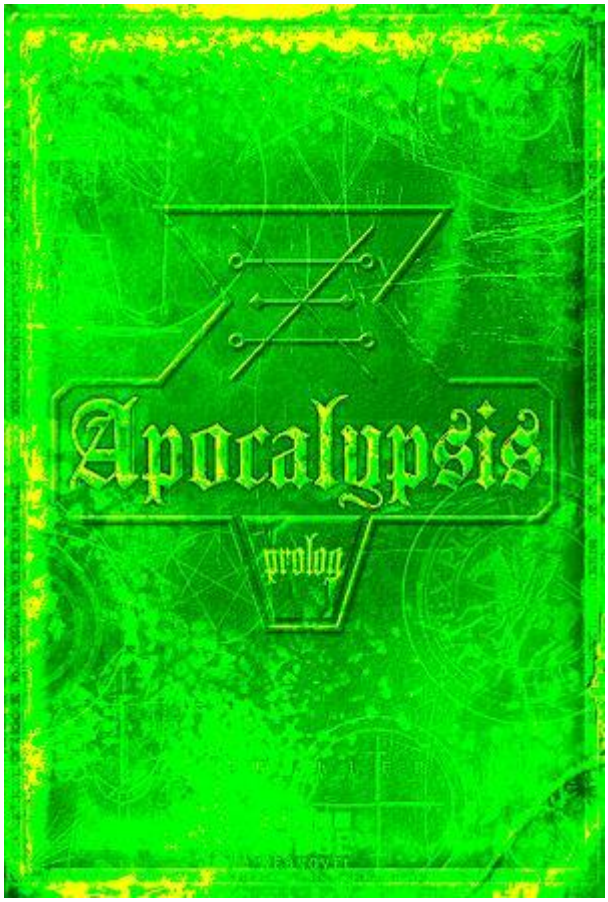
2. Пример ЛКК «Brands Bücher» в иллюстрированном журнале «FOCUS»

Brands Bücher

Brands Bücher: „Apocalypsis“

Der Papst als Schläger und die Welt in Aufruhr

Dienstag, 18.10.2011, 20:33 · · von FOCUS-Redakteur Jobst-Ulrich Brand



Mit einem Verschwörungs-Thriller à la Dan Brown will Bastei Lübbe das Verlagsgeschäft revolutionieren. Der Clou: Die Geschichte gibt es nur als digitalen Serienroman.
Der Teufel ist los im Vatikan. Erst ist der deutsche **Papst**Johannes Paul III. zurückgetreten und in irgendeinem abgelegenen Kloster verschwunden. Dann werden einige seiner Vertrauten auf bestialische Weise ermordet. Der Journalist Peter Adam, Korrespondent eines Nachrichtenmagazins **in Rom**, begibt sich auf Spurensuche – und wittert schnell eine gigantische Verschwörung, die die ganze Welt in den Untergang stürzen könnte. Ein düsterer Mönch, der stets vermummt in einer Kutte herumläuft, steckt dahinter. Aber in wessen Auftrag handelt er?

Allerlei Schurken treten auf: Opus Dei natürlich, wie immer wenn es um kirchliche Entgleisungen geht. Aber auch die Templer und machtgierige Geheimdienste. Der Papst zeichnet sich nicht gerade durch Sanftmut aus, sondern kann als Duisburger Arbeitersohn schimanskimäßig hinlangen. Und mysteriöse uralte Zeichen, Dokumente und Prophezeiungen spielen eine tragende Rolle. Wer bei all dem an Dan Brown und diverse Epigonen des Verschwörungsfanatikers aus Amerika denkt, liegt nicht falsch. Browns deutscher Verlag Bastei Lübbe hat die fantastische Fabel erdacht, beziehungsweise erdenken lassen. Das Kölner Unternehmen

hat den mit allen Genrewassern gewaschenen Autor Mario Giordano mit der Entwicklung des Plots beauftragt.

Erste Serien-Webnovel der Welt

Und ein ganzes Team mit seiner Umsetzung. Denn „Apocalypsis“, so der Titel des wüsten, aber durchaus packend konstruierten Werks, ist kein herkömmlicher Airport-Wälzer, wie Brown sie zu schreiben pflegt, sondern die laut Verlagseigenwerbung erste Serien-Webnovel der Welt. 13 Folgen gibt es insgesamt, jede Woche erscheint eine neue, den Prolog erhält man als Appetithappen umsonst. Die Geschichte wird vorerst ausschließlich für digitale Endgeräte angeboten – als eBook, Audio-Datei oder multimediale App fürs Tablet. Vor allem Letztere bietet deutlichen Mehrwert. Der Text ist mit allerlei Ton- und Bildeffekten angereichert und soll, so wünscht es sich der Verlag, zeigen, was beim eBook zur Zeit neuester Stand der Technik ist.

Bastei Lübbe hat einiges vor mit dem Genre Webnovel – schließlich sind Heftchenromane die Keimzelle des Unternehmens. Eine gut sechsstellige Summe hat man in „Apocalypsis“ investiert, an einer zweiten Staffel wird bereits eifrig gestrickt. Und die Vatikan-Schlacht soll nicht das einzige Werk dieser Art bleiben: In Köln existieren Pläne für fünf, sechs weitere Fortsetzungsgeschichten. Das alles passt zur neuen Strategie des Verlegers Stefan Lübbe, dem das Büchermachen alleine erklärtermaßen nicht mehr genügt. Wenn Verlage nicht neue Darbietungsformen für Literatur entwickelten, seien sie über kurz oder lang verloren, glaubt er. Über eine gerade aufgelegte Anleihe will sein Unternehmen 30 Millionen Euro einnehmen, die vor allem ins digitale Geschäft fließen sollen. „Auf diesem weiten Feld lässt sich künftig wachsen – auch international“, meint Lübbe.

© FOCUS Online 1996-2015
Fotocredits:

Colourbox.de, Bastei Lübbe
Alle Inhalte, insbesondere die Texte und Bilder von Agenturen, sind urheberrechtlich geschützt und dürfen nur im Rahmen der gewöhnlichen Nutzung des Angebots vervielfältigt, verbreitet oder sonst genutzt werden.

3. Пример ЛКК «Weiterlesen!» в иллюстрированном журнале «Stern»

Elke Heidenreichs "Weiterlesen!"

Die Prechtisierung der Buchszene

Nach dem Erfolg von David Prechts "Wer bin ich, und wenn ja, wieviele?" prechtet es im Bücherwald, dass sich die Hirne biegen. *Elke Heidenreich* schlägt eine Schneise durch die Neuerscheinungen - und landet bei dem berühmten Philosophen Thomas M. Stein, bekannt aus "Deutschland sucht den Superstar."

Mein Gott, was hat sich das gelohnt, Richard David Precht mit seinem Buch "Wer bin ich, und wenn ja, wieviele?" damals in "Lesen!" zu loben und denen zu empfehlen, die mal das Denken versuchen möchten! (Übrigens, der weiterführende Entwurf bei Piper: "Wo leben wir eigentlich, und wenn ja, wie oft?", irgendwas über Paralleluniversen, wird beworben mit "Der Precht für Physik". Klar, unter Precht geht nix mehr.) Überall prechtet es, es wird gedacht, dass sich die Hirne biegen, und wer es nicht allein kann, dem hilft zum Beispiel bei Diogenes "Denken mit Schiller". Die neuen Kataloge der Verlage bersten geradezu vor Denkangeboten. Und sie geben gern zu, woher sie es haben: "Nicht denken macht auch nicht schön!" heißt ein Buch bei Bastei Lübbe, "empfohlen für alle, die seit Richard David Precht Spaß an der Philosophie haben." Der Autor heißt Cave und beweist, dass man schön und schlau sein kann, aber das hat ja Precht eh schon bewiesen.

Bei dtv ist man sich nicht ganz sicher: "Ich denke, aber bin ich auch?" fragt ein Autor namens Fearn, der Verlag empfiehlt: "Für Leser von 'Wer bin ich - und wenn ja, wieviele?'" Ja, bin ich denn nun, oder nicht? Im Verlag namens Riemann beschwört ein Autor namens Ramo trotzig "Das Zeitalter des Undenkbaren". Alles ist so kompliziert, wir können nicht einfach mehr so weiterdenken wie bisher! Der Beck Verlag warnt denn auch: "Fallstricke. Die häufigsten Denkfehler in Alltag und Wissenschaft." Das brauchen Sie, wenn Sie eine Marssonde bauen, damit Sie sich nicht - wie 1999 die Amerikaner - bei der Umlaufbahn um 170 Kilometer verrechnen, was dann schon mal locker 320

Millionen Dollar kostet. Und das kann ja niemand wollen. Eine Denkhilfe für den Hausgebrauch also.

Für jeden Trottel was dabei

Bei Fischer gibt es schon eine Anthologie, in der die klügsten Wissenschaftler der Welt uns Undenkbares vordenken, und ebenfalls bei Fischer will man letztlich nicht wissen, wieviele ich bin, sondern "wie viel von mir bin ich?", Autor: Mary E. Pearson, Buch: "Zwei und Dieselbe". Und nun wird's ganz kompliziert, denn wenn ich nicht mal mehr weiß, wer ich bin, weiß ich natürlich auch nicht, wieviel davon... ach, lassen wir das. Kopf hoch, es ist für jeden Trottel was dabei: "50 Rätsel für taktisches Denken", "50 Rätsel für visuelles Denken" und "50 Rätsel für schnelles Denken", alles von einem Autor namens Phillips, alles bei Ariston. Mann, kann der Mann denken!

Aber es gibt ja auch schon den Mann, der weiß, was wir denken: ein Autor namens Havener, noch schöner als Precht, der denkt nicht nur, sondern sieht direkt in meinen armen dummen Kopf: "Ich weiß, was du denkst" bei rororo, und zusammen mit einem Herrn namens Dr. Spitzbart (der heißt wirklich so, ist aber nicht annähernd so schön) hat er gleich noch ein Buch hinterher geschoben: "Denken Sie nicht an einen blauen Elefanten!" Und was soll ich Ihnen sagen? Schon denke ich an einen blauen Elefanten! Vertrackt, das alles.
Und damit auch die Kleinen mithalten können, bietet Dressler an: "Auch Monstern will gelernt sein." Also, erst werde ich Monster, dann lerne ich denken, und weil Richard David Precht schon wieder einen Schritt weiter ist und über die Liebe als "ein unordentliches Gefühl" nachdenkt, springen bereits die Ersten ganz schnell auch auf diesen neuen Zug auf: "Alles ist möglich, nur die Liebe nicht mehr!" preist Klett-Cotta den Autor namens Hillenkamp an, dessen Buch denn auch heißt: "Das Ende der Liebe."
Kurzum: Wer sich in diesem Sommer nicht endlich selbst findet und mit der Liebe ein für allemal Schluss macht, dem ist nicht zu helfen. Letzter Tipp: "Wer bin ich? Was hat mich geprägt?" Ein Autor namens Schimmel erklärt uns im Wolf Jobst Siedler jr. Verlag unsere "Identität". Wer aber weder denken kann noch sich kennt oder findet und auch nicht weiß, wieviele er ist und ob er nun liebt oder nicht, der kann ja immer noch Hobbyphilosoph werden wie jener

Thomas M. Stein, der in der ersten Superstar-Jury saß, durch Humorfreiheit auffiel und nun bei Ehrenwirth seine Memoiren (?) geschrieben hat. Darin philosophiert "Onkel Stein": *"Die Erinnerung ist das einzige Gefängnis, aus dem man nicht entlassen wird."*
Schön gesagt, aber bei Jean Paul war es eben doch noch schöner, nämlich: *"Die Erinnerung ist das einzige Paradies, aus dem man nicht vertrieben werden kann."* Wir empfehlen "Onkel Stein": Einfach mal selber denken. Es gibt doch soviele schöne Ratgeber! Und wenn's nicht klappt, kochen wir nach dem Rezept von Rosalie Tavernier (Thiele Verlag) "Mutmach-Marmelade".